

Теория и символы
АЛХИМИИ

ВЕЛИКОЕ ДЕЛАНИЕ

Ложные
алхимики ищут
только способ
делать золото,
а истинные
философы
жаждут науки.

Первые делают
краски,
поддельные
камни,
а вторые
приобретают
знание вещей.

Иоганн Иоахим Беккер

**ВЕЛИКОЕ
ДЕЛАНИЕ**

"Новый Акрополь"

**Теория и символы
Алхимии**

ВЕЛИКОЕ ДЕЛЕНИЕ

А.Пуассон и др.

Киев 1995

ПРЕДИСЛОВИЕ

Об Алхимии спорят химики, философы, историки, психологи. Прошедшие несколько веков отдалили от нас суть этого средневекового искусства. И если прагматики сводят Алхимию только к поиску способов превращения неблагородных металлов в золото, то теософы находят в ее своеобразном символизме источник оккультных знаний, отражающих метафизическую реальность мира. Если для некоторых современных ученых века промышленных технологий Алхимия является не чем иным, как бесплодным отростком на живом дереве химии, то с позиции глубинной психологии в ней нашли свое исключительно своеобразное отражение творческие возможности человека. Сохранились ли ключи понимания этого феномена культуры? Особая многогранность объекта требует для его осмысления разностороннего, многопланового исследования. Из исторических источников, которыми мы располагаем, известно, что Алхимия получила широкое распространение в Европе в XIII—XVII веках. Однако разнообразие этих источников, как и их особый, символически-мифологический язык, затрудняют анализ западной Алхимии как исторического явления. Почти во всех древних текстах, посвященных “Царскому Искусству”, его родиной упоминается Египет. В эллинистической и последующих традициях указывается бог Тот (Гермес Трисмегист в средневековой алхимической традиции), который якобы открыл эту Великую Науку людям мифического прошлого.

Понять, чем была Алхимия в Древнем Египте, сложно, поскольку египтяне не открывали профанам смысла Мистерий, Таинств, скрывааемых в Храмах. Похоже, что в более позднюю эпоху, когда конец Египта был не за горами и его приближение становилось все более очевидным, жрецы

сознательно уничтожали всякое знание, используемое в Практической Магии, и Алхимию, как одну из ее ветвей, в том числе. Осколки древнеегипетской Алхимии, возможно, рассеяны по отрывкам древних мифов (как, например, в мифе об Озирисе, где бог оказывается погребенным в саркофаге, который запечатал свинцом его брат Сет), или же их следует искать в загадочном и символическом языке цветов настенной живописи древних усыпальниц.

В Греции пифагорейцы и Платон воссоздали древнюю систему "соответствий" между универсальными Принципами (Числами) и различными планами Природы. Средневековые алхимики рассматривали Платонова *"Тимея"* как один из основополагающих алхимических источников и широко использовали греческих богов для символического представления своего *"Великого Делания"*, или *"Великого Деяния"*, или *"Великого Дела"*. В эллинскую эпоху появляется так называемый *"Герметический Свод"* (*"Corpus Hermeticum"*), приписываемый богу Тоту. Он включает в себя такие известные тексты, как *"Пимандр"*, *"Асклепий"* и *"Изумрудная Скрижаль"*. С падением Римской Империи Алхимия нашла прибежище на Ближнем Востоке. Многие греческие философские и научные труды были переведены на арабский язык. В некоторых из них содержались сведения из области Алхимии. Наиболее известным из арабских алхимиков был Джабир ибн Гайан (721—815 гг.н.э.). Он основал школу, которой приписывают сотни алхимических трактатов. Имя Джабира было столь значительно, что известный итальянский алхимик XIII века избрал себе в качестве псевдонима имя Гебер — латинизированную форму имени Джабир. Под этим именем он создал свой *"Свод совершенств"* (*"Summa Perfectionis"*) — значительный труд по Алхимии.

Когда Западная Европа возобновила торговые связи с Ближним Востоком, алхимические тексты вновь стали проникать на Запад. Причем не только Византия и, воз-

можно, Сицилия, но и Испания стали проводниками древних традиций, и благодаря им это знание опять получило распространение на старом континенте, постепенно стряхивающем с себя оцепенение Средневековья. Согласно другим источникам, в период позднего Средневековья, когда между Востоком и Западом протянулись торговые пути, европейцы уже имели доступ к источникам мудрости Китая, где Алхимия существовала уже на протяжении тысячелетий и сохранялась в русле особого течения, известного в истории как Даосизм.

Изумрудная скрижаль. Согласно Е.П.Блаватской, единственным оригинальным текстом среди так называемых “Герметических” была знаменитая *“Изумрудная Скрижаль”*, приписываемая Гермесу Трисмегисту. Связать этот текст с каким-либо автором или периодом весьма сложно, поскольку мы располагаем лишь его латинским и арабским переводами. А единственными указаниями на авторство Гермеса Трисмегиста являются древние легенды, в основном символического характера. В статье *“Алхимия в XIX веке”* Е.П.Блаватская объясняет, почему столь сложно настаивать на авторстве одного лица:

“Разве не сообщает нам Авиценна, что *“Изумрудная Скрижаль”* — самый древний алхимический трактат — найдена Саррой, женой Авраама, на теле Гермеса, которое много веков покоилось в Хевроне? Но слово “Гермес” никогда не было именем одного человека. Это родовое имя, которое употреблялось аналогично термину “неоплатоник” в античности или “теософ” в настоящее время. Что же в действительности известно о Гермесе Трисмегисте, Трижды Величайшем? Гораздо меньше, чем мы знаем об Аврааме, его жене Сарре и его наложнице Агари, которую Святой Павел объявил аллегорией. Во времена Платона Гермес отождествлялся с египетским Тотом. Нет сомнений, что слово “Тот” означает не только “Разум”, но и “Собрание” (“Ассамблея”) или “Школа”.

На самом деле Тот-Гермес суть простая персонификация Гласа (или священного учения) касты Жрецов в Египте; Глас Великого Иерофанта. И если это так, можем ли мы сказать, в какую именно историческую эпоху на земле Кем начался расцвет Иерархии Посвященных? “

Древние жители Египта называли свою страну Хем, Хеми или Кем, что означало Черная Земля или Земля Тайны (“Египет” — более позднее название, данное элинами). Некоторые философы считают, что от этого древнего корня “Хем” или “Кем” и происходит слово “Алхимия”, означавшее “относящийся к Египту”.

Почти во всех алхимических текстах мы находим по меньшей мере два возможных ключа объяснения символов и аллегорий. Первый касается преобразования (трансмутации, превращения) металлов, их перехода от низшего, хаотического состояния к более высокому, упорядоченному и благородному. Второй связан с трансмутацией “хаотических”, или животных качеств человеческого существа, и с их превращением в более возвышенные. Преобладание благородных качеств над инстинктивными превращает индивида в “Золотого Человека” (см. в “Государстве” Платона упоминание легенды о металлах).

Во всех алхимических трудах, независимо от их формы, литературной или графической, использовались символы и аллегии. Поэтому в них, как во всякой системе символов, должны существовать различные ключи, помогающие понять систему на разных уровнях. Для неопитов даже простое определение на основе подлинных источников было задачей не из легких. И, как писала Е.П.Б., “поскольку в Европе преобладали фальшивые тексты, сам Гермес растерялся бы”.

Алхимический Труд. В своей работе алхимик использует три основных понятия: “Lapis Philosophorum” (Философский Камень), “Alkahest”, или Универсальный Растворитель, и “Elixir vitae” (Эликсир Жизни).

Эликсир Жизни обновляет физическое тело и продлевает человеческую жизнь. Е.П.Б. различает малый и большой Эликсир. Тот, который используется на физическом плане, связан с трансмутациями металлов и с омолаживанием. “Большой Эликсир” — символического характера — дарует сознательное Бессмертие в Духе, приводит к Нирване во всех циклах, которая предшествует Паранирване, т.е. абсолютному слиянию с Единой Сущностью.

Alkahest позволяет растворять все, что угодно, чтобы удалить из любой вещи все нечистое, что ее загрязняет. Суть этого реагента отражена в алхимическом афоризме “Solve et coagula” (растворяй и осаждай). В мистическом смысле — это Высшее Единое, изгоняющее все наносное, все примеси, и восстанавливающее элементы в их первоизданном виде.

Философский Камень делал возможным превращение загрязненных, нечистых металлов в золото. Мистически Философский Камень, бесспорно, символизирует изменение внутренней природы человека, ее возвышение до Божественного (Е.П.Б., *Теософский Словарь*).

Станислав Клоссовски считает, что “первой задачей ученика должен быть поиск Изначальной Материи”. Изначальное вещество — это материя в недифференцированном состоянии (санскритская “Пракрити”). Но это не материя в хаотическом состоянии, как свинец и многие другие из окружающих нас веществ. Изначальная Материя не имеет формы, однако может принять любую.

Четыре Стихии происходят из Изначальной Материи в процессе первого ее разделения, когда возникает Эфир, заполняющий все пространство. Семь металлов и любая другая форма материи в телесном мире происходят из Четырех Стихий.

Алхимическую концепцию Четырех Стихий можно связать с понятиями “бхута” и “танматра” индуистской школы Санкхья, которая учит, что каждый элемент

материального мира имеет дополнительный в познавательном мире субъекта.

Четыре Стихии представлены в алхимических текстах в виде множества особых символов. Тит Буркхардт объясняет, что, согласно герметической традиции, естественный порядок Стихий принято изображать в виде креста, центральная точка которого соответствует Пятой Сущности, или же в виде концентрических кругов — в этом случае Земле соответствует центральная точка, а Огню — внешний круг. Они могут быть выражены через составляющие элементы “Печати Соломона”, образованной двумя пересекающимися равносторонними треугольниками. Тот, вершина которого обращена вниз, соответствует Воде, а противоположный — Огню. Верхняя часть последнего, начиная с горизонтальной стороны другого, символизирует Воздух, а симметричный ему другой маленький треугольник, обращенный вершиной вниз — Землю. А вся печать в целом символизирует синтез всех Стихий, и через него — единство всех противоположностей.

Согласно космологической схеме, металлы происходят из четырех Элементов (или Стихий). Существует семь металлов, или “земных” планет, как их принято называть из-за того, что каждый из них представляет собой кристаллизованную, телесную форму эманлирующей энергии одной из семи астрологических планет. Металлы “рождаются” в течение долгого эволюционного процесса. Они “созревают” в недрах Земли, каждый под влиянием соответствующей планеты. Золото соответствует Солнцу, серебро — Луне, ртуть — Меркурию, медь — Венере, железо — Марсу, олово — Юпитеру и свинец — Сатурну.

Процесс трансмутации элементов протекает в несколько последовательных этапов, число которых в разных алхимических текстах упоминается как 3, 7, 12 и 21. Как уже упоминалось, превращения начинаются с подготовки

Изначальной Материи (сырья), или подготовки ртути с серой и солью, что изображалось в Атаноре (сосуд-горн для получения Эликсира). Подобно тому как золото и серебро представляют собой статичные кристаллизации Солнца и Луны, сера и ртуть являются активными или динамическими проявлениями двух противоположных сил.

Первые врата. Утерянное ныне Искусство, корнями своими уходящее в допотопное время, открывается лишь вдумчивому философу, ищущему мудрость. Желая составить представления о сути таинственной герметической науки, следует начать со знакомства с ее своеобразным языком. Исследования французского алхимика XIX века Альберта Пуассона и его современника, русского философа-естествоиспытателя Николая Морозова, включенные в состав настоящей книги, содержат исторический обзор основных алхимических трактатов Царского Искусства, описание основных этапов и конечного продукта Великого Делания. Их взгляды на суть феномена Алхимии различаются. Для А.Пуассона естественна, несомненна мистическая сторона этой древней мудрости, истоки которой теряются в глубине веков, восходят к мифическим временам. Его доверие к историческим источникам, убежденность в возможности осуществления Великого Делания, скорее всего, основано не только на интеллектуальном постижении, но и на определенном опыте практического прохождения отдельных этапов алхимического процесса. Н.Морозов же склонен оценивать Алхимию лишь как предхимию, относя налет мистицизма за счет невежества древних исследователей. Такой подход к традиционным знаниям вообще присущ был науке начала XX века, и в этом смысле автор является выразителем позитивистского подхода. Однако следует отдать должное его уважению к трудам предшественников и внимательному, вдумчивому отношению к историческим свидетельствам. Благожелательный читатель будет иметь возможность уловить глубокие

архетипические пласты Алхимии и за кажущейся порой парадоксальной символикой этой науки, и за некоторым налетом скептицизма, присущим выразителям научного мировоззрения XIX века.

Включенные в настоящую книгу избранные произведения философов XX века Фернанда Шварца и Карла Густава Юнга дают представление о связи алхимических процессов с духовной эволюцией человека, позволяют воспользоваться психологическим ключом интерпретации процесса трансмутации химических элементов, над которым трудится алхимик, осуществляя поиск Философского Камня.

Мирча Элиаде видит в Алхимии одно из выражений религиозного сознания человека, восприятие мира через призму священного, сакрального, делает попытку сблизить алхимическую символику с языком Мистерий.

Менее всего данная подборка материалов может служить пособием по Алхимии или руководством для лабораторных опытов, но имеет своей целью пробудить пытливый ум искателя мудрости, дать толчок самостоятельным углубленным поискам, лишь слегка приоткрыть покрывало Изида, чтобы возникло доверие к древней мудрости, присутствующей в традициях Востока и Запада.

Платон учил нас, что существуют люди из Золота, Серебра, Бронзы и Железа. Он упоминал также о возможности сплава, смешения металлов в душах и их трансмутации в процессе инициатического обучения.

В этом и заключается для нас огромная важность этой древней Великой Науки. Атанор дает нам возможность очищения и преобразования нашей личности, нашего "Я", и, что еще более важно, позволяет участвовать в Великом Деле (Opus Magnum) изменения других.

Альберт Пуассон

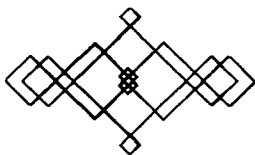
ТЕОРИЯ И СИМВОЛЫ
АЛХИМИИ
ВЕЛИКОЕ ДЕЛЕНИЕ

Избранные главы

Печатается по изданию:
Альберт Пуассон. *Теория и символы Алхимии.*
Перевод под ред. А.В.Трояновского
Петроград. 1915.

Предполагать, что наука закончится на наших современных знаниях было бы безумием. Человек не имеет права останавливаться на пути. Он должен, опираясь на то, что знает, стремиться все вперед и вперед в безграничную область неведомого.

Из старой тетради

ВВЕДЕНИЕ

I

Алхимия — наука самая туманная из всех, оставленных нам в наследство Средними Веками. Схоластика, со своей тонкой аргументацией, Теология, с двусмысленной фразеологией, Астрология, столь обширная и сложная, — суть детские игрушки в сравнении с Алхимией.

Откройте один из важнейших герметических трактатов XV или XVI века и попробуйте его читать. Если вы не специалист в этом предмете, не посвящены в алхимическую терминологию и у вас нет некоторого познания в неорганической химии — вы скоро закроете книгу.

Некоторые скажут, что эти аллегории бессмысленны, что таинственные символы придуманы для развлечения... На это можно ответить, что не мудрено отрицать то, чего не понимаешь, и мало людей, которых препятствия только побуждают вести борьбу. Эти последние — избранные науки — имеют настойчивость, основную добродетель ученого. Когда им представляется проблема, они начинают трудиться без усталы, чтобы найти ее решение. Знаменитый алхимик Дюма, начав с одного факта, потратил десять лет на разработку закона металеписи, т.е. замен элементов.

Герметические трактаты действительно темны, но за этой темнотой скрывается свет. Если алхимическая теория открыта и известен ключ главных символов, вы можете

смело предпринять чтение любого алхимического сочинения. Что вам казалось бессмысленным, окажется логичным; символы, которые вас удивляли, будут ясны, и вы будете находить удовольствие в их дешифровании.

II

Родина Алхимии, как и многих других наук, Египет, где знания находились в руках жрецов и посвященных, производивших опыты в величайшей тайне, в тишине святилища. Когда Римляне завоевали Египет, тайны Изиды перешли к неоплатоникам и гностикам. Эту эпоху (II и III века христианства) можно считать временем зарождения Алхимии. Тогда-то и были написаны первые трактаты, часть которых дошла до нас под именами Останеса, Пелага, Псевдо-Демокрита, Синезия, Зосима, Гермеса, Клеопатры VII и др. Эти сочинения об искусстве делать золото, идущие рядом с металлургическими и экономическими рецептами, были отысканы М.Бертело, указавшим на них в своем *“Введении к изучению химии”* и, в особенности, в *“Собрании трудов греческих алхимиков”*. Можно констатировать, что с тех пор Алхимия оставалась неизменной во всей полноте своей теории до времени великого Лавуазье.

Когда варвары наводнили Европу, науки и искусства замерли, а цивилизация оказалась в руках арабов. Их химики были терпеливыми наблюдателями и искусными техниками; они увеличили объем науки и избавили ее от посторонних элементов: Магии, Каббалы и Мистики. Самый знаменитый среди них, Гебер, первый упоминает об азотной кислоте и царской водке. Рядом с ним необходимо назвать имена Авиценны, Разера, Алфидия, Калида, Мориена, Авензоора.

Арабы поставили Алхимию, так сказать, на ноги. С этих пор она идет большими шагами к своему апогею.

Крестовые походы дали Западу славу и науку. Крестоносцы принесли драгоценные творения Аристотеля и трактаты арабских алхимиков.

Гермес Трисмегист, то есть Трижды Величайший. Дал имя трудам египетской академии, протоколы которой составлялись под этим псевдонимом много сотен, а может быть и тысяч лет.

Философия расправила крылья, у Алхимии появились великие учителя: Алан де Лилль, Альберт Великий, Роджер Бэкон, Фома Аквинский, Раймонд Луллий; в XIV и XV вв. — Джордж Рипли, Нортон, Бартоломей, Бернар Тревизан, Николай Фламель, Тритемий, Василий Валентин, Исаак Голланд'и др.

III

С Василием Валентином Алхимия вступила в новую эру и склоняется к мистицизму; она снова соединяется, как при своем зарождении, с Каббалой и Магией; в то же

время появляется Химия и мало-помалу отделяется от своей матери.

Самым знаменитым представителем Алхимии в XVI веке был Парацельс. Никогда реформатор не был более

Гебер. Царь Индии, великий маг, которому приписывают трактат о соотношении между семью планетами и семью именами Бога и др. неизвестные сочинения.

жесток, и никогда человек не имел более восторженных приверженцев и озлобленных врагов. Целого тома не хватило бы для перечисления сочинений его учеников и памфлетов его клеветников. Более известные из его последователей были: Турнейсер, Кроль, Дорн, Рох Бельи, Бернард Рено Керцелянус и, в особенности, Либавий. Другие алхимики этой эпохи, не принадлежащие ни к какой школе, а именно: известный Дионисий Захарий, Блез де Вигенер, Барнальд, Гроспарми, Вико, Гастон Клавес, Дюлко, Келли, Сендивогий, или Космополит. Можно поставить рядом с ними Джованни Баттиста дела Порту, известного автора "*Royal Chimie*"

("Естественная Магия") и трактата о человеческой физиогномике ("*Physionomie humaine*").

В XVII веке Алхимия находится в полном своем блеске; адепты, рассыпанные по Европе, доказывали истину науки Гермеса удивительными трансмутациями. Настоящие апостолы науки, они, живя бедно, шли в большие города и обращались только к ученым; их единственное желание — это доказать истину Алхимии фактами. Благодаря этому Ван-Гельмонт, Беренгар Пизанский, Кроссе де ла Гомери, Гельвеций — были обращены в алхимиков. Результат был достигнут; жажда золота охватила весь мир, все монастыри имели лаборатории, князья и короли держали алхимиков на жалованьи и совершали Великое Делание; медики, в особенности аптекари, отдались герметизму. В то же время появилось знаменитое общество Розенкрейцеров, о котором до сих пор не знают ничего верного.

Трактаты Алхимии, которые появились в XVII веке, бесчисленны, но в числе последователей уже не встречается имен, которые следовало бы назвать, кроме Филалета, президента Испании, Мишеля Мейера и Планискампи.

IV

В XVIII веке Алхимия клонится к упадку, а Химия, наоборот, прогрессирует и обособляется в науку. Открытия следуют одно за другим, факты накапливаются. Алхимия имеет еще сторонников, но они уже скрывают свои занятия, на них смотрят, как на безумцев. Нет более адептов; последователи довольствуются перепечаткой древних трактатов или же составлением компиляций, не имеющих никакой ценности. Отсутствуют имена: Пернети, Лангле Дюфренуа, автор истории герметической философии, Либуа, затем Сен-Жермен, Калиостро и Эттейна — личности из легенды.

В наши дни Алхимия не существует, и остался только интерес к ее истории. Алхимиков, связанных с древним

учением, осталось только два — Килиани и Камбриель. Что же касается Тифферо и Луи Люкаса, то они опираются на современную Химию, чтобы прийти к тем же заклю-

чениям, что и алхимики, ибо, любопытная вещь, последние открытия науки стараются доказать единство материи и, следовательно, возможность трансмутации. Правда, уже Пифагор знал, что земля обращается вокруг солнца, но только спустя две тысячи лет Коперник восстановил эту старую истину.

V

Скажем теперь несколько слов о предлагаемой книге. Мною приложены все усилия, чтобы сделать ее по возможности ясной, но, ввиду сложности предмета, ее читать необходимо со вниманием и методично.

ГЛАВА I

Причины неясности трактатов Алхимии. — Средства, употребленные алхимиками, чтобы скрыть способ Великого Делания. — Знаки. — Символы. — Мифологические имена. — Иностранные слова. — Анаграммы. — Басни. — Загадки. — Аллегории. — Криптография.

Герметические трактаты темны для читателя: во-первых потому, что читатели обыкновенно не знакомы с алхимическими теориями; затем и, в особенности, потому, что философы преднамеренно их затемняли. Они смотрели на Алхимию, как на самую высокую науку. "Алхимия есть искусство из искусств, это — истинная наука", — вскричал восторженно Калид в *"Книге трех слов"* (*"Livre des trois paroles"*). Подобная наука должна быть известна, по их мнению, только небольшому числу адептов. Можно ли их порицать за это? Теперь нам кажется такой взгляд преувеличенным, но в древности мистерии служили для передачи некоторых законов природы и правил философии. В средние века корпорации ремесленников имели практические секреты, которые ни один член корпорации не отважился бы разоблачить. Приготовление некоторых красок составляло драгоценное наследие, которое великие художники передавали своим наиболее любимым ученикам. Между тем как ученые, не колеблясь, продавали решения запутанных проблем, герметические философы скрывали свою науку и никому ее не продавали. Когда попадался неофит, достойный посвящения, они указывали ему дорогу, не открывая, однако, всего сразу. Они требовали, чтобы он добивался сам, и только наводили его и поправляли: один указывал состав материи Великого Делания, другой — градусы тепла, порядок окраски, принимаемой составом, устройство химической печи — атанора; но не было ни одного полного описания всего Великого Делания, так как

они верили, что могут за это навлечь на себя небесную кару — моментальную смерть. “Я не представляю себе, — говорит Фламель в разборе Авраама Еврея, — возможности написать это понятным латинским языком, так как Бог тотчас покарал бы меня.” (*“Explication des Figures de Nicolas Flamel”*).

Что же касается обвинения алхимиков в затемнении смысла и символичности, которые могли бы возвести на них слишком усердные теологи, то мне кажется, что символы и странные фигуры, наполняющие их сочинения, могли бы больше всего служить обвинением в Магии. Роджер Бэкон, Альберт Великий, Арнольд из Виллановы — не избежали обвинения в Магии и безбожии. А между тем алхимики были весьма набожны: в их писаниях постоянно попадаются воззвания к Богу. Они делили свое время между изучением, работой и молитвой. Некоторые думали даже, что тайну изготовления Философского Камня люди получили от самого Бога.

Ранее, чем объяснить символы, относящиеся к Великому Деланию, мы укажем, какие средства употреблялись алхимиками, чтобы скрыть от профанов науку священного Камня.

Прежде всего установлены знаки. Они появились вместе с Алхимией. Греки ввели их первыми, получив свою науку от египтян, где она изображалась с помощью иероглифов. Знак воды одинаков с иероглифом воды, подобно другим, например, золота и серебра*. Алхимические знаки весьма многочисленны в некоторых трактатах, например у Кунрата**, где он заменяет ими названия химических тел и стадий операции.

Символы имели такое же большое применение; так например, взлетающие птицы означали отделение пара, а птицы опускающиеся, наоборот, — поспешность, стреми-

* Hoefffer. *Hist. de la Chimie*, том I и Berthelot. *Origines de L'Alchimie*.

** Khunrath. *Confessio de chao physico chemicorum*.

тельность, опрометчивость. Феникс был символом Камня совершенного, способного обращать металлы в золото и серебро. Ворон символизировал черный цвет, который принимает материя в начале процесса Великого Делания, когда ее нагревают. Странная герметическая книга "*Liber*

Тайный источник из розового куста в дупле дуба и искатели золота.
(Аллегория из старой книги.)

Mutus" или "*Livre sans paroles*", в сущности, содержит только одну строчку текста. Она состоит из символических рисунков, иллюстрирующих процесс Великого Делания.

Мифологические имена были в большом ходу. Марс обозначал железо, Венера — медь, Аполлон — золото, Диана, Геката или Луна — серебро, Сатурн — свинец; золотое руно обозначало Философский Камень, а Бахус — материю земли. Это греко-египетский символизм; в средние века мифологическими именами пользовались для обозначения металлов, но в конце XVI века они так усложнились, что бенедиктинец дон Жозеф Пернети должен был написать два толстых тома ("*Fables grecques et egyptiennes dévoilees*"), чтобы объяснить их смысл и происхождение.

К мифологическим именам присоединилось большое количество иностранных слов: еврейских, греческих и арабских. По происхождению Алхимии, в ней должны

встречаться греческие слова, такие как: *hyle* — первичная материя, *hypoclastique* — сосуд для отделения летучих масел, *hydrooleum* — эмульсия масла и воды и т.д.

Арабские слова там еще более многочисленны, как то: эликсир, алкоголь, алкали, боракс, кроме не дошедших до нас, забытых, но находящихся в герметических трактатах, каковы: *alcani*, *etain*, *alafar*, *matras* и т. д. Что касается еврейских названий, то их можно встретить только в алхимически-каббалистических трактатах. Для изучения всех этих названий мы попросим читателя обратиться к "*Dictionnaire mytho-hermetique*" Пернети и "*Lexicon chemicum*" Жонсона.

Очевидно, что эта специальная терминология должна быть достаточна для устранения профанов, но алхимики пользовались еще и другими средствами. Они часто употребляли анаграммы. В конце "*Songe verd*" находится несколько, и вот объяснение двух из них: "*Seganissegede*" означает гения мудрости, а "*Tripsarecopsem*" — дух, тело, душа.

Они пускали в ход притчи. Вот одна, легко объяснимая. "Весь мир знает камень, а я клянусь Богом живым, что все могут иметь материю, которую я ясно назвал в книге: "*vitrium*", для невежд, но надо к нему прибавить L и O; вопрос в том, куда надо поставить эти буквы"* . Искомое слово есть "*vitriol*" (купорос).

Любопытная загадка, хорошо известная алхимикам, находится на стр. 744 третьего тома "*Theatrum chemicum*", сопровождаемая комментариями Николая Барнальда (Nicolas Barnauld). Вот она: "*Aelia Laelia Crispis*" есть мое имя. Я ни мужчина, ни женщина, ни гермафродит, ни дева, ни юноша, ни старуха. Я ни развратница, ни девственница, но все это взятое вместе. Я не умирала ни от голода, ни от железа, ни от яда, но от всех этих вещей сразу. Я не покоюсь ни на небе, ни на земле, ни в

---

* Helias. *Miroir d'Alchimie*.

воде, — но повсюду. “Lucius Agatho Priscius”, который не был ни моим мужем, ни моим любовником, ни моим рабом, без горечи, без радости, без слез, велел меня похитить, зная и не ведая, для кого этот монумент, представляющий ни пирамиду, ни мавзолей, но оба вместе. Вот могила, не вмещающая в себе труп, и труп, не заключенный в могилу. Труп и могила составляют одно”. Барнальд устанавливает в своем комментарии, что эта выдержка касается Философского Камня. Другой ребус, не менее знаменитый, заимствован из греческих авторов. “Во мне девять букв и четыре слога; помни обо мне. Первые три имеют каждая по две буквы. Другие имеют остальные пять согласных. Узнай меня, и ты будешь обладать мудростью”. Разгадка, по-видимому, будет — “Arsenicon”.

Имеется еще способ затемнения смысла: это — акростих. В нем начальные буквы слов какой-либо фразы или надписи составляли слово, скрываемое герметическими философами. Мы дали два таких акростиха в прилагаемых рисунках.

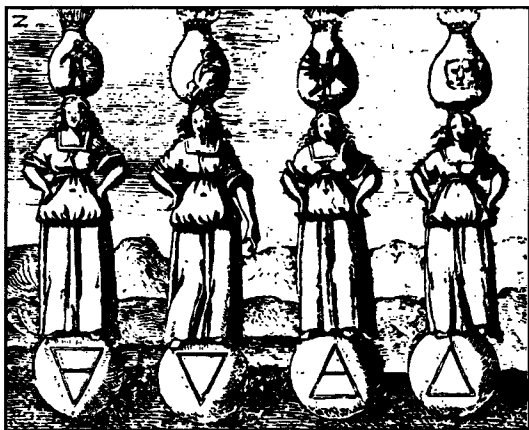
Вот средства сокрытия слов. Укажем теперь, как алхимики скрывали идеи.

На первом месте стоят легенды, заимствованные из греческой, латинской и египетской мифологии. Их находят у позднейших алхимиков в эпоху Возрождения. Мифами пользовались не только для сокрытия Великого Делания, но и старались доказать, что Гомер, Вергилий, Гесиод, Овидий — были адептами и учили практике Камня. Наиболее странное мнение приписывало Адаму знание Камня. Пернети в своем словаре, не колеблясь, дает герметическое объяснение Илиаде и Одиссее. Ни один миф не ускользает от его объяснения. Его работа очень любопытна, но утомительна. Пернети был последователем Либуа, написавшего “Энциклопедию богов и героев”*.

* Libois. *Encyclopedie des dieux et des heros, sortis des quatre elements, et de leur quintessence, suivant la science hermetique.* Vol 2.

Аллегорические истории применялись алхимиками также во все времена. Грек Зосим делает об этом довольно типический доклад, сообщаемый Хеффером в "*Histoire de*

Фигура, заимствованная из "*Viatorium spagyricum*" Ямстгалера. Символ 4-х элементов; для объяснения надо обратиться к картине, которая укажет значение треугольников и знаков элементов (см. гл. II).

la Chimie". В одной, более современной, указаны цвета, принимаемые материей во время Великого Делания: черный, серый, белый, желтый, красный. "Так, когда я намеревался путешествовать, то встретился между двумя горами с важным господином и скромным и серьезным крестьянином, одетым в серый плащ и черную шляпу; на шее его был повязан белый шарф, а талия стянута желтым поясом; на ногах его были красные сапоги". ("*Cassette du petit pausan*" par Ph... Vr...). Аллегория продолжается на нескольких страницах. Много любопытных аллегорий можно встретить в этой литературе, а именно: аллегии Мерлина и Хеффера; или в историческом очерке Фигье "*Алхимия и алхимики*". Эти авторы дают им весьма забавные толкования; так, Хеффер видит в аллегии Мерлина указание химического анализа, произведенного как сухим, так и сырым путем.

Теперь остается сказать о криптографии, то есть об искусстве секретного письма при помощи специальных букв и знаков, или иносказательной передаче истинного значения.

Фигура, заимствованная из II-го тома соч. Манже "*Bibliotheca chimica*". В середине между семью металлами находится "ребис" — химический гермафродит, одновременно мужчина и женщина, устойчивость и летучесть, "сера" и "меркурий". Летучий шар, символ материи, принужденной действовать жизненной силой, "археем". Дракон — символ единства материи, треугольник — три начала; квадрат и крест — четыре элемента. (См. гл. II, III и IV).

Алхимики употребляли специальные азбуки, составленные из герметических знаков, иногда с примесью цифр. Иоганн Третейм в своей "*Полиграфии*" ("*Polygraphia*") приводит несколько азбук, составленных из особенных знаков.

Иногда алхимики писали слова наоборот, или прибавляли ненужные буквы, тогда как другие выпускали буквы. Парацельс тоже искажал слова, так: "*Aroma philosophorum*" у него написано "*Aroph. D'Atre mont*"; в "*Tombeau de la pauvreté*" он даже заменяет целые фразы. К счастью, в

конец книги находится ключ или перевод этих странных терминов.

Раймонд Луллий предпочитает особый способ криптографии, обозначая главные периоды опыта, произведения и препараты буквами азбуки. Так, в его *“Процессе видоизменения души”* (*“Compendium animae transmutationis”*) написано: “Посмотри, сын мой, если ты возьмешь F и поставишь его в C, то получишь H, то есть первую фигуру F.C.H.” и т.д. F — означает металлы, C — кислоты, растворяющие металлы, а H — огонь первой степени.

Каждый алхимик употреблял особые способы криптографии; эта пространная наука бесполезна и увлекла бы нас слишком далеко. Достаточно того, что мы уже сказали о самых распространенных приемах.

ГЛАВА II

Символы Алхимии. — Материя, три начала, четыре элемента, семь металлов и их символы.

Пантаклями называются символические фигуры, составленные из самых разнообразных элементов, которые резюмируют собой целую теорию. Пантакль помогает понять и запомнить какую-нибудь систему. Это — краткая формула, которую можно развивать по желанию. Пантакли нередки в трактатах Алхимии. В сочинениях В.Валентина “Двенадцать ключей мудрости” и Г.Кунрата “Зрелище вечной мудрости” содержится их большое количество. В сочинении Бархузена “Химические элементы”* содержится трактат о Философском Камне, где ход операции изображен в 78 пантаклях. Четыре большие фигуры Ионитора Панзофуза (Janitor Pansophus) резюмируют всю герметическую философию. Мы имеем возможность дать краткое объяснение многих из этих фигур.

В этой главе мы рассмотрим символы, или пантакли, которыми алхимики резюмировали свои теории.

Греки изображали первичную материю змеем, кусающим свой хвост. Это — Уроборос гностиков. В середине круга, составленного таким образом, они писали формулу: *εν το παν* (“Единое — все”). Эта фигура находится в “Хризопее” Клеопатры VII (“*Chrysopée*” Cleopatre)**.

Далее, единство материи изображалось просто крестом.

Три начала имеют свои специальные знаки: знак “Меркурия мудрых” изображается кругом, сверху которого помещается луна, а внизу — крест, что также обозначает обыкновенную ртуть. “Сера философов” изображается треугольником, имеющим внизу три стрелы или крест.

* Barchusen. *Les Elements chimiques.*

** Berthelot. *Origines de l'Alchimie.*

“Соль” изображалась перечеркнутым посредине кругом. Три начала символизируются тремя лицами: Отцом, Сыном и Духом Святым. Эти принципы представлены также тремя

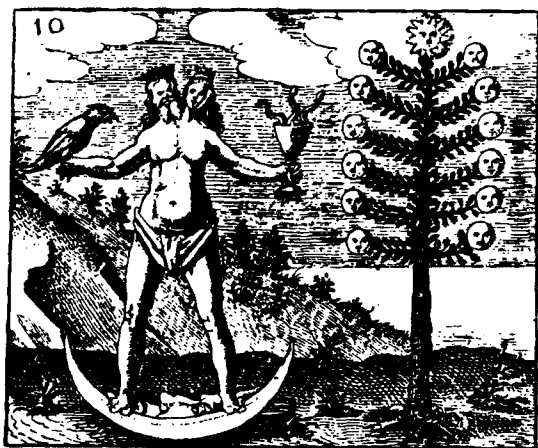
Фигура, заимствованная из немецкого издания “*Crede Mihi*” Нортон. Ребис, химический гермафродит, “сера” и “меркурий”, лежат в саду, окруженном стеной, символизирующей тройной сосуд: атанор, солнечную ванну, философское яйцо. “Меркурий” имеет то же значение: поставленный рядом с ребисом, он показывает, что гермафродит есть “меркурий философов”, или материя Великого Делания (См.гл. III, IV).

змеями или одним змеем с тремя головами, чтобы показать, что они имеют только один корень — материю, подобно Пресвятой Троице, совмещающей три лица в одном. Мы уже видели, что три начала сводились к двум: “Сере” и “Меркурию”; их изображали тогда двумя змеями, составлявшими круг. Один — с крыльями, представлял “Меркурия”, женское, летучее; другой — без крыльев, изображал “Серу”, мужское и устойчивое.

Четыре элемента имеют следующие знаки: “воздух” изображается треугольником, поставленным вершиной кверху и перечеркнутым линией, параллельной основанию; “вода” — треугольником вершиной книзу; “огонь” —

треугольником вершиной кверху; “земля” — треугольником, поставленным вершиной книзу и перечеркнутым линией, параллельной основанию. Шестиконечная звезда и четы-

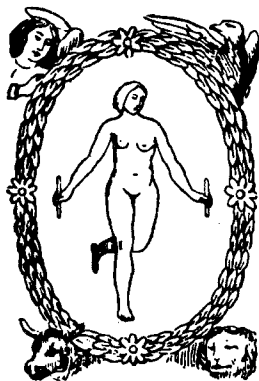

Фигура, заимствованная из соч. “*Viatorium spagyricum*”. Тут мы опять находим ребис. Ворон, символ черного цвета, означает, что философский брак, соединение “Серы” и “Меркурия”, мужского и женского, бывает в период, когда материя принимает черный цвет. Три змеи — символ трех начал. Рост лунного дерева означает, что здесь дело идет о белом камне малого магистериума или порошка. (См. гл. II, III, IV).

реугольник символизируют четыре элемента. Элементы эти были символизированы еще следующим образом: “воздух” изображался птицей; “вода” — кораблем, рыбой или сосудом, наполненным водой; “огонь” — саламандрой, драконом, изрыгающим пламя, зажженным факелом; “земля” — горой, львом — царем зверей или человеком. Таким образом они изображены в главе “*Gloria mundi*” сочинения “*Museum hermeticum*”. В знаке “меркурия” видели изображение кадуцея — жезла греческого бога или египетского бога с головой ибиса, над которой находится диск солнца и рога, символизирующие плодородие. Алхимики изображают часто металлы под видом олимпийских

богов: Сатурн, вооруженный косой, представляет свинец; Марс, в каске и с мечом — железо; Меркурий, с кадуцеем и крыльями на ногах и голове — ртуть и т.д. Это представлено на картине, находящейся в соч. "*Viatorium spagyricum*". На гравюре в сочинении "*Pretiosa margarita*" металлы изображены в виде шести юношей, стоящих на коленях перед королем, сидящем на троне и представляющим седьмой металл, самый совершенный — золото. Текст гласит, что каждый просит у короля царства. После ряда видоизменений, символизирующих Великое Делание, король исполняет их просьбу, и последняя фигура изображает их коронованными, то есть превращенными в золото; но это скорее относится к Великому Деланию, о котором мы будем говорить в следующих главах.

ГЛАВА III

Теория Великого Делания. — Материя Великого Делания. —
Сера и Меркурий. — Их символы. — Драконы Фламея. —
Список герметических символов Серы и Меркурия.

Великое Делание, или изготовление Философского Камня, было, как мы сказали, главной целью алхимиков. Их трактаты, обыкновенно, вращаются только около этого предмета. Поэтому в последующих главах мы будем говорить исключительно о Великом Делании.

Но прежде чем дать ключ герметических символов, мы в немногих словах представим путь, которым следовали алхимики для изготовления Философского Камня. Затем мы разберем каждую часть в отдельности.

Материя Великого Делания состояла из золота и серебра, соединенных с ртутью и обработанных особым образом. Золото брали, как материал, богатый “серой”, серебро — ввиду содержания чистого огня, “меркурия”; что же касается ртути, то она изображала “соль” — средство их соединения. Эти три тела, подвергнутые известной обработке, были заключены в колбу с длинным горлом — философское яйцо, тщательно закрытое. Смесь эта кипятится в химической печи, называемой атанор. Как только огонь разведен, Великое Делание, собственно говоря, началось и заключалось в различных фазах: кристаллизации, выпаривания, сгущения и т.д. Это составляло стадии операции, в течение которых материя принимала различные цвета, которые назывались “Цветами Великого Делания”. Последний, красный цвет возвещал конец Делания. Трансмутацией, при помощи брожения, материи сообщали большее могущество, после чего получался Философский Камень. Рассмотрим теперь теоретический состав материи Великого Делания. По алхимической теории

было рационально, чтобы материя Философского Камня была составлена из абсолютно чистых “серы”, “меркурия” и “соли”. Соединенные и сваренные по известным правилам, они должны были составить новое тело, которое, не будучи само по себе металлом, давало металлическое совершенство ртути, серебру, свинцу и олову.

Алхимики, говоря о материи Камня, считали ее то единой и неизменяемой, то тройственной, то четверной, заменяя ее состав элементами. Таким образом, “магистерий” произошел из одного и становится одним, или составляется из четырех, а три заключены в одном”*. Один — это материя Камня, рассматриваемая в своем составе, это также единая всемирная материя. Число четыре — четыре элемента; три — “сера”, “меркурий” и “соль”. Четыре элемента превращаются в три начала, что видно из другого текста того же сочинения Арнольда из Виллановы: “Существует Камень, составленный из четырех начал: огня, воздуха, воды и земли; “Меркурий” — это мокрый элемент Камня; другой элемент — “Магнезия”, в природе обыкновенно не встречается” (*“Lettre du roi de Naples”*). “Меркурий”, холодный и жидкий, изображает воздух и воду; “Магнезия” или “Сера” представляет огонь и землю, жар и сухость. Это объясняет, почему философы иносказательно говорили, что материя Камня имеет: три угла, три начала — в своей субстанции; четыре угла, элементы — в своей добродетели; два угла, устойчивость и летучесть — в своей материи; один угол, всемирная материя — в своем корне. Каббалистически, число материи будет — 10, ибо, соединяя эти числа, мы получим: $1+2+3+4=10$.

Они говорят также, что материя бывает растительная, животная и минеральная: растительная — потому, что она имеет дух; минеральная — потому, что она имеет тело; и животная — потому, что она имеет душу; мы

* Arnould de Villeneuve. *Le Chemin du chemin*.

здесь опять находим троицу: “сера”, “меркурий” и “соль”. Это те “соль”, “сера” и “меркурий”, которые составляют тело, дух и душу; они все три исходят из хаоса, или скорее из “моря философов”, где были между собою смешаны. (Гермофил). Это море философов, или хаос, указывает на единство материи. Этот символический язык разорил многих суфлеров. Вместо того, чтобы работать над металлами, они — принимая слова философов в буквальном значении — проводили свою жизнь, дистиллируя растения, мочу, волосы, молоко, в надежде извлечь материю Камня мудрецов.

Треугольник или четырехугольник символизирует материю Камня, смотря по тому, будут ли ее рассматривать как сформированную из начал или из элементов. Иногда треугольник заключен в квадрат; такой символ был взят из трактата под заглавием *“Le grand-Oeuvre devoile en faveur des enfants de lumiere”*. Свет представляет, следовательно, тот же состав, что и металлы: “Тщательно исследуй состав металлов. Поистине, в этом заключается все Делание мудрецов”. (*“Texte d’Alchimie”*).

Но как мы уже упоминали, большая часть философов обошла молчанием “соль” как третье начало металлов, и занималось только “серой” и “меркурием”. Они давали смеси “серы” и “меркурия”, приготовленной для Делания, название “ребис”. Филипп Рульяк дает этому слову следующее происхождение: “Вот причина, почему философы называли словом “ребис” материю благословенного Камня: оно составлено из латинских слов Res и Bis; это равносильно тому, что назвать одну вещь два раза; желая найти две вещи, представляющие одно целое, они называли таким образом “серу” и “меркурий”*.

“Сера” и “Меркурий”, составляющие начала активное и пассивное, были символизированы мужчиной и женщиной, обыкновенно королем и королевой. Так они изображены

* Rouillac Ph. *Abrege du Grand-Oeuvre*.

во II-м томе соч. "*L'Artis Auriferae*". Под символом короля и королевьы они представлены в "*Двенадцати Ключах*" Василия Валентина.

Соединение короля и королевьы составляло философский брак. "Знай, сын мой, что наше делание есть философский брак, где должны участвовать начала мужское и женское"*.

Собственно говоря, после этого брака или союза материя принимает название ребис, символизирующее двуполое тело. Этот химический гермафродит весьма часто встречается в герметических трактатах: в начале "*De Alchimia opuscula complura*", в "*Viatorium spagyricum*", в немецком переводе соч. "*Crede Mihi*" Нортонa и т.д.

В рукописных герметических трактатах король одет в красное, а королевьа в белое, так как "сера" — красная, а "меркурий" — белый. "Это наш двойной "меркурий", эта материя снаружи бела, а внутри красна". ("*Texte d'Alchimie*").

"Серу" и "меркурий" изображали также знаками золота и серебра; это обозначало, что "сера" должна быть извлечена из золота, а "меркурий" — из серебра. Знаки золота и серебра соответствуют в пантаклях сочинения Бархузена "*Liber singularis de Alchimia*" "сере" и "меркурию". Этот пункт будет развит в следующей главе.

Так как "сера" устойчива, а "меркурий" летуч, то алхимики изображали первую львом, царем зверей, а "меркурия" — орлом, царем птиц. "Меркурий" философов есть летучая часть материи; лев — часть устойчивая, орел — часть летучая. Философы говорят только о борьбе этих двух животных)**. Следовательно, орел, пожирающий льва, будет означать улетучивание твердых частей; наоборот, лев, пригвождающий орла, будет означать осаждение летучего "меркурия" с помощью "серы". Скажем мимоходом, что орел в соч. Филалета имеет иное значение:

* Rouillac Ph. *Abrege du Grand Oeuvre*.

** Pernety. *Fables egyptiennes*.

для него это символ совершенства в операции. Таким образом, семь орлов означают семь совершенств. (См. "*Entree ouverte au palais ferme du roi*").

В том же символическом смысле употребляли изображение двух змей, из коих одна крылатая, а другая без крыльев. Крылатая змея — начало летучее, "меркурий" — начало устойчивое, "сера" изображалась змеей без крыльев.

Тайна жизни изображена кругом, составленным из двух змей, одной крылатой, а другой без крыльев; что изображает две природы тел — устойчивую и летучую, соединенные вместе".* Две змеи то соединены, как в кадуцее Меркурия, то разделены.

В сочинении Авраама Еврея** находится изображение змея, пригвожденного к кресту; алхимически, это означает, что летучее должно быть сделано устойчивым.

Драконы имеют одинаковое значение со змеями. Дракон без крыльев, изображение которого мы находим в книгах Авраама Еврея и Николая Фламеля, — это "сера", мужское и устойчивое; крылатый дракон — это "меркурий", летучее и женское. Эти два дракона суть истинные начала философии мудрых.

"Находящееся внизу без крыльев представляет устойчивое или мужское, тогда как вверху — летучее или женское, черное и темное, которое возьмет верх в продолжение нескольких месяцев. Первое называется "серой" или холодом и сухостью, а второе — "меркурием" или сыростью и теплотой. Это солнце и луна, извлеченные из меркуриального и серного источника". (Николай Фламель)

Один дракон может также изображать три начала, но тогда у него бывает три головы: "Золотое руно сторожит дракон о трех головах; одна есть вода, вторая — земля,

* Lebreton. *Clefs de la philosophie spagyrique*.

** Так как вам придется несколько раз говорить об этих фигурах в разных местах и так как их нельзя разделить, мы поместили их с фигурами Фламеля на стр.121.

третья — воздух. Эти три головы должны соединиться в одну, которая будет достаточно сильна и достаточно могущественна, чтобы пожрать всех других драконов”*

Фигура, заимствованная из соч. “*Margarita pretiosa*”. Король изображает золото; дети, стоящие перед ним на коленях, изображают шесть других металлов. Они умоляют золото, чтобы оно передало им свое совершенство. (См. гл. II).

Три змеи в чаше означают три тела, составляющие материю Камня, помещенную в философское яйцо, — символ, обыкновенно сопровождающий химический гермафродитизм.

Фламель нам говорит, почему алхимики изображали “серу” и “меркурий” драконами: “Причина, что я тебе нарисовал эти две спермы под формой драконов, та, что их зловоние так же велико, как и зловоние драконов”. (“*Le Livre de Flamel*”).

Мы говорили о главных символах “серы” и “меркурия”. Существует бесконечное множество других символов, что весьма понятно, если вспомнить изречение: “Сера”, будучи мужским и устойчивым, а “меркурий” — летучим и женским, представляются веществами противоположными

* D'Espagnet. *Arcanes de la philosophie d'Hermes*.

(устойчивость, летучесть) или животными различных полов (самцом и самкой). В фигурах Ламбспринка они изображены в виде двух рыб, льва и львицы, оленя и лани, и, наконец, двумя орлами. Наиболее употребительный — символ двух собак. “Сера” называется кобелем, а “меркурий” — сукой. “Сын мой, возьми черных собак, соедини их, и они родят”^{*}.

“Сера” и “меркурий” имели громадное количество символических имен, из которых необходимо знать главные.

Синонимы “серы”: резина, масло, солнце, точность или устойчивость, красный камень, кислое молоко, шафран, мак, желтая медь или латунь, сухое, краска, огонь, спирт, агент, кровь, дух, красный человек, земля, царь, супруг, бескрылый дракон, змей, лев, кобель, бронза, философское золото и т.д.

Синонимы “меркурия”: женское начало, белое, луна, белое золото, сырое золото, недоваренное, азот, вода, молоко, белое покрывало, белая манна, белая моча, холод, сырость, летучесть, белая женщина, терпение, белый свинец, стекло, белый цветок. “Соли”: кора, покрывало, яд, купорос, воздух и т.д.

---

^{*} Calid. *Secrets d'Alchimie*.

ГЛАВА IV

Материя Великого Делания. — Два пути. — Золото и Серебро. — Их очищение. — Источник философов. — Бани короля и королевы. — Растворение золота и серебра. — Малый Магистернум и Великое Делание.

В предшествующей главе мы видели, что алхимики брали извлеченные из металлов “серу”, “меркурий” и “соль” как материю для получения Камня. Для этого они могли употреблять много методов, ведущих к той же цели. Таким образом, некоторые алхимики предполагали извлечь материю из олова, свинца или купороса, о чем будет сказано далее.

Что же касается обыкновенного хода Великого Делания, то самые знаменитые учителя Герметизма признавали только один метод: “Существует только один Камень, одна материя для опыта, один огонь, один способ варки для достижения белого и красного цветов, и все делается в одном сосуде”*. И, несмотря на это утверждение, алхимики с XVII века различали два пути: сырой и сухой. Они называют сырым путем следующую операцию: “сера и меркурий философов” варятся на умеренном огне в закрытом сосуде до тех пор, пока материя не сделается черной, затем прибавляют огня, и она становится белой; наконец, огонь делают еще более сильным, и тогда содержимое получает красную окраску; сухой путь состоит в том, что “соль небесную”, то есть “меркурий философов”, смешивают с металлическим земным телом и ставят в реторте на легкий огонь, и дело оканчивается в четыре дня. Таким образом оперировал мастер, о котором вспоминает Гельвеций в своем “*Veau d’or*”**.

Однако, этот сухой путь был мало принят, и мы не знаем ни одного специального трактата об этом предмете;

* Avicenne. *Declaratio lapidis physici*.

** Barchusen. *Liber singularis de Alchimia*.

поэтому мы займемся только путем скрытным, или мокрым, всемирно признанным адептами всех стран и всех веков.

Сера, ртуть и соль составляют материю Камня, но все тела содержат в себе эти начала: из которого же лучше их извлечь? Это было камнем преткновения для суфлеров. Принимая слова философов в буквальном смысле, они не умели разобраться в символике. Серу называли красным цветком, материю Камня — растительным или металлическим деревом. Суфлеры спешили толочь травы, собирать соки, дистиллировать цветы. В других местах Камень называли кровью, волосами, собакой, орлом и т.д.; говорили также, что материя — вещь не чистая, и что ее находят повсюду.

Все герметические философы единогласно утверждают, что материю надо добывать из металлов, ибо цель Великого Делания есть производство золота. “Природа забавляется с природой, природа содержит природу и природа умеет побеждать природу”. (*“Texte d’Alchymic”*). Эта знаменитая аксиома, которая поставила Бернарда Тревизана на истинный путь, находится в сочинении *“Physiques et mystiques de Democrite le mystagogue, alchimiste grec”*: “Природа побеждает природу”. Адепты не переставали повторять эту формулу под всеми формами; то же самое говорит Арнольд из Виллановы в своем *“Flos florum”*. “Человек воспроизводит только человека, лошадь производит только лошадей; то же самое и с металлами: они могут быть произведены только их собственным семенем”.

Следовательно, материя должна быть извлечена из металлов, но вопрос — из каких: неблагородных или из совершенных, из Золота и Серебра, т.е. из Солнца и Луны?

“Солнце есть отец, Луна есть мать”. (*“Изумрудная скрижаль”*). “Материя, из которой выработано высшее лекарство философов, есть то же золото, только очень чистое, и наша ртуть”*. “Золото, Серебро и Меркурий

* Bernard de Trevisan. *La parole delaissee*.

составляют материю Камня после того, как они были подготовлены согласно указаниям Искусства”*.

Тексты, указывающие на Золото, Серебро и Меркурий как источники извлечения материи, бесчисленны; предыдущие достаточно ясны, но в особенности тексты Либавия, из которых наиболее интересен: “Говорю тебе, работай с помощью меркурия и подобных ему, но только не прибавляй к ним ничего постороннего и знай, что Золото и Серебро не чужды меркурию”**. Это значит: работай с помощью Меркурия, Золота и Серебра.

Но эти три металла представляют довольно отличную от Камня материю; наиболее близкая материя есть сера, меркурий и соль, изъятые из нее. Из золота добывают серу, из серебра — меркурий, а из ртути — обыкновенную соль. По словам теоретиков Алхимии (Роджер Бэкон, в особенности, в его “*Miroir d’Alchimie*”), золото содержит серу — начало весьма чистое, устойчивое, красное, несгораемое, а серебро — меркурий, начало чистое, более или менее летучее, блестящее, белое. Что касается соли, то она заключает ртуть. Материя Камня состоит, следовательно, из тела, полученного из золота и серебра. “Есть другие философы, предполагающие, что Камень добывается из меркурия, получаемого с помощью искусства из металлов совершенных, как Солнце и Луна”***.

Здесь замечается легкое противоречие с тем, что мы говорили выше, но это не так: философы часто обозначали под именем “меркурия философов” материю Камня, рассматриваемую в своем составе; таким образом, слово “меркурий” имеет четыре различных значения; оно может указывать: во-первых — металл, во-вторых — начало, в-третьих — серебро, приготовленное для Делания, в-четвертых — материю Камня.

* Libavius. *Paraphrasis Arnoldi*.

** Saint Thomas d’ Aquin. *Secrets d’ Alchimie*.

*** Albert de Grand. *Concordance des philosophes sur le Grand-Oeuvre*.

В этом последнем смысле надо понимать следующее место:

Это есть меркурий из ртути;
И многие люди прилагают свои старания,
Чтобы найти его для своего дела,
Ибо это не есть меркурий обыкновенный*.

Наоборот, в смысле серебра, приготовленного для Делания, о ртути — начале, изъятom из серебра, говорится в следующей цитате:

Мечтаешь ли ты сделать устойчивой ртуть,
Если она улетучивающаяся и обыкновенная,
А не та, из которой я делаю металл?
Бедный человек, ты сам себя очень обманываешь!
Этим путем ты ничего не сделаешь,
Если не пойдешь по другим путям**!

Мы уже сказали, что о соли как о третьем начале едва упоминается у древних алхимиков; они говорят часто только о сере и ртути, золоте и серебре, солнце и луне.

Чтобы затемнить действительность, им доставляло удовольствие употреблять эти термины одни взамен других. "Солнце — отец всех металлов, Луна — их мать, хотя Луна получает свой свет от Солнца. От этих двух планет зависит состав магистерия"***. В первой фразе Солнце и Луна суть синонимы серебра и ртути, всемирных начал. В другой фразе они означают серебро и ртуть как материю Делания. Эти четыре термина могли быть взяты дважды по два, как абсолютные синонимы.

Один рисунок Бархуэна изображает знак серебра, как соответствующий Солнцу, золоту, а знак ртути, как соответствующий Луне, серебру. Символы серебра и ртути как начал могут применяться: к сере и ртути, взятых в смысле материи Камня, а равно и к золоту и серебру. (Об этих символах см. гл. II и III).

Золото и серебро, приготовленные для делания, назывались золотом и серебром философов. Они были

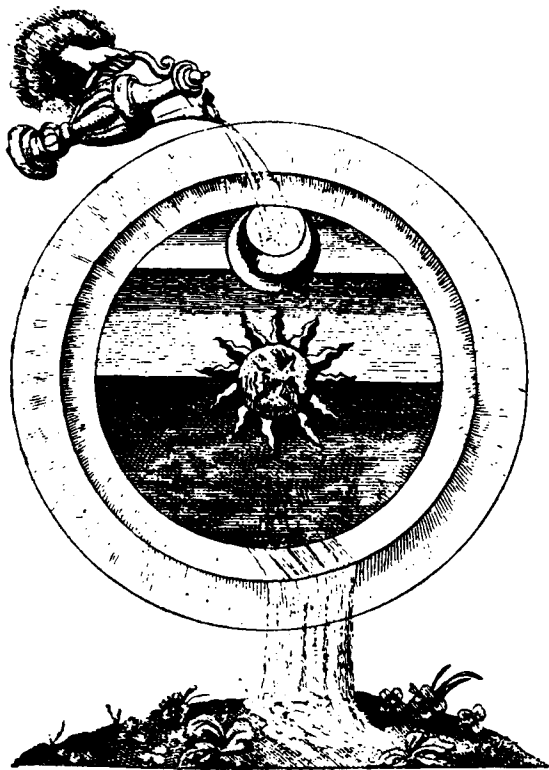
* Jean de la Fontaine. *La fontaine des amoureux de science.*

** Jan de Meung. *La complainte de natur a l'alchimiste errant.*

*** Lulle R. *La Clavicule.*

сначала очищены; вот почему Разес говорит: "Начало нашего делания есть очищение" (*"Livre des lumieres"*). Совершенствоваться — значит очищать. Гревер говорит:

“Золото обыкновенное не чисто, оно загрязнено присутствием посторонних металлов, окислено, нездорово, и потому даже бесплодно; то же самое можно сказать и об обыкновенном серебре. Напротив, солнце и луна философов совершенно чисты, они не осквернены никакими посторонними примесями, здоровы, сильны, в них изобилует плодородное семя”*. Очищая эти металлы, прибавляли

* Grever. *Secretum nobilissimum*.

им совершенства и давали им таким образом способность совершенствоваться во время Великого Делания. Обыкновенное золото совершенно только по своей природе и настолько, чтобы делиться им с металлами несовершенными; из этого можно заключить, что золото простое, обыкновенное может усовершенствовать форму металлов несовершенных. Дабы их превратить, необходимо, чтобы это обыкновенное золото было усовершенствовано*. Избыток своего совершенства золото и серебро передают металлам во время трансмутации.

Золото очищали цементированием, т.е. сплавляли с сурьмой, а серебро — купеляцией со свинцом.

Все это относится к золоту и серебру монетному или в изделиях, которые всегда смешаны с другими металлами. Ископаемое золото можно употреблять прямо, потому что оно достаточно чисто само по себе: “В недрах земли находят золото совершенное, и иногда находят маленькие кусочки самородка. Если ты можешь достать его — оно достаточно чисто; если же нет, то тебе придется его очищать сурьмой”**.

Мы сказали, что было два способа очистки золота: “Прогони золото через царский цемент или через сурьму”***. Цемент или царский цемент состоял, по словам Маккера (*“Dictionnaire de chimie”*), из четырнадцати частей толченого кирпича, части зеленого кальцинированного, т.е. прокаленного или красного купороса (это были, следовательно, купоросные остатки или извержения) и одной части обыкновенной соли. Из всего этого приготавливали тесто, с помощью воды или мочи, и заключали в плавильный тигель, перекладывая слоями золота и цемента поочередно.

Чтобы указать эти операции, алхимики употребляли массу символов. Золото и серебро изображали в виде

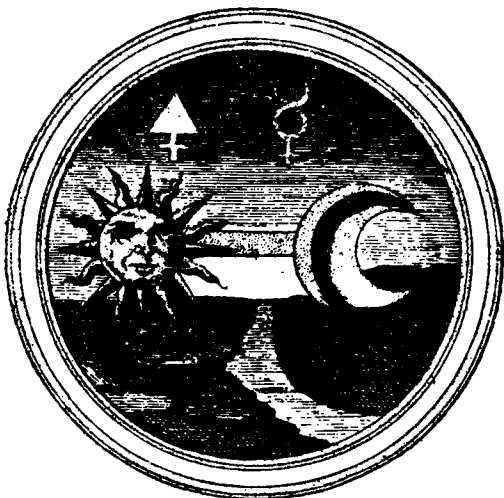
* Colleson. *Idee parfaite de la philosophie hermetique.*

** Philalete. *Entree ouverte au palais ferme du roi.*

*** Rouillac Ph. *Abrege du Grand-Oeuvre.*

больших четок. Чаше всего золото и серебро изображались королем, одетым в красное, и королевой, одетой в белое. "Мужское символизируется красным, женское — белым"*.

Рисунок, заимствованный из соч. "Liber de Barchuzen". Он указывает, что "сера" и "меркурий философов" выделены из золота и серебра.

Их одежды означали посторонние примеси, нечистоты, которые их загрязняют. Алхимики говорили еще, что король и королева очистились в бане. "Но раньше, чем венчать чистоту их любви и допустить их до брачной постели, надо их тщательно омыть от всех грехов, как врожденных, так и усвоенных... Приготовьте, следовательно, для них теплую ванну, в которой вы их вымоете каждого отдельно, ибо женщина, менее сильная, не могла бы перенести едкости мужской ванны. Она была бы неизбежно разрушена или уничтожена. Мужская ванна готовится из сурьмы. Что же касается женской ванны, то сатурн вам покажет, какова она должна быть"**.

* Isaak le Hollandair. *Opera mineralia*.

** Huginus a Barma. *Le regne de Saturne change en siecle d'or*.

Мы здесь находим, указанное аллегорически, очищение золота сурьмой (stibum, по латыни) и серебра — свинцом (Сатурн). Очищение было символизировано источником,

Рисунок, заимствованный из первого пантакля Василия Валентина. Очищение золота-царя через сурьму-волка в горне и серебра-царицы свинцом-Сатурном в купели-реторте.

в который король и королева, солнце и луна, шли купаться. Этот символ находится в рисунках Авраама Еврея и у Розера.

Сурьма символизирована волком, а свинец — Сатурном, вооруженным косой. Таким образом, в первом из рисунков соч. Василия Валентина "*Les 12 clefs de Sagesse*", который говорит об очищении, сурьма символизирована волком, помещенным рядом с царем, символом солнца или золота. Операция совершается в тигеле: свинец, символизированный Сатурном, помещен рядом с королевой, луной или серебром, с той же стороны помещена купель. Что же касается трех цветков, которые держит королева, то они означают, что очищение должно быть повторено три раза.

Первая картина Авраама Еврея, изображающая Меркурия, преследуемого Сатурном, относится к очищению серебра свинцом. И действительно, серебро после купелирования становится легче по той причине, что содержит посторонние металлы, окиси которых поглощаются стенками тигеля. Алхимики, видя, что в этой операции серебро потеряло свой первоначальный вес, допускали, что улетающие части испарились. Сатурн, или свинец, преследует меркурия, или серебро, и отрубает ему ноги, т.е. делает его неподвижным, устойчивым, одним словом, — неизменяемым. Это настоящее сгущение меркурия, на котором обманывалось столько суфлеров.

Очищенные золото и серебро составляют материю, удаленную от Камня.

Сера, изъятая из золота, меркурий, извлеченный из серебра, были материей будущей. Все философы согласны в этом последнем пункте. "Золото есть наисовершеннейший из всех металлов; это есть отец нашего Камня, а между тем, это есть только материя: материя Камня есть семя, содержащееся в золоте"* . Еще: "Вот почему я вам советую, о друзья мои, оперировать над солнцем и луною только после обращения их в их материю, которая есть сера и меркурий философов"**. Гигинус говорит положительно: "Сера золота есть настоящая сера философов".

Следующий процесс был употребляем алхимиками для извлечения серы или меркурия из золота или серебра: они растворяли сначала эти два металла, следуя древней аксиоме: "*Corpora non agunt nisi soluta*". Затем они давали этой жидкости остыть, т.е. ее кристаллизировали, после чего разлагали соли, полученные таким способом; вновь растворяли полученное золото и серебро, обращали их в порошок и, после разных разложений, которые варьируются

* Philalete. *Fontaine de la philosophie chimique*.

** Lulle R. *La Claviecle*.

у различных философов, наконец, получались сера и ртуть, годные для добывания Камня.

Что же касается “соли”, это, обыкновенно, была летучая ртутная соль. Перед трансформацией в соль ртуть очищалась кристаллизацией.

Мы видели, что философы употребляли кислоты для растворения золота и серебра. “В нашем Камне скрыт весь секрет порошка магистериума, который есть солнце, луна и крепкая водка”*. Крепкая водка обозначает жидкости кислот. “Во-первых надо, чтобы тело было растворено и чтобы поры были открыты, для того чтобы природа могла действовать” (Космополит). Эту часть Великого Делания алхимики держали особенно в тайне. По их мнению, эту операцию произвести труднее всего.

“Самая трудная работа заключается в том, чтобы хорошо приготовить материю”**.

Большая часть адептов обошла молчанием эту часть делания и начала описание Великого Делания, предполагая, что приготовление материи известно. Это, впрочем, нам подтверждает Колезон: “Они говорят весьма мало и весьма темно о первой операции герметического магистериума, без которой, между прочим, ничего нельзя сделать в этой науке трансмутации”. (“*Idee parfaite de la philosophie hermetique*”).

Между тем нам удалось найти несколько строк, освещающих этот вопрос. Из них ясно, что золото было растворяемо в царской водке, а серебро — в крепкой водке или азотной кислоте, а иногда в купоросном масле (серной кислоте). Артефий распространяется более всех других о водке или кислоте, употребляемой для растворения золота; он называет ее первичным ртутью, уксусом гор. “Эта водка, говорит он, растворяет все, что может быть растворено и обращено в жидкость. Эта водка —

* Lulle R. *Eclaircissement du testament*.

** Augurel. *La Crysopee*.

весомая, или тяжелая, липкая, клейкая... Она растворяет все тела в их первичную материю, т.е. в серу и в ртуть. Если ты положишь в эту водку какой бы то ни было металл, в опилках, и оставишь на некоторое время в умеренном жару, металл весь растворится и превратится в липкую водку... Она прибавится в весе и примет цвета совершенного тела”*.

Последний параграф совершенно верен: хлористый раствор золота, полученный действием царской водки, имеет желто-блестящий цвет и тяжелее употребленного металла.

Автор анонимного труда “О белом и красном”, который говорит открыто о Великом Делании, оперирует над солями, полученными от предварительного раствора золота и серебра. Вот его рецепт водки для золота, т.е. царской водки. “Возьми совершенно сухого венгерского синего купороса и селитры, более фунта нашатырной соли. Сделай из этого крепкую водку в стеклянном, хорошо замазанном сосуде, снабженном стеклянной крышкой или колпаком”. (“*Traite du Blanc et du Rouge*”). Рипли входит в подробности опыта: “Тело, уже приготовленное, влей сверх составленной водки, чтобы она была покрыта толщиной в 1/2 дюйма. Водка начнет сейчас же кипеть на извести без малейшего внешнего огня, растворится и примет форму льда, высушив все**”. Принять форму льда — значит кристаллизироваться. Эта последняя операция называлась также сгущением. “Ты узнаешь, что всякий магистерииум состоит только из одного растворения и одного сгущения”***.

Соли, полученные таким образом, служили для Делания. “Соли не имеют никакого трансмутационного качества. Они служат только ключом к приготовлению Камня”****.

---

* Artephius. *Traite secret de la pierre des philosophes*.

** Riplec. *Moelle d'Alchimie*.

*** Albert le Grand. *Le livre des huit chapitres*.

**** Basile Valentine. *Char de triomphe de l'Antimoine*.

Но они претерпевают различные видоизменения, после которых превращаются в кислоты или новые соли.

Кислоты символизировались львами, пожирающими солнце или луну. Каждый рисунок, изображающий солнце или луну, Аполлона или Диану, побежденными и пожранными животным сильным и храбрым, каковы: лев, орел, тигр и т.д., символизирует растворение драгоценных металлов. Филалет говорит: "Прежде чем начать последний процесс Делания, надо найти жидкость, в которой золото растворяется, как лед в воде". Эта жидкость есть кислота, называемая желудком страуса; подобно тому, как страус переваривает все, так и эта жидкость растворяет все металлы.

В картинах, которые Фламель велел вылепить на кладбище Инносанс (невинных), растворение представлено драконом, пожирающим человека, прижатого им к земле. Готовую уже материю изображали жидкостью, заключенной в сосуд. Наконец, ее представляли химическим гермафродитом, и она дает прирост всем вещам, смешиваясь, безразлично, со всеми ними, потому что содержит семена всех эфиров*. Гермафродит изображен одним телом с двумя головами. Он называется ребис и символизирует серу и ртути, приготовленных для Великого Делания. Англичанин Ричард говорит: "Первая материя нашего Камня называется ребис, т.е. вещь, получившая от природы двойное тайное свойство, которое дает ей имя гермафродита" ("*Le triomphe hermetique*").

Мы не сделаем ошибки, повторив, что меркурий философов, когда он представлен как единая материя Делания, обозначает собрание тел, входящих в состав материи. Взятый в этом смысле, он представляет собою не специальное тело, а синоним материи Делания. Это ясно из следующих строк Рипли: "Теперь, сын мой, чтобы

---

* Venceslas Lacinius. *Traite du ciel terrestre*.

сказать что-нибудь о ртути философов, узнайте, что, когда вы смешаете вашу водку с красным мужчиной (нашей магнезией) и с белой женщиной, которую называют альбифической, и когда они все будут соединены, составляя одно тело, тогда то только вы, действительно, будете иметь ртути философов”*.

Мы окончим эту главу несколькими словами о порошке, называемом Малым Магистерием Великого Делания, или Великого Магистериа.

Малое Делание, или Малый Магистериум, представлял операцию с ртутью (солью серебра), но Философский Камень, полученный таким способом, был белый и он обращал металлы в серебро. Великое Делание производилось смесью солей золота и серебра с серой и ртутью, и тогда получался настоящий Философский Красный Камень, превращавший металлы в золото.

Два Камня и два Магистериа изображались деревом; одно — лунное дерево, имеет на себе луны в виде плодов, это Малое Делание; другое — солнечное дерево, имеет на себе солнца, это — символ Великого Делания. Это различие между двумя Деланиями весьма древнее; его знали все алхимики. “Философы утверждают, что золото сначала прошло через состояние серебра. Следовательно, если бы кто-нибудь захотел совершить Делание с одним только серебром, он не мог бы двинуться дальше белого и мог бы превратить несовершенные металлы только в серебро, но никогда не превратил бы их в золото”**.

Гебер признавал два Философских Камня или эликсира, так как он говорит: “Луна, укрепленная для белого эликсира, готовится раствором луны в едкой водке”***.

Ход обоих Деланий одинаков, кроме того что ход работ в Малом Магистерии останавливался при появ-

* Ripley. *Traite du mercure*.

** Vogel. *De lapidis physici conditionibus*.

*** Geber. *Livre des fourneaux*.

лении белого цвета, между тем как Великий Магистериум продолжался до появления красного цвета. Трактат "*Du blanc et du rouge*" различает также два Делания. Разъяснив пространно Великое Делание, или Делание Красное, он довольствуется указанием, что для Малого Делания достаточно повторить те же операции, работая только с серебром, растворенным в специальной водке. Философы писали только о Великом Делании, поэтому и мы оставим в стороне Малый Магистериум. Между прочим, известно, что тигель, сосуд, огонь, операции, цвета — сходны в обоих случаях, но Великое Делание продолжительнее, ибо после белого цвета, конца малого делания, другие цвета появляются в Великом Делании. По существу говоря об одном, мы будем говорить одновременно и о другом.

Николай Морозов

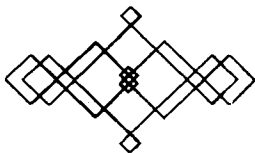
В ПОИСКАХ
ФИЛОФСКОГО
КАМНЯ

Избранные главы

Печатается по изданию:
Николай Морозов. *В поисках Философского
Камня*. С.-Петербург. 1909.

Вперед! Забудь свои страдания,
Не отступай перед грозой,
Борись за дальнейе сиянье
Зари, блеснувшей в тьме ночной!

Гадсон

К ЧИТАТЕЛЮ*

Неужели старинная мечта алхимиков о превращаемости простых веществ друг в друга близка к осуществлению?

Одни из химиков, недоверчивые и консервативные в своих взглядах, признают этот вопрос совершенно праздным и считают опыты Рамзая по трансформации радия сплошным рядом легкомысленных ошибок. Другие, увлекающиеся и рвущиеся в высоту, видят в них зарю новой эры в развитии химии, когда чудеса науки о превращениях вещества превзойдут самые экстравагантные мечтания старинных молчаливых алхимиков, одиноко работавших в своих уединенных лабораториях.

Мне лично этот вопрос особенно близок, вследствие моих многолетних работ еще в стенах Шлиссельбургской крепости над эволюционной теорией возникновения всех видов вещества из трех непосредственных родоначальников: протогелия, протоводорода и гипотетического, неизвестного в свободном виде на современной земной поверхности, архония, может быть, тождественного с небулозием небесных туманностей.

Эта теория уже достаточно очерчена мною в моих предыдущих работах для людей, знакомых с химией. Здесь же, в этой небольшой популярной книжке, я хочу только показать, как, за весь длинный период своего сущес-

---

* С сокращениями.

твования, химия, за исключением своего временного разочарования в XIX веке, ставила своей конечной целью доказать трансформируемость металлов и металлоидов и установить законы их естественной эволюции из все-наполняющего мирового эфира, а вместе с тем и дать нам способы, подражая природе, фактически превращать их друг в друга в наших земных лабораториях.

Насколько мне удалось достичь своей цели — занимательно изложить этот предмет для широкой публики — пусть судит сам читатель.

Начало этой книжки дали мои публичные лекции прошлой зимой в Петербурге. Вот почему в ней и оставлена лекционная форма. Рисунки в тексте книги представляют собой точные снимки с древних алхимических сочинений.

Особенную благодарность приношу я здесь В.М.Алтухову, предоставившему мне возможность пользоваться хранящимися у него редкими алхимическими книгами.

12 декабря 1908 г.

ГЛАВА I

Первые шаги химии

Наука, об истории и чудесах которой я буду сегодня вам рассказывать, в одно и то же время и очень древняя, и очень новая. Ее начало, как и начало астрономии, физики

Две стихии: огонь и вода.
(С франц. виньетки XIX века).

и космогонии, теряется в глубине прошедших веков. Фантазия алхимиков эпохи Возрождения относила начало химии и неразрывно связанных с нею тогда магии и Алхимии еще ко временам мифической Атлантиды, т.е. континента, будто бы существовавшего среди Атлантического океана и погрузившегося затем на дно, на заре возникновения человечества, вместе со всеми своими обитателями.

В таинственных храмах этой погибшей страны и начали, по их мнению, впервые отыскивать средства для превращения металлов в золото и серебро. Некоторые из

наивных христианских ученых того периода даже прямо говорили, что приготовлением искусственного золота заинтересовался еще первый человек библейской

Вулкан, отец химиков и кузнецов. (По барельефу, найденному в Париже под хорами собора Нотр Дам в 1711 г. и хранящемуся в музее Cluny)

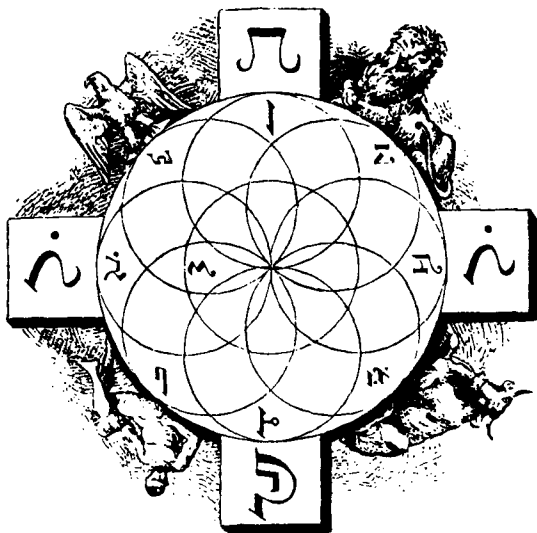
теологии — Адам, муж Евы. Затем не менее успешно занимались ею Авраам и Моисей. Другие, менее благочестивые, приписывали изобретение химии древнему египтянину — Гермесу Трижды Величайшему — автору 42 легендарных научных трактатов, из которых я вам приведу только его знаменитую в первые века нашей книгопечатной эры, *“Изумрудную скрижаль”*.

Вы видите, что она представляет собой скорее средневековую научную поэму, чем древний трактат.

Написана она, по-видимому, не ранее, чем в конце средних веков и выдана за произведение легендарного отца наук.

Так очень часто поступали в те времена, и потому все, что мы можем сказать положительного о возникновении химии, заключается лишь в следующих немногих догадках

Магическая фигура средних веков.

и соображениях скорее психологического, чем документального характера.

* * *

Еще в глубокой древности замечательные изменения в цвете, блеске и других физических свойствах, претерпеваемые металлами при их сплавлении друг с другом, должны были навести, и действительно наводили, древних халдеев, египтян, индусов, китайцев и греков на мысль о возможности получения самых редких и дорогих из них путем сплавления в должных пропорциях, обыкновенных и дешевых. Так, например, сплав меди и олова, дающий

ИЗУМРУДНАЯ СКРИЖАЛЬ Гермеса Трижды Величайшего

Это верно, без обмана, истинно и справедливо!

То, что внизу, как то, что вверху, и то, что вверху, как то, что внизу, для того, чтобы совершить чудеса одного и того же. И подобно тому, как все предметы произошли из одного, по мысли Одного, так все они произошли из этого вещества, путем его применения.

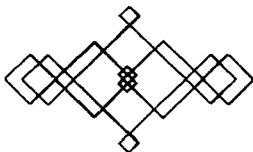
Его отец — Солнце, его мать — Луна; Ветер носил его в своем чреве, Земля — его кормилица. Оно — отец всякого совершенства во Вселенной. Его могущество безгранично на земле.

Отдели землю от огня, тонкое от грубого, осторожно, с большим искусством. Это вещество поднимается от земли к небу и тотчас снова нисходит на землю. Оно собирает силу и верхних и нижних вещей.

И ты получишь славу мира, и всякий мрак удалится от тебя.

Это могущественная сила всякой силы, она уловит все неуловимое и проникнет во все непроницаемое, потому что так сотворен мир!

Вот источник удивительных применений... Вот почему я был назван Гермесом Трижды Величайшим, владеющим Тремя отделами Всеобщей философии. Я сказал здесь все о деле Солнца (золота — авт.).

ТАЙНА

(Фрагмент греческой рукописи, приписываемой
Зосиму из Панаполиса IV в.н.э.).

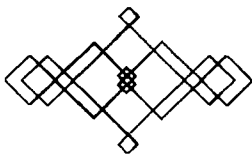
Вот тайна: змея, пожирающая свой хвост, состав, поглощенный и расплавленный, растворенный и превращенный брожением. Он становится темно-зеленым и переходит в золотистый цвет. От него происходит красный цвет киновари. Это киноварь философов.

Его чрево и спина желты, его голова темна и зелена. Его четыре ноги — четыре стихии. Его три уха — поднявшиеся пары.

Одно снабжает другое своею кровью, одно зачинает другое. Сущность радуется, сущность очаровывает сущность, и это не потому, что обе были противоположны, но потому, что это одна и та же сущность и происходит из себя самой с трудом, с большим усилием.

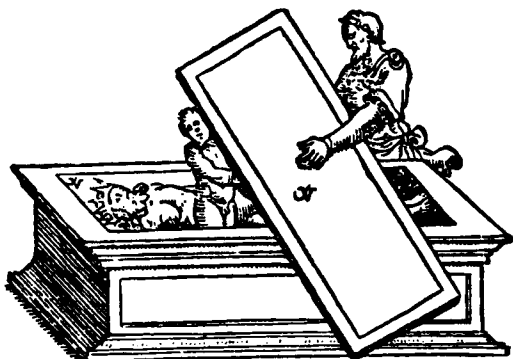
О, мой друг! Приложи свой ум к этому и ты не впадешь в ошибку. Но работай серьезно и с прилежанием, пока не увидишь конца.

Змей (вещество) простерся у порога, он сторожит этот храм и овладел им. Убей его, обдери кожу и, содрав ее вылоть до самых костей, устрой из нее ступени для входа в храм. Войди в него и ты найдешь желанное. Потому что его жрец, вначале медный человек, изменил свой цвет и природу и стал серебряным. Через несколько дней, если ты хочешь, найдешь его превратившимся в золото.

золотистую бронзу, неизбежно должен был ввести того, кто первый его открыл, в роковое заблуждение. Ведь в руках древних не было ни точных весов для определения

Из сочинения Бархузена *“Странная книга”*. В тот миг, когда алхимик закрывает в гробу свое мертвое вещество, оно порождает ему живого сына — золото.

удельного веса, ни современных средств аналитической химии, дающих нам возможность легко и быстро отличить всякий золотообразный сплав от настоящего золота. Все, что блестело как золото и обладало металлическими свойствами, было для них тождественно с этим драгоценным веществом, как и для большинства людей, не знакомых с химией и физикой. Чтоб не ходить далеко за примером, упомяну лишь об одном. Ко мне самому, во время заключения в Шлиссельбургской крепости, не раз приходили сторожившие меня жандармские офицеры с кусками гнейса, покрытыми золотистыми кристаллами железного колчедана, для того, чтобы я определил, не золото ли этот минерал, находимый ими то здесь, то там, в окрестностях Ладожского озера...

Можете же себе представить чувства того, кто первый, случайно сплавив в горне около четырех частей меди с одной частью олова, вдруг получил вместо красной меди и

белого олова, желтоватое металлическое вещество, которое никто в то время не имел возможности отличить от золота! С каким восторгом он должен был прийти к убеждению, что открыл способ искусственного приготовления этого редкого металла! Даже и не роясь в исторических документах, а лишь на основании одних элементарных соображений о несложной психологии древнего человека, мы можем восстановить перед собой все его последующие поступки и ощущения с такой же точностью, как если бы мы все это незаметно наблюдали собственными глазами. Мы можем, например, с уверенностью сказать, что в первый момент, когда он вынул из горна полученную им бронзу и с волнением торопливо рассматривал ее, у него не оставалось ни тени сомнения, что перед ним наконец то, что он, вероятно, уже не раз искал в своей уединенной мастерской. Мы можем себе представить, с какой тревогой, смешанной с восторгом, он зарыл полученное им сокровище где нибудь в углу под земляным полом своей хижины, как это делали все в его время; с какой торопливостью он старался приобрести все имеющиеся в окрестностях медные и оловянные вещи для того, чтобы сплавлять их вместе и точно также зарывать свои сплавы в землю...

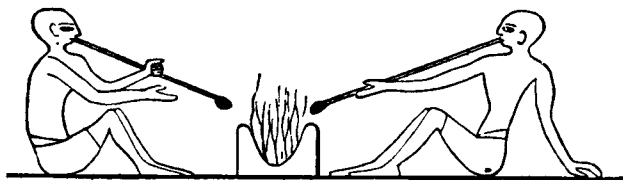
А затем мы можем представить себе и его огорчение, когда, проверяя через несколько недель после первых дождливых дней свои сокровища, он вдруг увидел, что они покрылись тем самым зеленоватым налетом, каким при подобных условиях покрывается и обыкновенная медь!

Но если вы подумаете, что это должно было убедить его в ошибке, вы жестоко ошибаетесь!

Ведь ржавчина на железе или зелень на меди еще не считались в то время их окислами, как они считаются теперь, после Лавуазье. Даже и слово окисел не существовало в то время. Соответствующие окислам соединения назывались тогда "известями" или "землями" металлов. Получаемые путем действия огня из этих известей или

земель, все металлы считались даже химиками XVIII века их соединениями с заключающейся в огне особой летучей субстанцией — флогистоном. По выделении флогистона, металл, по их мнению, снова обращался в то самое землевидное или минералообразное вещество, которое мы, духовные потомки Лавуазье, называем теперь кислородным соединением самого металла.

Древнейшие из химиков.

Но в еще более древние времена, во времена, предшествовавшие средним векам, не было и этих смутных представлений. Всякое потускнение блестящей поверхности только что отлитого металла, всякий налет, образующийся на ней от действия влажного воздуха, считался тогда за его простую болезнь, “проказу” металла, совершенно аналогичную сыпи или коросте на коже больного человека. А каждая болезнь объяснялась в то время влиянием особых, невидимых, но всюду присутствующих злых духов, т.е. одухотворенных древними нездоровых газов, как например, мы видим это в евангельских легендах, где не раз говорится о пребывании таких духов во чреве больных людей и об изгнании их оттуда Иисусом и его учениками*.

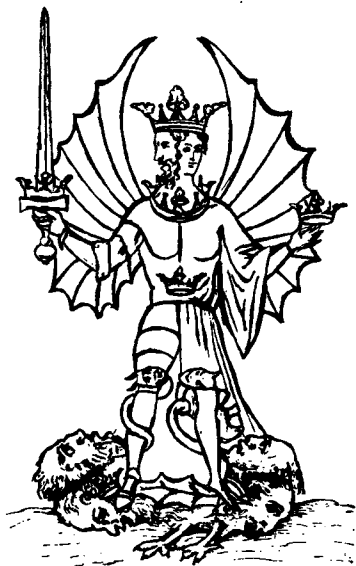
Понятно, что и в нашем случае первый, открывший бронзу, должен был приписать порчу своего искусственного золота болезни, зависящей от вредоносного влияния на него невидимых духов, т.е. газов.

---

* Многие места в евангелиях не оставляют, по-видимому, в этом никакого сомнения. Припомним только, что и газ и дух тогда имели даже одно и то же название и совершенно сливались в представлениях.

Но болезни в то время лечились, главным образом, заклинаниями, ограждающими от таких влияний. Значит, приходило в голову первобытному исследователю, приготовленное им искусственное золото позеленело потому, что не были соблюдены какие-то таинственные обряды,

Троица. (По миниатюре XVII века). Два начала стоят над тремя.

всегда охраняющие естественное золото от подобных заболеваний. И вот к химическим работам того времени все более и более начала примешиваться мистика, сразу поставившая только что нарождающуюся науку на совершенно ложный путь, где обстановка заменила сущность дела, диалектика — опыт, и греза — логическое мышление. Химия породила магию и сама наполовину превратилась в нее.

Многие химические реакции, открытые еще в глубокой древности, делали такой переход неизбежным. Почти каждое новое изобретение науки о превращениях веществ-

тва должно было поражать изумлением первого, кто случайно на него натолкнулся.

Представьте себе только хоть ощущения полулегендарного монаха Шварца, когда в его ступе, где он толоч смесь серы, селитры и угля, вдруг произошёл взрыв от упавшей в нее искры и находившийся в ней камень взлетел к потолку! Представьте себе ощущения многих других химиков, которые, работая над каким-либо неисследованным веществом, вдруг оставались без пальцев или даже всей кисти руки только потому, что неожиданно натыкались на взрывчатую смесь! Почти каждое из известных нам

Откровение во сне.

взрывчатых соединений стоило какого-либо члена своему открывателю. Химия, по самой своей природе, должна была сделаться наукой чудес и мучеников.

Я не буду вам показывать здесь очень опасных химических опытов, а приведу только для примера несколько других, которые известны тоже уже давно и каждым из вас могут быть повторены дома. Все они по своему эффекту показались бы средневековому неподготовленному человеку настоящими чудесами и создали бы вам, если бы вы проделали их лет тысячу тому назад, репутацию величайшего мага и волшебника.

Вот, например, в этих двух больших банках вы видите простую, почти чистую воду, наполняющую их до половины. Я нарочно отпиваю немного из каждой банки, и только в одной, где вода кажется чуть-чуть желтоватой, чувствую слабый железистый вкус, как будто бы она была налита туда из заржавленного железного ковша. Я вам говорю теперь, что сейчас превращу перед вами эту воду в кровь и, следуя своим словам, я переливаю воду из одной банки в другую, и вы видите, что вся слитая вместе вода сразу стала красной, совершенно как кровь...

Конечно, те из вас, кто хоть немного знаком с аналитической химией, уже догадались, что к воде в первой банке я прибавил небольшое количество роданистого калия (KSCN), а ко второй — такое же ничтожное количество хлорного железа, т.е. веществ, которые можно достать в любой аптеке. В отдельности их растворы почти бесцветны и безвкусны, а потому и незаметны, но слитые вместе дают так называемое роданистое железо, ничтожные количества которого окрашивают воду в кровавый цвет. Вы скажете мне, что я сделал перед вами не превращение воды в кровь, а самую обычную химическую реакцию, постоянно применяемую в лабораториях для обнаружения в воде следов железа, и что в полученном мною растворе нет ни фибрина, ни типичных шариков, характеризующих истинную кровь и видимых под микроскопом... Все это так. Но вообразите положение человека древности или средних веков, даже и не подозревающего ни о фибрине, ни о кровавых шариках! Ведь для него моя жидкость была бы истинной кровью, и все, что я здесь делал перед вами — настоящим чудом!

А вот вам и другое чудо. Пусть этот кирпич на столе изображает жертвенник. Я сыплю на него чайную ложку красноватого кристаллического вещества и в доказательство того, что оно не горючее, подношу к нему спичку. Вы видите, что оно не горит. Но вот я беру пузырек с

обыкновенным винным спиртом, который каждый желающий может попробовать на вкус, и делаю им возлияние на камень, призывая огонь с неба низойти на него... Вы видите, как сейчас же после возлияния яркое белое пламя взвивается над моим жертвенником и поднимается языками чуть ли не до самого потолка. Вот весь мой красноватый порошок превратился, перегорев, в ярко зеленую светящуюся золу.

Химик скажет вам, что я положил на свой камень хромового ангидрида, который отдает избыток своего кислорода на самовозгорание спирта, но ведь для древнего человека, не имевшего даже и понятия о кислороде, это было бы настоящим низведением огня с неба, вроде того, как это совершается и теперь на праздник Пасхи иерусалимскими патриархами!

В заключение этой серии простых опытов, характеризующих химию прошлого, я покажу вам еще третий, который несомненно наполнил бы аудиторию древних даже большим суеверным ужасом, чем первые. Вот здесь огромная пустая банка, прикрытая стеклом. Я снимаю это стекло и, держа его в одной руке, поднимаю в другой банку, чтоб показать, что в ней ничего особенного нет. Я говорю вам, что как только я обратно прикрою ее стеклом, с него будут спускаться в банку таинственные духи и примут вид дымовидных змей, извивающихся всевозможными причудливыми способами, пока не наполнят всей ее огромной внутренности густым белым дымом. Я прикрываю банку стеклом и вы видите, что все происходит так, как я указал...

Любой химик, сидящий среди вас, конечно, сейчас же скажет, что на дно банки я плеснул перед лекцией несколько капель крепкого нашатырного спирта, а на верхнюю поверхность закрывавшего банку стекла я размазал, перед опытом, несколько капель крепкой соляной кислоты. Пока смоченная этой кислотой поверхность

стекла, прикрывавшего банку, была обращена вверх, никакой реакции внутри не происходило. Но открыв банку, чтобы показать вам, что в ней ничего нет, я прикрыл ее снова, но уже верхней стороной вниз, и тяжелые газы хлористого водорода стали спускаться со стекла в банку. Встречая в ней аммиачные пары, они стали соединяться с ними в мельчайшую, белую, дымовидную пыль нелетучего нашатыря, вследствие чего и произошли эти причудливо извивающиеся фигуры... Но ведь для древних, да пожалуй и для современных мистически настроенных и невежественных людей, все это были бы настоящие живые духи, заключенные мною какими-либо заклинаниями в банку и принявшие по моему приказанию дымовидные формы.

Все эти простые (и нарочно простые, чтобы каждый из вас мог при желании повторить их дома) опыты я нарочно привел вам здесь, чтобы показать, до какой степени химия должна была поражать своими результатами воображение древних и средневековых исследователей и как она неизбежно должна была наводить их на мысль о бесконечном могуществе того, кто проникнет во все ее тайны. Вы видите, что нет науки, которая до такой степени могла бы воздействовать на фантазию неподготовленного к ней человека. Здесь перед вами не рассказ о чудесах, виденных кем-то, где-то, и всегда способных возбудить скептицизм человека, не доверяющего чужим маловероятным сообщениям, а действительные чудеса, которые могут быть воспроизведены перед всяким скептиком. В одно и то же время, химия дает и целебные и убийственно действующие вещества, видимое превращает в невидимое и невидимое в видимое. При мистическом настроении средних веков, это действительно была наука наук, и разыгравшаяся фантазия естественно должна была направиться на открытие такого вещества, которое давало бы человеку вечное здоровье и бесконечное могущество.

* * *

Все это предисловие я сделал исключительно для того, чтобы вам не показались слишком странными и невероятными экстравагантные мечты и умозаключения химиков древности и средневекового периода.

Из сочинения “Слава Мира” (“*Gloria Mundi*”). Учитель и ученик под деревом знания. Мужчина на льве слева внизу — символ земли; дракон под ними — символ огня. Внизу справа женщина, плывущая на дельфине, символизируют воду, а птица над ними — воздух. Птицы над деревом символизируют перегонку, а выходящее дитя — результат реакции.

Я хотел бы сообщить вам здесь не сухой набор фактов из истории химии прошлого, но и дать вам понятие о психологии тех пионеров этой науки, которые расчищали для нас наудачу первые извилистые тропинки в темном лесу неведомого. Мне хотелось бы сделать для вас ясным, почему наука о строении вещества, после своего возникновения неизбежно должна была пройти сначала через стадию магии, а затем стадию Алхимии.

Магия с этой точки зрения является только первой стадией развития науки о веществе, а Алхимия — естественным завершением магии, когда, благодаря

накоплению реальных знаний, широко разыгравшееся воображение человека должно было наложить на себя первую узду...

Теперь мы прошли уже через обе эти ступени и находимся, наконец, на прямой и широкой дороге к вечной цели всех исследователей — истине. Мы живем в этом мире, глядя вперед и не думая о трудном пути наших предшественников, и часто даже не можем себе представить их настроения. Мы, например, спокойно ездим на лошадях, ни разу в своей жизни не подумав о том, каким героем должен был показаться окружающим, да и в самом деле, был тот древний человек, кто первым осмелился вскочить на спину этого необузданного по тому времени животного и, проскакав на нем диким галопом неизвестно куда, сумел укротить и подчинить его себе, на диво всему своему племени. Мы чиркаем спичкой и равнодушно получаем огонь, ни разу не вспомнив о том, как всего два поколения тому назад, наши деды должны были каждый раз добывать себе пламя ударами кремня об огниво на высохшем куске трута и раздувать тлеющий кусок до тех пор, пока лежащая на нем лучинка не соблагоизволит загореться. История занесла в свой длинный свиток имя изобретателя спичек, но не сказала нам, кто был тот Прометей, который открыл первоначальный способ искусственного добывания огня, этого важнейшего средства химии, и каково было его торжество и суеверный страх, когда он, долгим трением одного куска дерева о другое, вдруг получил к ужасу окружающих этот "красный цветок", все согревающий и всепожирающий!

Да! Мы живем, окруженные древними чудесами, и все, что мы видим на себе и вокруг себя, помимо непосредственных произведений природы, представляет произведение человеческого гения, торжество какой-нибудь любознательной души!

ГЛАВА II

Красный Камень алхимиков

Как и все наши науки, химия в средние века еще не обособилась в отдельную самостоятельную область знания. Ее содержание было тогда слишком незначительно, чтобы

Мистический пантакль Иезекииля и Пифагора.

поглотить собою все внимание и все время любознательного человека, а потому некоторые средневековые трактаты, где говорится о ней, нередко носят очень странные названия. Кому бы, например, в настоящее время пришло в голову написать сочинение под названием *“О добродетели и составе воды”*? Ведь добродетель и химия кажутся нам теперь двумя совершенно различными категориями знания! А однако, такой трактат, даже в XIX веке (до исследований Бертелло), приписывался ученому IV века н.э. Зосиму, и по старинным понятиям такое соединение науки и морали было совершенно естественно. Религия тогда была как бы особым родом естественной философии,

объединявшей в одно целое все зачатки древнего знания. Она служила тогда как бы оболочкой науки.

Но эта религиозная оболочка древнего знания, как и всякая чужая одежда, бывала иногда стеснительна и для самого своего носителя. Принявшая мистический оттенок, религия древности наложила специфический отпечаток и на саму мораль, и на все находившиеся в зависимости от нее науки. Химия под влиянием мистического мирозерцания перешла, как я уже сказал, в Алхимию, астрономия — в астрологию, а математика — в каббалистику. Первая стала особым родом колдовства, а две последние превратились в особого рода гаданье по звездам и по числам... Затем, с конца четвертого века, в Европе и в прилегающих к ней цивилизованных странах Азии и Африки наступил еще более губительный период. Превратившись в простую союзницу самодержавных византийских царей, христианская церковь превратила и саму религию из оболочки первобытной морали и науки в опору абсолютизма, и начала преследовать огнем и мечом все проявления свободной мысли своего времени. Сожжение Александрийской библиотеки византийским епископом Феофилом во второй половине четвертого века и бесконечный ряд таких же проявлений цензуры, предававшей огню всякую научную книгу, какую монахам начала средневековья удавалось где-нибудь найти, лишили нас почти всех драгоценных документов древности, необходимых для восстановления в истинном виде первых шагов возникавших тогда наук. О первоначальной истории химии уцелели и дошли до нас лишь несколько отрывочных легенд.

* * *

Я уже говорил вам, что основателем химии считался в эпоху Возрождения и первые века нашей книгопечатной эры Гермес Трисмегист, т.е. Гермес Трижды Величайший, сын Озириса и Изиды, открывший и все другие науки

того времени. По его имени и сама химия стала называться герметическим искусством (*ars hermetica*). Еще раньше ее называли спагирией и спагирическим искусством, а откуда получила она свое современное название химии, до сих пор остается не выясненным, хотя приставка **аль-** в слове Алхимия и показывает, что это своеобразное направление пришло к нам через арабов, у которых частица **аль-** служит артиклем.

Все греческие авторы, жившие до начала нашей эры, такие как Останес и Памменес, Пелаг, Демокрит, Клеопатра VII, Петазий и другие, а также и авторы первых веков христианства, такие как Аполлоний Тианский, Зосим из Панополиса (V века), Архелай, Синезий (V века) и Стефан (VI века), от которого, как думали алхимики эпохи Возрождения, химия перешла к арабам, по-видимому, настолько же легендарны, как и сам Гермес Трижды Величайший, и поэтому все, что мы знаем относительно теоретических представлений философов этого периода об эволюции металлов в природе, заключается лишь в том, что египетские ученые, по-видимому, считали "отцом" всех металлов свинец, а греки александрийского периода — ртуть, но и это еще подлежит сомнению.

Правда, печатные алхимические сборники и отдельные издания первых веков книгопечатания (с середины XV века) — наши главные документы для изучения первоначальной истории всех наук и искусств — дают нам очень много сочинений, носящих имена древних авторов*, но это объясняется очень легко.

Дело в том, что со времен изобретения печатного станка и связанного с этим быстрого скачка вперед во всех областях науки, многочисленные авторы средних веков почти не имели возможности сами издавать свои сочинения

---

* Например, приведенная нами выше "*Изумрудная Скрижаль*" Гермеса Трижды Величайшего и его же "*Семь Глав*"; "*Хризопея*" Клеопатры VII и т.д.

по причине дороговизны, существовавшей на заре книгопечатания, и естественной неохоты профессиональных издателей тратить деньги на опубликование никому не известных начинающих авторов. Трудолюбивому человеку, потратившему много лет на составление ученой книги, ничего не оставалось делать, как отдать ее под покровительство какого-либо короля или магната, посвятив ему в торжественных выражениях свой труд, чтобы он, из честолюбия, дал средства на его издание. Вот почему первые страницы почти всех старинных научных книг украшены, в виде своих предисловий, так сказать, пропускными билетами разных феодалов, а иногда и их неотносящимися к делу портретами, игравшими роль паспортов для выпуска книги в свет.

Эти пышные посвящения не были, как можно подумать на первый взгляд, простым проявлением лести, а лишь печальной необходимостью, и без них все эти книги никогда не были бы опубликованы.

Но было много авторов, которые не имели даже и такого средства попасть в печать, так как были слишком незаметны для того, чтобы получить субсидии от богатых лиц или не хотели ими пользоваться. Таким, для появления в свет и быстрого распространения, оставалось только одно, чрезвычайно заманчивое для всех непризнанных писателей, средство: выдать свою книгу за перевод рукописи или подлинное произведение какой нибудь древней знаменитости. Легковерные издатели сами тогда являлись с предложениями.

Исторической экспертизы древних документов по содержанию, почерку и бумаге тогда не было и в зародыше, а в случае перевода всегда можно было показать как подлинник любую еврейскую, арабскую или греческую книгу, которая для тогдашнего издателя ничем не отличалась от китайской. В результате выходило то, что если автор и заявлял потом, после распространения книги, претензию

на авторство, то все считали его за простого хвастуна, и его претензии забывались после его смерти.

Вот почему новые методы исторической экспертизы сразу открывают нам целые ряды таких подлогов, все равно, приходится ли их считать сознательными, вроде тех, о которых я сейчас вам говорил, или бессознательными, происшедшими от легкомысленного отождествления рукописи какого-либо анонимного средневекового ученого, найденной где-нибудь в архиве, с произведением какой-либо одноименной или даже разноименной с ним древней знаменитости.

Не так давно, путем применения астрономического метода при выяснении времени возникновения Апокалипсиса, мне удалось обнаружить целый ряд подлогов среди книг и речей, приписываемых Оригену, Иринею, Викториану, Тертуллиану и другим церковным писателям первых четырех веков нашей эры — книг, придавших совершенно ложный вид первоначальной истории христианства, особенно по отношению к его идейной части. Что же касается химии, то здесь радикальная расчистка была сделана знаменитым французским ученым Бертело еще в восьмидесятых годах XIX века*. Только с этого времени и стала возможна правдоподобная история химии.

Руководствуясь его изысканиями, мы можем теперь сказать, что безусловно достоверные исторические документы мы имеем лишь в трактатах, носящих на себе имена авторов не ранее XII века. Первоисточником всех наших сведений по древней химии служат, как и в истории теологии и других наук, почти исключительно печатные сборники XVII и XVIII веков, важнейшими из которых для химии является "Theatrum Chemicum", относимый к

---

* Основные книги Бертело: *Les Origines de l'Alchimie*. Paris 1885; *Introduction a l'etude de la chimie des anciens et du moyen age*. Paris 1889; Berthelot et Ruelle. *Collection des anciens alchimistes grecs*. Paris 1887. 3 Vol; *La Chimie au moyen age*. 3 Vol.

началу XVII века, и "Bibliotheca Chemica", изданная Манже в 1702 году.

К этому же или, в редких случаях, немного более раннему периоду принадлежат и все изданные потом или совсем не изданные рукописи, хранящиеся в различных библиотеках. Более древних теоретических трактатов в подлинниках, к сожалению, не сохранилось. Копиям же и цитатам доверять нельзя уже только потому, что в таком случае пришлось бы признать за факт и открытие Адамом Философского Камня, и целую гору невероятных превращений, достигнутых древними алхимиками. Все отдельные сочинения, приписываемые первым авторам той же допечатной эпохи, относятся также к эпохе Возрождения, по крайней мере, едва ли ранее XII века. Как один из самых древних отрывков приведу лишь апокриф, который приписывался, да и теперь приписывается некоторыми Зосиму из Панополиса, жившему, как думают, в IV веке.

Подобных средневековых авторов следует отделять от полумифических писателей древности, как это часто делают теперь, приставкой частицы *псевдо*-, говоря, например, Псевдо-Демокрит вместо Демокрит, или оставляя исковерканное имя "Гебер" за книгами анонимных европейских авторов, выдававших свои сочинения за переводы произведений арабского ученого VIII века Джабира ибн Гайяна и переделавших его в Гебера по средневековой привычке перепутывать все иностранные имена.

* * *

Если верить тем же средневековым писателям, то именем Джабира ибн Гайяна начинается вторая, арабская эпоха в истории химии.

Действительно, к концу VIII века церковный гнет в Византии стал до того нестерпим, что всем наукам пришлось бежать к арабам, у которых Багдад сделался центром цивилизации. К ним бежала и неокрепшая еще химия и нашла

у них радушный приют до тех пор, пока постепенно развившийся на Востоке, как и на Западе, духовно-светский абсолютизм не изгнал все науки из арабских стран обратно в Европу.

Этот полулегендарный период химии называет кроме Джабира ибн Гайана, жившего в VIII веке н.э. в Багдаде, и другие имена, послужившие паспортами для выхода в свет различных алхимических сочинений, принявших вид переводов с арабского, и отсутствующих на арабском языке. Наиболее популярными из них были в эпоху Возрождения: Ар-Рази или Разес, работавший, как говорят, в Багдаде в IX веке н.э.; затем полулегендарный Мориен, бежавший из Рима к другому, еще более легендарному в X веке египетскому царю-алхимику Калиду; Авензоор, Алфидий и Авиценна в Ширазе (Персия), самый последний из восточных философов.

В чем же, собственно, заключались действительные работы и теории арабских химиков? Этот вопрос требует еще серьезной работы, но, несомненно, они сделали несколько интересных открытий, которыми мы сегодня ежедневно пользуемся в наших химических лабораториях.

Но этот период был непродолжителен. К началу XII века омусульманившиеся Египет, Персия и Аравия, и подавленная Греция заснули мертвым сном на много веков. Фанатические монахи и короли крестовых походов довершили удар, предав огню и мечу все попадавшиеся им на пути арабские города. Но как бы назло гоненьям, а может быть, и вследствие самих крестовых походов, невольно расширивших умственный горизонт многих из их участников, изгнанные науки перебрались обратно в Западную Европу.

* * *

Естественное завершение всякого религиозного фанатизма — это шарлатанство. С постоянным переходом на эту последнюю стадию своего развития, духовное са-

модержавие становится сравнительно все более и более безвредным.

Этот процесс перерождения начался в Западной Европе вскоре после крестовых походов, и поднявшая снова свою голову химия сейчас же ознаменовала свое возрождение многими интересными сочинениями, выданными их авторами за перевод уже упомянутых нами арабских писателей.

Мориен. С гравюры де Вриеса.

Наиболее древним из этих лжепереводчиков приходится считать, по исследованиям Бертело, Роберта Кастрензия, который под видом перевода с арабского и от имени бежавшего в Египет Мориена, написал книгу под названием "*Книга об алхимическом составе*" ("*Liber de compositione alchemica*"). В издании "*Bibliotheca Chemica*" 1702 года она помещена с заметкой, будто Кастрензий закончил свой лжеперевод 11 февраля 1182 года. Но так как подлинника этой книги нет на арабском языке, то невольно появляется сомнение и в самой дате составления псевдоперевода. Что же касается рукописей, содержащих подобные переводы, то мы в настоящее время не имеем ни одной, написанной ранее XIV века.

О способах, употреблявшихся тогда для превращения одних металлов в другие и об идеях, направлявших исследователей, мы можем в настоящее время сказать только одно. Все они были недоразумениями, неизбежно возникшими благодаря удивительным свойствам некоторых химических реакций.

Первый же исследователь, который увидел, как потертая ртутью медная монета принимает вид серебряной, был, конечно, так же экзальтирован происшедшим превращением, как и тот, кто первый сплавил бронзу. В старинной книге "*Смысл философов*" ("*Turba phylosophorum*") существует, между прочим, такой рецепт приготовления серебра и золота из меди:

"Возьми ртуть, сделай ее густой путем прибавки магнезии или сернистой сурьмы или негорючей серы. Сделай этим ее природу белой, и тогда, положив ее на медь, увидишь, что медь побелеет (конечно от амальгамирования — авт.). Если сделаешь ее природу красной (киноварью? — авт.), то и медь покраснеет и после нагревания сделается золото".

Никаких достоверных и детально разработанных теорий эволюции вещества мы не видим вплоть до Роджера Бэкона, которого не следует смешивать с Бэконом Веруламским, современником Шекспира.

* * *

Роджер Бэкон, этот замечательнейший из ученых средних веков, родился в Сомерсете в Англии около 1214 года и умер в Оксфорде в 1294 году.

В библиографических сведениях о нем так же трудно разобраться, как и во всех средневековых сообщениях о жизни других знаменитых деятелей допечатной эры. Но в общих чертах мы можем сказать о нем следующее: любовь к естествознанию и творческие способности обнаружились у него еще в очень раннем возрасте.

Быстро окончив свое образование в Оксфордском университете, он, после непродолжительной профессуры, отправился, по обычаю того времени, держать магистерский

Из книги Кунрата.

(Чем помогут факелы, свечи или очки, если люди не хотят видеть ?)

экзамен в Парижском университете. Получив там желаемое звание “magister en sciences et docteur en theologie”, он возвратился около 1250 г. в Оксфорд уже в качестве патентованного молодого ученого. Открыто проповедуемые им идеи о единстве вещества и о вытекающей отсюда возможности техническим путем превращать одни его видоизменения в другие, а также и постоянные уединенные лабораторные занятия с этой целью, скоро сделали его в глазах толпы обладателем способов превращения дешевых

металлов в серебро и золото. Но это была по тому времени опасная репутация. Золото и серебро нужно было и монархам и духовенству, и в истории Алхимии мы видим не один пример, когда людей, претендовавших на знание такого секрета, коронованные особы или церковные магнаты без церемонии сажали в тюрьму и подвергали пыткам, в надежде выведать у них “тайну” и употребить ее на свою пользу.

Бэкон, конечно, был в лучшем положении, как человек искренний, и потому не утверждавший, что владеет надлежащими средствами. Но он выражал уверенность, что находится на верном пути к этому, и потому духовенство, жаждавшее получить будущее открытие в свои руки, лишь принудило его в первое время вступить в орден францисканцев, вероятно гарантировав ему в этом случае безопасность от покушений коронованных особ.

Только этим обстоятельством и можно объяснить последующие события его жизни, остающиеся иначе очень несвязанными. Чуждый всякого лицемерия и притворства, он первый объявил ошибочность знаменитой в его время науки — магии* и, несмотря на свое монашеское звание, смело провозгласил с Оксфордской кафедры, что только опыты и наблюдения, а не слепая традиция лежат в основе истинного знания. Он целые дни и ночи занимался этими опытами и наблюдениями, а местные главы церкви зорко и с недоверием следили за ним, чтобы вырвать у него секрет превращения в самый момент его открытия и не дать ему опубликовать его во всеобщее сведение. Может быть с этой целью лучшего наблюдения, а может быть и для того, чтобы дать ему при Парижском университете больше средств для его работы, протектировавший ему сначала папа Климент IV перевел его в Париж. Там его слава, как серьезного ученого, достигла апогея, а вместе с тем

---

* “Письма о тайных действиях искусства и природы и о ничтожестве магии” (“*Epistola de secretis operibus artis et naturae ac nullitate magiae*”).

сделала несомненным в глазах как светских, так и духовных властей, и тот воображаемый факт, что он обладает уже секретом как делать золото. Вполне возможно, что утверждению такого мнения способствовал и какой-нибудь случайный опыт Бэкона, когда он, получив в своей лаборатории вещество, похожее на золото, с восторгом объявил окружающим, что цель его, наконец, достигнута, и открытое им средство требует только окончательной обработки.

Понятно, что в случае такого заявления, ничто уже не могло бы убедить жадных монахов в его ошибке, они навсегда остались бы уверенными, что он просто хочет удержать свое открытие исключительно для себя.

Но как бы то ни было, не прожил Бэкон и нескольких лет в Париже, как глава его ордена около 1266 года посадил его в тюрьму... Предлогом для заключения было обвинение в ереси и магии, но на самом деле он был уединен по совершенно другим причинам. Бэкону, несомненно, было предложено немедленно открыть свой секрет папе под страхом оставаться в заключении всю свою жизнь. И вот, лишенный всяких средств работать опытным путем, заключенный в одиночной камере без права каких бы то ни было сообщений с внешним миром, с одними лишь сочинениями предшествовавших ему ученых, Бэкон ходил без конца по своей келье, предаваясь размышлениям и наталкиваясь при своем живом уме на все новые и новые идеи, проверить которые опытом он не имел уже более никакой возможности. Всякая передача его рукописей посторонним, за исключением одного римского папы, была запрещена его тюремщикам под угрозой тяжкого наказания.

Отрезанный от всего живого мира, от своей любимой лаборатории, от своих внимательных учеников, дороживших когда-то каждым его словом, он мог теперь читать только чужие сочинения, которые, по-видимому, охотно и легко доставлялись ему монахами, так как два написанные им в заключении трактата переполнены цитатами из Гермеса

Трижды Величайшего и еще другого какого-то анонимного философа.

По требованию папы сообщить все, что он знает о способах приготовления золота, Бэкон написал и послал ему из своей темницы два сочинения. Сначала (в 1267 г.) "*Opus Majus*" ("*Большой Труд*"), и затем вскоре "*Opus*

Из книги Василия Валентина "Семь ключей мудрости". Ключ VI. Мужское и женское начало — сера и ртуть — соединяются браком, под покровительством Солнца и Луны. Дождь вдали — символ конденсации паров, происходящей при этом. По бокам — символы перегонки, сухой и влажной.

Minus" ("*Малый Труд*") и начал писать "*Opus tertius*" ("*Третий Труд*"), когда духовенство, убедившись, по видимому, из его посланий и долголетнего бесплодного заключения, что он действительно еще не нашел секрета искусственного приготовления золота, выпустило его в 1287 г. на свободу, после более чем двадцатилетнего одиночного заключения!

Он тотчас уехал в Оксфорд от ненавистных ему теперь монахов, на истинные цели которых у него давно открылись глаза, и написал там свой "*Трактат по философии*", в котором открыто восстал против духовенства.

За этот трактат или, может быть, благодаря вновь возникшим слухам, что ему стали, наконец, известны средства превращения всех металлов в золото, он снова был посажен монахами в темницу, где и пробыл несколько лет в одиночном заключении вплоть до 1292 года, когда от бесконечных страданий у него окончательно расстроилось здоровье, и он умер в 1294 году, около 79 лет от роду*.

Тяжелые условия для научных трудов Бэкона, написанных главным образом в темнице, наложили свой неизгладимый отпечаток на все его произведения. Вместо немедленной опытной проверки каждой возникавшей в его голове идеи и быстрого ее отвержения, если после проверки она оказывалась неправильной, ему в продолжение долгих лет приходилось обдумывать идею в своей голове до того, что, наконец, он сроднялся с нею, как со своим неразлучным спутником. Взамен здоровых мыслей, подсказываемых опытом и наблюдением, монахи снабжали его в заключении только непонятными и искаженными переводами древних псевдомудрецов, в сочинениях которых они, по привычке к ортодоксальной теологии, видели главную мудрость и решение всех вопросов религии и науки. А эти сочинения подсказывали Бэкону лишь ложные идеи, направляли его гениальный ум и богатое воображение на совершенно неправильную дорогу.

Однако, несмотря на все поистине невыносимые условия его существования, его трактаты по Алхимии являются самыми стройными из всех дошедших до настоящего времени и везде носят следы его гениального ума.

---

* Его главнейшие работы по химии: "*Alchemia major*", "*De Leone viridi*" (особый ртутный препарат), "*Secretum secretorum*", "*Breviarium de dono Dei*", "*Speculum Alchemiae*" и т.д. Все эти работы впервые изданы в "*Thesaurus chemicus*" в начале XVII века и в "*Bibliotheca chemica*" Манже, отпечатанной в 1702 г., т.е. через четыреста лет после смерти автора по утраченным теперь рукописям, вследствие чего и трудно поручиться за их полную достоверность.

При других условиях, из Бэкона вышел бы Ньютон современной химии, а теперь в его лице мы видим Ньютона, из которого церковное самодержавие средних веков сделало больного мечтателя, истинного отца последующего алхимического направления в учении о строении вещества. Это фантастическое направление несколько веков кружило науку в омуте бесплодной схоластики, несмотря на то, что основная идея Бэкона о единстве вещества и об эволюции всех его видов из двух-трех промежуточных начал и была как бы гениальным провидением грядущего направления химии, той новой эры в ее истории, которая, по-видимому, наступает только теперь, со времени открытия радиоактивных веществ.

* * *

Трактат Бэкона "*Зеркало Алхимии*", написанный им в темнице около 1267 г., является чуть ли не самым древним из всех обстоятельных книг о способах превращения металлов.

Его влияние замечается во всех последующих сочинениях, как подлинных, так и приписываемых предшествующим арабским и греческим авторам, и потому я более подробно познакомлю вас с этим сочинением, краеугольным камнем всего алхимического направления в химии.

Прежде всего для нас интересны, конечно, определения, какие давали своей науке алхимики той эпохи. С обычной своей систематичностью Бэкон в первой же главе вполне удовлетворяет нас на этот счет.

“По мнению Гермеса Трижды Величайшего, — говорит он, очевидно приписывая свои собственные мысли этому легендарному лицу, — Алхимия есть непреложная наука, работающая над телами с помощью теории и опыта и стремящаяся путем единственных соединений превращать низшие из них в более высшие и более драгоценные

видоизменения". По мнению другого философа (которого Бэкон цитирует и далее много раз, не называя), "Алхимия обучает трансформировать всякий вид металлов в другой, с помощью специального средства, как это можно видеть из многочисленных сочинений философов".

Такими точными определениями Бэкон сразу вводит нас в мир философских идей о строении металлов, идей, вырабатывавшихся в XIII веке, основой которых служила неугасавшая с тех пор мысль о единстве внутреннего состава всех видов вещества, а следовательно, и о возникновении их в природе из одного общего источника. Однако первые попытки детальной обработки плодотворной в своей сущности мысли Бэкона пошли по ложному пути, и это было совершенно неизбежно.

Заметив, что почти все металлы, известные до того времени, "поглощаются" ртутью, т.е. образуют с нею амальгамы, и снова "возникают" из ртути при ее кипячении, первые исследователи естественно напали на мысль, что ртуть есть мать всех остальных металлов.

Заметив затем, что все эти металлы при соединении с серой, превращаются в землистые вещества, из которых снова можно получить их обжиганием, старые химики пришли к неизбежному для них выводу, что этот серо-сера есть отец всех металлов.

Руководствуясь обычным для этого времени представлением, что все камни и минералы зачинаются в недрах земли, растут и зреют, а затем стареют и разрушаются аналогично животным и растениям, но только несравненно медленнее, кто-то из ученых (может быть и сам Бэкон, ввиду сомнительности предшествующих ему документов) высказал мысль, что все металлы зачинаются в недрах земли соединением между собою ртути, как женского начала, и серы, или серы, как мужского начала.

Это аллегорически изображалось в некоторых сочинениях (например в сочинении Бархуэна "*Liber-Singularis*",

"Удивительная книга") соединением солнца и луны, как отца и матери планет. Над солнцем поставлен алхимический знак сульфур, а над луной — знак ртути; под ними же находится вся природа, как результат соединения этих двух родоначальников.

Сами же сульфур и ртуть произошли, по мнению алхимиков, из соединения между собою четырех древнегреческих стихий или элементов всего существующего: земли, воды, воздуха и огня. Символически они изображены в книге Ямстгалера "*Химический путеводитель*" ("*Viatorium Spagiricum*") в виде четырех дев, под ногами которых в шарах заключены их алхимические знаки — треугольники разного вида, а над головами урны с символами их свойств: фавна — для земли, водяного — для воды, орла — для воздуха и львиной головы — для огня.

Так новое мировоззрение было приведено в согласие с древнегреческими традициями...

Нам странны теперь подобные представления о ртути и сере. С середины XIX века мы знаем, что оба они вовсе не "отец и мать" остальных металлов, а их "братья по периодической системе минеральных элементов", т.е. продукты эволюции вещества, стоящие на той же самой ступени сложности, как и все металлы полных периодов этой системы. Но древние не имели еще никакого понятия о законе периодичности, даже о самом атомном весе, а потому для нас не должны быть удивительны и следующие слова Бэкона в начале второй главы его книги:

"Я буду говорить здесь о происхождении металлов и об их естественных началах. Заметьте, прежде всего, что начала металлов суть: ртуть и сульфур (сера). Эти два начала породили все металлы и минералы, хотя и существует большое количество видоизменений у последних. Кроме того я говорю, что природа всегда имеет своей целью и беспрестанно стремится достичь совершенства, т.е. золота. Но вследствие различных случайностей. мешающих ее

ДОРОГА ДОРОГ (Рецепт Философского Камня в ответ на требование римского папы)

“Почтенный отец! Приблизь с благословением ухо и знай: ртуть есть семянная жидкость всех металлов... И вот доказательство. Всякое вещество состоит из элементов, на которые его можно разложить. Возьму неопровержимый и легко понимаемый пример. С помощью теплоты лед расплавается в воду, значит он из воды. И вот все металлы растворяются в ртуть, значит ртуть есть первичный материал всех металлов” (начало трактата)....

...”О отец, полный благочестия! Да увеличит в тебе Бог дух понимания, чтобы ты хорошо взвесил, что я скажу сейчас. Элементы не могут быть зачаты иначе, как от собственной семянной жидкости. И вот эта жидкость и есть ртуть. Отсюда случилось, что, думая поступить наилучшим способом, возгоняют ртуть, осаждают, соединяют с другими телами и ничего не получают*. Это вот почему. Семянная жидкость не может изменяться сама по себе, она остается как есть. Она производит свое действие только в том случае, если будет внесена в чрево женщины... Вот почему философ говорит: если наш Камень не положен в чрево самки для питания, то он не увеличится! О мой отец! Вот ты теперь, согласно твоему желанию, в обладании Камня философов. Слава нашему Богу!”**

* Здесь мы видим указание на многочисленные попытки получить из ртути золото и серебро.

** По замечанию издателя, письмо это было передано Папе Бенедикту XI в 1303 году Арнольдом из Виллановы, и Бертело считает его подлинным. Оно напечатано впервые в 1550 году во Франкфурте в сборнике: *“De alchemia opuscula veterum philosophorum”*, а затем в Кельне в 1702 году в *“Bibliotheca chemica”* Манже. Я беру только начало и конец, где резюмирована вся суть дела. Можно же себе представить, какого рода опыты были произведены монахами благодаря этому письму посаженного им в тюрьму или скрывающегося от них “обладателя Философского Камня”.

КАМЕНЬ УРИНЫ

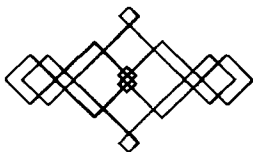
Достоверное и справедливое сочинение

Исаака Голланда.

Простой способ приготовления Философского Камня из мочи.

“Прежде, нежели наш Камень сделается, то живет уже он; если же его найдешь, то умрет. Всякий, смотря на него, зажимает нос от его смраду. Он садится по сторонам сосуда, в котором долго находился, и каждый зажимает еще и тут нос от его состава или вонючего воздуха. Как бедные, так и богатые, молодые и старые имеют его. Незнающие искали его в грязи, но не обрели. Доколе ты живешь, до того времени и он с тобою неразлучен бывает... Его находят везде в изобилии, даже и звери имеют его в себе, но не в таком совершенстве. Без него ничто в свете не живет. Я тебе довольно говорил, дабы уразуметь. Если же ты не понимаешь, то это есть знак, что всемогущий Бог не хочет тебе сего дара открыть...”

Если же ты сей Камень знаешь, то возьми его так, каков он есть... Когда ты его сгустить, то выпари из него две стихии, воздух и огонь, третья же часть, т.е. земля, сожженная наподобие черного угля, лежит на дне сосуда, и в ней-то находится Камень древних премудрых философов”.

работе, происходит разнообразие металлов, как это ясно изложено многими философами.

Соответственно чистоте или нечистоте этих двух компонентов, т.е. ртути и серы, происходят совершенные металлы — золото и серебро — или несовершенные — олово, свинец, медь, железо (других металлов Бэкон, как и все средневековые химики, еще не знал — авт.). Соберем же с благоговением следующие указания о природе металлов, об их чистоте и нечистоте, об их бедности или богатстве в упомянутых двух началах.

Природа золота.

Золото есть тело совершенное, составленное из чистой, блестящей, постоянной, окрашенной в красный цвет ртути и из чистого, постоянного, окрашенного в красный цвет серы (серы — авт.). Золото совершенно!

Природа серебра.

Это тело чистое, почти совершенное, составленное из чистой, блестящей, белой, почти отвердевшей ртути. Его сера имеет такие же качества. Серебру недостает только немного более (удельного — авт.) веса, постоянства и цвета (окраски — авт.).

Природа олова.

Это тело чистое, несовершенное, составленное из чистой, постоянной, блестящей, летучей, белой снаружи и красной внутри ртути. Его сера имеет те же свойства. Олово только немного недопечено и недоварено.

Природа свинца.

Это тело несовершенное и нечистое, составленное из нечистой, неустойчивой, земистой, распыляющейся, слегка белой снаружи и красной внутри ртути. Такова же и его сера, притом из самых горючих сортов. Свинцу

недостает чистоты, прочности, цвета. Он недостаточно проварен.

Природа меди.

Медь — металл нечистый и несовершенный, составленный из нечистой, неустойчивой, землистой, красной без блеска, горючей ртути. То же самое и относительно ее серы. Меди недостает прочности, чистоты, веса. В ней слишком много землистых негорючих частиц и нечистого цвета.

Природа железа.

Железо есть тело нечистое, несовершенное, составленное из ртути нечистой, слишком прочной, содержащей землистые частицы, белой и красной, но без блеска. Ему недостает плавкости, чистоты, веса. Оно содержит слишком много нечистой серы и землистых горючих частичек.

Алхимик должен принять во внимание все предыдущее.

* * *

Вы видите, что из нескольких десятков металлов, известных в настоящее время, здесь приведены только шесть, да еще упомянута ранее, в качестве их матери, ртуть.

Действительно, только эти металлы и были известны во время Бэкона. Почти все другие, за исключением сурьмы, были открыты уже после Лавуазье, в XIX веке. Средневековые алхимики даже отказались бы и признавать какой-либо новый металл за металл, по каббалистическим соображениям относительно таинственного смысла числа семь в истории мироздания. Припомним только значение, придаваемое этому числу автором Апокалипсиса, разделившим на семерки даже и наблюдаемые им облака грозы, послужившей одним из поводов к составлению им своего пророчества. Золото у алхимиков эпохи Возрождения

соответствовало солнцу и изображалось в их книгах тем же знаком. Серебро соответствовало луне. Медь соответствовала Венере, железо — Марсу, олово — Юпитеру, свинец — Сатурну и, наконец, мать металлов, ртуть, обыкновенно соответствовала Меркурию, имя которого сохранила в латинских языках даже и теперь (у некоторых авторов она соответствовала луне — как матери планет).

Ввиду существования, кроме солнца и луны, только пяти известных древним планет, не могло быть, по этим каббалистическим соображениям, и металлов более пяти, с прибавкой золота и серебра, соответствовавших солнцу и луне. Вот почему в некоторых из старинных сочинений мы и видим гравюры, изображающие их непременно в числе семи. Так в книге Нортон *"Верь мне"**, находится эмблематический рисунок, где сдвоившиеся сульфур и ртуть лежат под деревом под покровительством планеты Меркурия, а вдали вырастают семь деревьев — металлов. А в уже цитированной ранее книге Ямстгалера *"Viatorium spagyricum"* семь металлов в недрах земли символизированы в виде семи древних богов, укрывшихся в пещере.

Посреди всех сидит Аполлон, бог солнца и золота, а рядом с ним Венера и Диана, богини серебра и меди. На заднем же плане стоят Юпитер, Марс, Сатурн, гложащий ребенка, и Меркурий, как последовательные символы олова, железа, свинца и ртути.

Мы видим, что олицетворение генезиса металлов здесь не вполне систематизировано, так как бэконовская мать металлов — ртуть — помещена на второстепенном месте. Такие несоответствия, конечно, и бывают всякий раз, когда, благодаря естественному развитию идей, старинные представления и аналогии последовательно сменяются новыми.

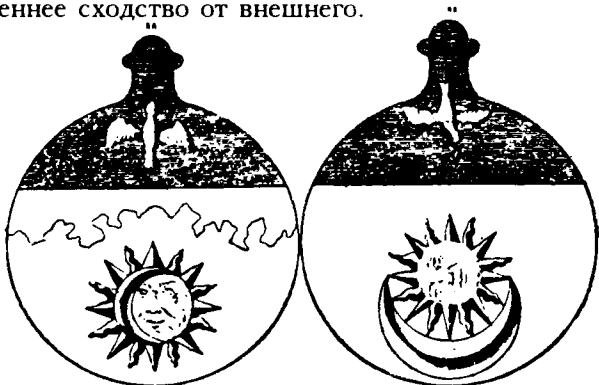
---

* Northon. *Crede mihi*.

* * *

Аналогия есть могучее орудие исследования, но только тогда, когда мы сравниваем между собою явления, действительно родственные по своим основным признакам, а не по признакам, выхваченным наудачу. Наука же средних веков была еще настолько слаба, что не давала возможности отличать существенное от второстепенного, внутреннее сходство от внешнего.

Два философских яйца. В первом возгоняется, во втором конденсируется смесь серы и ртути (киноварь? — авт.).

Самый гениальный человек того времени не мог открыть истинных отца и матери металлов в последовательной эволюции элементов на небесных светилах уже благодаря одному тому, что не имел этих родоначальников в своем распоряжении, да и не знал истинных законов эволюции самих светил. Благодаря этому всякое новое открытие в области химии сбивало исследователя на ложную дорогу. В течение моей лекции я приводил вам уже не один пример в пояснение этой идеи и даже указывал, что способность ртути растворять в себе металлы и потом, по испарении, возвращать их обратно, неизбежно наводила на идею считать ее их матерью, хотя ее старинное название *mercurium* и сопоставляло ее лишь с самым малым из всех астрологических светил. В старинной литературе есть ясные

указания на то, что некоторые алхимики думали, будто после растворения золота в ртути, оно там размножается и, по выделении, получается в большем количестве, чем было употреблено при растворении. Можете же себе

Красный элексир алхимиков под покровительством двенадцати знаков зодиака. Виньетка из А.Пуассона.

представить, сколько средств и сил было убито на такие опыты отдельными изолированными исследователями, пока долгие и повторные опыты растворения в ртути золота и серебра и обратного выделения их из амальгамы не убеждали в ошибочности такого предположения!

Но возвратимся к начатому нами разбору книги Бэкона "*Зеркало Алхимии*", как древнейшего из всех алхимических трактатов, в достоверности которого нельзя сомневаться. В дальнейших главах его книги мы снова находим совершенно здравые в своей основе рассуждения о том, что при разыскании методов превращения металлов мы должны руководствоваться не тем, что говорят старинные авторитеты, а непосредственным наблюдением и изучением их эволюции в природе. Но как быстро предвзятые

космогонические представления тех же самых авторитетов снова уводят его, в глубине его темницы, на ложную дорогу!

“Если мы не знаем способов изготовления золота, — говорит Бэкон в главе IV своего трактата, — то какова этому причина, как не то, что мы не наблюдаем средств, которыми каждый день природа совершенствует металлы? Не видим ли мы, что грубые вещества в рудных жилах так свариваются и уплотняются теплотой, находящейся внутри гор, что со временем трансформируются в ртуть? Не видим ли мы, что та же теплота, та же сварка превращает жирные частицы земли в серу, а приложенная долго к этим двум началам — сере и ртути — зарождает соответственно их чистоте все металлы? Не видим ли мы, что природа производит и совершенствует металлы одним нагреванием?”

О, бесконечное безумие! Кто, спрашиваю, кто обязывает вас стараться делать ту же самую метаморфозу неестественными и фантастическими средствами? Вот почему философ говорит: горе вам, желающим превзойти природу и сделать металлы более совершенными посредством других приемов, плодов вашего безумного упрямства! Бог дал природе неизменные законы, т.е. она должна действовать постоянным нагреванием, а вы, безумцы, вы ее презираете и не умеете подражать!”

Руководясь теми же самыми рассуждениями, вполне правильными в основе, но совершенно искаженными в деталях, вследствие ложных представлений о трансформации металлов в рудных жилах, Бэкон теоретически выводит и форму сосуда, необходимого для осуществления Великого Делания алхимиков.

“Когда природа варит металлы в рудных жилах посредством естественного огня, — говорит он в главе V своей книги, — она может осуществить их варку, только употребляя подходящее для этого вместилище... Значит, если мы хотим подражать природе, то безусловно необ-

ходимо, чтоб мы имели печь, похожую на рудную жилу, конечно, не по величине, а по расположению. Нужно, чтобы огонь, помещенный в ее глубине, нигде не находил выхода, чтоб не мог вырваться при поднятии; нужно, чтоб теплота была отражена на заботливо закрытый сосуд, в котором заключено вещество для изготовления Философского Камня", — и т.д. и т.д.

Таковы были размышления гениального узника во мраке его темницы. Год за годом проходили, не принося ему никаких указаний извне, никаких способов проверять на опыте свои снова и снова возникающие идеи и гипотезы для осуществления великих задач науки. Весь этот трактат носит на себе яркие следы систематической работы могущественного ума, скованного произволом и насилием, но работавшего, не угасая, все время за запорами своей кельи. Экзальтированный, наконец, до последней степени своими воображаемыми открытиями, он глубоко уверился в том, что стоит только сообщить о них миру, как они оправдаются на деле и осчастливят человечество. Но не имея возможности обмануть бдительность своих церберов и не желая сообщить им свой секрет, чтоб они не употребили его во зло, он и решился, по-видимому, уступить по внешности их требованиям и послать свой вывод папе, но в таком виде, чтоб он, как недостаточно знакомый с химией, ровно ничего не понял бы из него и был бы принужден передать его для изучения какому-либо из действительно ученых, а потому, во мнении Бэкона, и нравственных людей, не способных скрыть для себя одного полученное знание. Никакие биографы не сообщают нам, конечно, мотивов Бэкона поступать таким образом, то есть послать из тюрьмы своему папе лакомое блюдо в таком сосуде, из которого тот заведомо не мог его достать, но разве сам факт уже не говорит красноречиво за себя?

Посмотрите только, как он зашифровывает иносказаниями и длинными отступлениями тот придуманный им

материал, — очевидно киноварь — который по его теоретическим выводам следует прокалывать в химической печи, чтоб он превратился в драгоценнейший из металлов.

“Два начала, — говорит он в главе III, — составляют все металлы, и ничто не может соединиться с металлом или трансформировать его, если само не будет составлено из этих начал. Таким образом, простой здравый смысл принуждает нас взять для изготовления нашего Философского Камня ртуть и серу (серу — авт.)”.

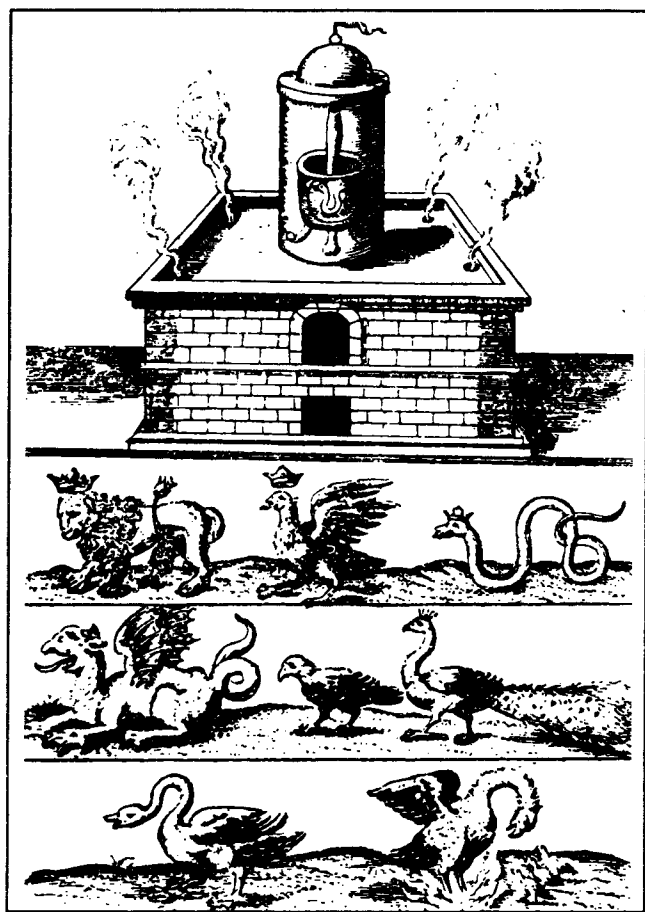
“Но ни ртуть, ни сера не могут в одиночку зародить металлы, а только путем соединения друг с другом они порождают и их и многочисленные минералы. Значит, очевидно, что наш Камень должен родиться и сам из соединения этих начал (т.е. быть сернистой ртутью — HgS — киноварью — авт.)”.

“Этот последний секрет чрезвычайно драгоценен и очень сокровен. Над каким минеральным веществом, ближайшим среди всех, нужно прямо оперировать?”

Задав этот вопрос, прямо указывающий, что дело идет об определенном (и притом *красном*) соединении ртути с серой, Бэкон нарочно отвечает на него не сразу, а замаскировав ответ окольными предположениями, чтоб никто, за исключением опытного химика, не мог разобраться в его изложении.

“Мы должны выбирать заботливо”, — говорит он. “Предположим сначала, что мы извлечем наше вещество из растений. Пришлось бы прежде всего извлекать из них ртуть и серу в отдельности, длинным нагреванием, а эту процедуру мы отвергаем потому, что природа дает нам ртуть и серу уже готовыми (т.е. красный Камень алхимиков — HgS — можно прямо составить из них, не прибегая к воображаемому извлечению из растений).

Если бы мы выбрали животных, нам пришлось бы работать над человеческой кровью, волосами, мочой, экскрементами, куриными яйцами, наконец, над всем, что

Из книги "Алхимический музей" ("*Museum hermeticum*"). Атанор алхимиков. — Внизу песчаная баня, на ней башня с куполом, а внутри яйцо алхимиков с символом вещества (драконом в ступе). В первой строке внизу лев и орел символизируют твердость и летучесть, а змея — женское вещество. В остальных строках: дракон — символ мужского видоизменения вещества; ворон, лебедь, павлин и феникс — символы черного, белого, радужного и красного цветов вещества.

можно извлечь из животных (потому что, ведь все составлено из сочетания ртути с серой). Но и тут нам пришлось бы извлекать ртуть и серу нагреванием, и мы отвергаем эту операцию по тем же причинам.

Если б мы выбрали сложные минералы, каковы: различные виды магнезии, колчеданы, цинковые руды, купоросы, квасцы, бура, соли и так далее (автор нарочно исключает красную сернистую ртуть, т.е. киноварь, которую считает за истинный материал своего Камня), то пришлось бы также сначала извлекать из них ртуть и серу в отдельности, нагреванием (чтобы потом соединять химически). И этот способ мы отвергаем по той же причине, как и первые.

Если б мы выбрали один из семи духов или спиртов (*spiriti*), каковы: простая ртуть, простой серу, полусернистая ртуть (Hg_2S), живая сера (? — авт.), орпимент (As_2S_3), аурипигменты*, реальгар (AsS), то мы не могли бы их усовершенствовать, потому что природа совершенствует только определенную смесь обоих принципов (т.е. паевую смесь HgS , киноварь — авт.). Мы не можем лучше приготовить ее, чем природа, а нам пришлось бы извлекать из предыдущих тел серу и ртуть в отдельности, что мы отвергаем, потому что и без того всегда можем иметь их такими...

Мы устраняем также идею брать в отдельности оба принципа, т.е. ртуть и серу, потому что не знаем нужной пропорции, и кроме того, найдем тела, в которых оба начала соединены уже в такой точной пропорции, сгущены и связаны по надлежащим правилам".

Здесь Бэкон сразу обрезает нить своих рассуждений, не произнося имени своего вещества. Но для всякого, знакомого с химией, уже и без того ясно, что никакого другого соединения ртути с серой, удовлетворяющего его требованиям, кроме

---

* Орпимент и аурипигмент рассматривают в современной минералогии как один и тот же минерал (As_2S_3).

киновари, нет и никогда не было в природе. Оставив, таким образом, свою мысль понятной только для химиков, которым он косвенно хотел ее сообщить, но недоступной для папы, которому посылал свой трактат, Бэкон начинает снова, уже другим путем, нить своих умозаключений, чтоб окончательно сбить с толку своих жадных до золота тюремщиков, но привести "истинного философа" к той же самой киновари. Вот как он делает это.

"Знай же секрет! Золото — вещество совершенное и мужское, без избытка и недостатка (в ртути или сульфуре — авт.). Серебро также вещество почти совершенное, но женское. Если б серебро путем простой приплавки делало совершенными несовершенные металлы (как думали прежние алхимики, подплавлявшие к серебру медь — авт.), то это был бы Белый Эликсир (превращающий все несовершенные металлы в серебро — авт.), а золото с этой точки зрения было бы золотым приплавом или Красным Эликсиром (превращающим в золото все, что с ним сплавлено — авт.).

Но этого нет и не может быть, потому что золото и серебро совершенны только до определенной степени (а потому и ассимилировать с собою при приплавке могут только небольшие количества других металлов). Если их совершенства и сообщаются несовершенным металлам, когда последних приплавлено к золоту и серебру немного, то при большом количестве несовершенных металлов последние не только не усовершенствовались бы, но сообщили бы свои недостатки и совершенным металлам путем соприкосновения с ними. Но если б золото и серебро были более совершенны: вдвое, вчетверо, во сто раз и т.д., то они могли бы тогда совершенствовать несовершенные во столько же раз более".

Вы видите здесь сохранившееся вплоть до средних веков недоразумение первого исследователя, который, приплавив немного меди к серебру, и серебра к золоту,

увеличил их слитки без видимого изменения их природы и заключил из этого, что “высшие” металлы при сплавлении с “низшими” сообщают им свои свойства.

Это был, конечно, один из самых древних “Философских Камней”. Но как же было бы возможно увеличить чистоту и совершенство золота и серебра во сто и более раз с точки зрения старинных алхимиков? Конечно, тем же способом, как это делалось и для всех других веществ, т.е. соответственным числом перегонки*. Так и говорит нам Бэкон в следующих строках:

“Однако, выбрав для усовершенствования золото и серебро, мы с трудом найдем огонь, способный действовать на них. Хотя бы мы и знали такой огонь, мы все-таки не могли бы достичь им совершенного очищения этих металлов (перегонкой — авт.) по причине могущества их внутренних связей и их естественной гармонии. Вот почему мы отвергаем золото, как материал для Красного Эликсира (превращающего металлы в золото — авт.) и отвергаем серебро для Белого Эликсира (превращающего их в серебро — авт.).

Мы найдем некоторое тело, составленное из ртути, серы (очевидная киноварь HgS — авт.), над которым природа мало работала**.

Значит, выбери вещество, содержащее чистую, светлую, белую, сделавшуюся красной, не вполне совершенную (т.е. естественную) ртуть, смешанную по определенному правилу равномерно и в должных пропорциях с серой, подобной ей***. Это вещество должно быть высушено в твердую массу, такую, чтоб с помощью нашего

---

* Вот как говорится о сущности перегонки в книге “Дорога Дорог” Арнольда из Виллановы: “Прогреваемые тела увлекаются духами, и потому говорят, что они возгоняются (*“Semita semitae”*).

** Киноварь легко получается искусственно возгонкой осадка сернистой ртути в замкнутом наглухо сосуде, как и указано у Бэкона. Она красного цвета.

*** Вы видите, что Бэкон открыл здесь еще в XII веке, закон паевых отношений в сернистых соединениях ртути, так как ранее упоминал, кроме нее, и полусернистую ртуть!

знания и сообразительности мы могли ее внутренне очищать и совершенствовать огнем (перегонкой — авт.) и сделать, наконец, такой, чтоб в конце работы она стала в тысячу раз более чистой и более совершенной, чем обыкновенные тела, сваренные (в рудных жилах — авт.) естественной теплотой.

“Будь же сообразителен! Ибо, если ты изощрил тонкость и остроту твоего ума над предыдущим, где я тебе явно открыл требуемое вещество, ты обладаешь теперь этим предметом, услаждающим и невыразимым, представляющим предмет всех желаний философов”.

Затем, чтоб у читателя не оставалось и тени сомнения, что требуемое вещество прямо указано здесь, Бэкон снова повторяет (в начале следующей главы):

“Если голова твоя не слишком тверда, если твой ум не облечен совершенно завесой невежества и непонятливости, я уверен, что в вышесказанном ты уже нашел истинный материал философов, материал Благословенного Камня мудрецов, над которым Алхимия будет оперировать с целью усовершенствовать несовершенные тела с помощью тел более чем совершенных. Но так как природа дает нам тела только просто совершенными и несовершенными, то нам нужно сделать вышеуказанное вещество (т.е. киноварь — авт.) бесконечно совершенным (т.е. без конца ее перегонять — авт.)...”

Почему, снова спрашиваю я вас, Бэкон не назвал здесь прямо киновари, а подошел к ней такими круговыми подходами, переименовав целый ряд предметов, вроде человеческой крови, мочи, испражнений и т.д., из которых, по его же собственным словам, нет никакой нужды добывать его “два начала” для изготовления Философского Камня?

Вы видите теперь уже сами, что по обстоятельствам дела здесь возможен только тот ответ, который я и дал в его биографии. Изолированный навсегда монахами от всего

мира, пока не сообщит главе церкви секрета делать золото, он, по басне о лисице и журавле, посылает ему свой трактат в таком виде, чтоб несведущие в химии папа и его монахи начали копать в разных нечистотах, и только человек, искренно преданный науке и серьезно занимающийся химией, тотчас же понял бы, о чем он говорит.

И действительно, если б “открытие” Бэкона не была простая греза экзальтированного гениального узника, все это так и случилось бы. Но это была греза, и выйдя с его книгой после смерти папы на широкий свет, она только спутала всех последующих химиков и произвела в следующие два-три века такой сумбур диких изысканий, какого еще не видала история. Каждое слово трактата Бэкона свидетельствовало о глубокой искренности его автора, и потому в последующих поколениях ученых установилась полная уверенность, что превращение металлов уже решенная задача, и для того, чтоб повторить Великое Делание, нужно только внимательнее читать сочинения Бэкона и появившихся тогда псевдоарабских алхимиков и действовать по заключающимся в них указаниям. Появилась целая литература подражаний, где слог и изложение становились тем таинственнее, чем более сам автор запутывался в своих соображениях и догадках и выдавал их за факты. Последние главы книги Бэкона о приготовлении и очищении его киновари давали для этого особенно богатый материал.

Дело в следующем.

Каждый химик знает, что при действии сероводорода или сернистого аммония на какой-либо раствор ртутных солей, из жидкости в колбе выделяется сначала черный осадок, который при сухой перегонке дает вверху налет красной киновари. Все это и описано у Бэкона вместе с цитатами из различных предшествовавших ему химиков, исследовавших все многообразие превращения этого вещества вплоть до получения из него окислов, а вслед за ними и чистой белой ртути.

“Первая операция с нашим “Камнем”, — говорит далее Бэкон, — получила название его гниения, потому что тогда он делается черным... После гниения (т.е. осаждения из растворов в черном виде — авт.) он краснеет (при возгонке — авт.), и поэтому говорят: часто Камень краснеет, желтеет, обращается в жидкость и сгущается снова ранее, чем истинно побелеет. Он растворяется, претерпевает гниение, сгущается, умирает, оживает, чернеет, белеет, украшается белым и красным, и все это сам по себе”.

Усложнив описание этих простых реакций различными перепутанными ссылками на своих предшественников, Бэкон дал богатый материал для живой фантазии своих последователей, отказавшихся после бесплодных опытов от мысли, что дело здесь идет о киновари, и создавших, наконец, в своих головах целую фантастическую лестницу всевозможных превращений своего воображаемого камня, прежде чем он достигнет в колбе до полной зрелости... Применение же Камня, по его мнению, было очень просто.

“Теперь я вам открою великий и редкий секрет, говорит он в конце трактата. Нужно смешать одну часть этого эликсира с тысячью частями наиболее близкого металла (т.е. серебра, если желают получить золото — авт.) и, заключивши все в соответственно приспособленный сосуд, замкнуть герметически и поставить в химическую печь для сгущения. Сначала нагревай медленно и увеличивай последовательно огонь (подражая тому, как бывает в рудных жилах — авт.) в продолжение трех дней. Превращение — дело трех дней (вероятно по аналогии с воскресением Христа из мертвых — авт.). Тогда ты можешь начать снова, бросив часть этого продукта (т.е. искусственного золота — авт.), на тысячу частей ближайшего металла, и будет превращение. Для этого тебе достаточно одного дня; потом (при следующем превращении — авт.) одного часа, потом одного момента!

Возблагодарим же нашего Бога, всегда удивительного во веки веков!"*

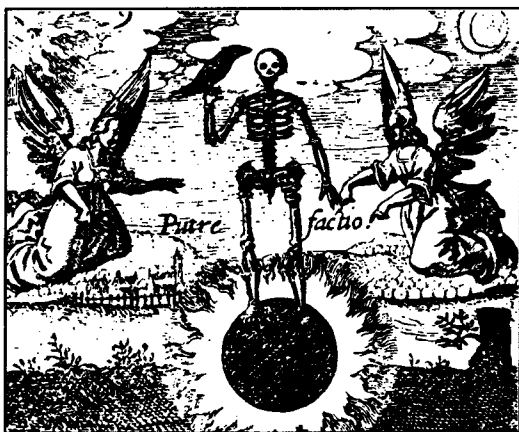
* * *

Я нарочно так подробно изложил вам знаменитый в последующие века трактат Бэкона. Хотя он и цитирует в нем легендарного Гермеса Трижды Величайшего и какого-то анонимного "философа", но все показывает, что теоретическое освещение предмета принадлежит именно ему. Несмотря на ложность всех деталей бэконовской теории об эволюции металлов из ртути и серы, мы видим на всей книге печать гения и оригинальность, отмечающую и все остальные его произведения, и нельзя не пожалеть глубоко, что, благодаря средневековым темницам, он стал только отцом последующей Алхимии, источником бесплодных блужданий нескольких поколений бескорыстных тружеников науки в поисках его Красного Камня.

Отличить первоисточник от подражаний всегда очень легко. То, что в первом коротко, ясно, просто и наглядно, в последних всегда делается расплывчато, запутанно, непонятно, особенно в тех случаях, когда подражателями являются люди, не вполне ясно понимающие свой первоисточник. Книги же Бэкона, конечно, никто не понимал, так как имени своего вещества — киновари — он не назвал, а потому и всякий химик, угадывавший ее и вслед затем производивший над нею безуспешные опыты, не мог удостовериться в ошибке Бэкона, а искал у него дальнейших намеков и указаний. Чтобы не ходить далеко за примерами, я приведу вам только один из книги Ля Мартиньера *"Неведомое химическое средство или подлог Камня философов"*.

---

* Все, что рождается, все, что растет, размножается сообразно своему виду. Таковы деревья, люди, травы. Одно зерно может произвести тысячи других зерен. Значит можно размножать предметы до бесконечности (Arnoldi de Villanova. *Semita Semitae*).

Из книги "*Viatorium Spagyricum*". Эмблема химического разложения (putrefactio). В результате действия огня (внизу) является скелет вещества (зола) и птица (летучий газ).

Из книги "*Viatorium Spagyricum*". Эмблема перегонки вещества. Газы летят в виде воронов, а в остатке лежат в виде скелетов почерневшие, обуглившиеся продукты.

“Я собрал жидкости, вытекающей из носа во время насморка, плевков и двух других ежедневных выделений человека, каждого по фунту. Я смешал все вместе и положил в реторту, чтобы извлечь из них квинтэссенцию. По ее полном извлечении, я сделал из нее твердое вещество, которое применил к превращению металлов! Но напрасно! Я не достиг ничего”.

Здесь вы сразу видите, в чем дело. Автор перечитал много раз бэконовское “*Зеркало Алхимии*”, но не понял, что в главе III своей книги Бэкон просто говорит, что ртуть и серу для изготовления Философского Камня можно получать отовсюду, так как он и начало всех, в том числе поименованных автором, веществ. Сделав множество опытов, без успеха, автор этого признания, наконец, набросился на экскременты и варил металлы в полученной из них квинтэссенции по правилам Бэкона, но, конечно, не обнаружил превращения их в золото... По этому образчику вы можете судить и о том, какими опытами должны были заниматься те невежественные монахи, которые получили, наконец, из темницы книгу Бэкона!

Если бы Бэкон хотел умышленно подшутить над ними, он не мог бы сделать ничего лучше! Но, к сожалению, проскользнув из рук монахов в публику, его книга наделала и здесь немало вреда.

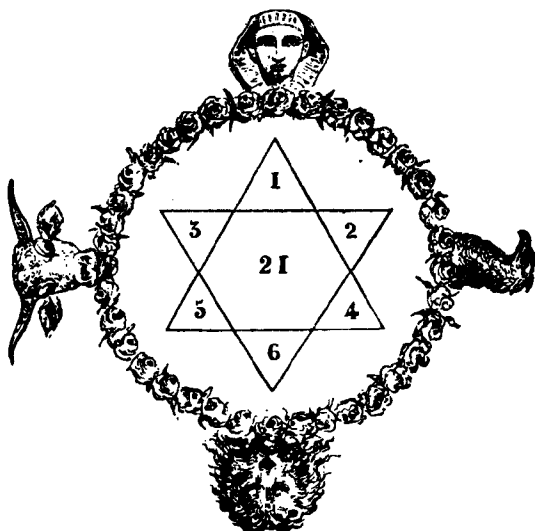
Специфический, таинственный метод изложения химии, обусловленный у него необходимостью, обратил на себя, прежде всего, внимание его последователей и, как все внешнее, вызвал у них желание подражать. Каждый в этом отношении старался перещеголять другого, тем более, что эта форма соответствовала вполне настроению того времени, когда отсутствие реальных знаний побуждало обращать особое внимание на их внешнюю оболочку.

Вместо того, чтобы называть химические предметы по именам, стали придумывать для них особые символы или иностранные выражения. Золото стали называть солнцем,

серебро — луной, железо — Марсом, квасцы стали изображать кружком, нашатырь — звездочкою, и такого рода обозначения совершенно заполнили все манускрипты. Ничтожную часть этих символов вы видите на составленной

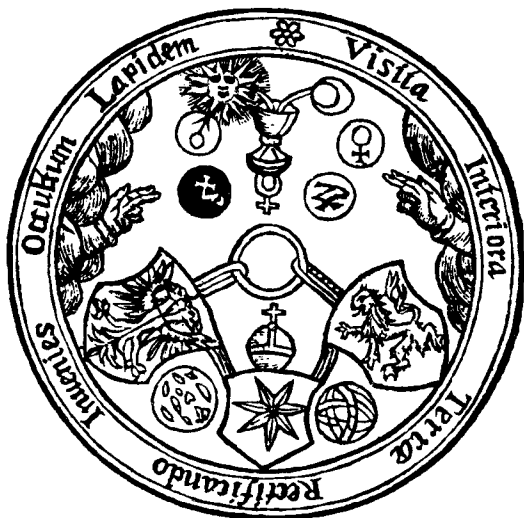

Магический венок с четырьмя апокалиптическими зверями и произведением первых шести чисел.

мною таблице (в конце книги — авт.), где я расположил их так, чтобы по виду каждого значка, вы, в случае нужды, могли быстро найти его значение, так как некоторые из старинных алхимических сочинений буквально переполнены ими, а одно из них *“Немая Книга”* (*“Liber Mutus”*) не содержит даже ни одной строки текста, а вся составлена из таких фигурок. Сама одежда и обстановка химика начала книгопечатной эры приняла такой же таинственный вид. Кому из нас не случалось видеть на картинках его лабораторию с огромным черным горном и мехами, со странными колбами, ретортами и эмеевиками, с человеческим скелетом в темном углу, совою над потолком и

со всевозможными таинственными знаками, начертанными на всем окружающем? Кто из нас не рассматривал со вниманием и величественную фигуру самого стоящего здесь алхимика в торжественной мантии, с длинной седой бородой и рукой, положенной на толстый фолиант? И каждому из

Из книги "Азот философов" Василия Валентина. Две руки с боков показывают на чашу с символами "семи металлов" вокруг.

нас невольно казалось, что в этой глубокомысленной голове должны были роиться постоянно мысли необычайного значения, а в книге заключалась непостижимая мудрость! А между тем, если бы нам удалось заглянуть в них поглубже, то мы увидели бы, что истинного знания и в той и в другой было много меньше, чем теперь в голове у реалиста пятого класса! Вот настоящая причина, по которой учителям древности приходилось прибегать для внушения к себе уважения к торжественной одежде и обстановке, и причина того, почему истинные ученые настоящего времени отличаются своей крайней простотой.

* * *

Для того, чтобы показать вам, какими оригинальными способами зашифровывали некоторые алхимики имя предполагаемого ими вещества для приготовления своего Философского Камня, я покажу вам только два рисунка, воспроизведенные мною, как и несколько других, по снимкам Альберта Пуассона в его книге *“Теории и Символы Алхимиков”*.

Вы видите здесь прежде всего анаграмму из книги Василия Валентина *“Азот Философов”* (который никак нельзя смешивать с современным азотом, а скорее с мертвой водой русских сказок — авт.). В середине ее, вверху, вы видите алхимические значки металлов, затем орла как символ летучести, и льва как символ всепожирающего огня. Кругом же идет латинская надпись: *“Посети Внутренность Земли: Очищая, Найдешь Сокровенный Камень”* (*Visitabis Interiora Terrae Rectificando Invenies Occultum Lapidem*). Хотите знать имя этого таинственного Камня алхимиков? Прочтите заглавные буквы каждого слова и вы найдете *VITRIOL*, т.е. обыкновенный железный купорос! Ту же самую загадку вы видите и на другом рисунке этой книги, где титан поддерживает треугольник, на трех концах которого написаны “три стороны” человеческой природы: душа, дух и тело (*anima, spiritus, corpus*), а внутри символы семи металлов и планет. Вот простой материал, который наивный исследователь счел необходимым так хитро зашифровать от непосвященных! Не мудрено ли, что возникла знаменитая в древности легенда о том, что, когда адепт, после долгих посвящений и подготовлений, допускался наконец в святилище, то находил его пустым?

Вот и другая анаграмма в том же роде из книги Отца Афанасия Кирхера *“Подземный мир”* (*“Mundus Subterraneus”*), где в центре помещен алхимический знак серы — треугольник с крестом внизу, — а в нем заключено

солнце. Прочтите также заглавные буквы окружающей надписи и вы увидите в первом круге — SULPHUR, во втором — FIXUM, а в третьем, читая сначала снизу налево, а затем снизу направо, найдете два слова EST

Из книги Василия Валентина: “Двенадцать ключей мудрости”. “Титан, наклонившись, просунул голову в круг с символами семи металлов”. По окружности анаграмма VITRIOL (купорос) как воображаемый Философский Камень.

SOL, т.е. “отвердевшая сера есть золото” (так как слово “sol” в Алхимии обозначало не солнце, как в обычном языке, а золото). Вот в чем была новая тайна алхимиков, до которой не следовало допускать непосвященных!

Такова была символика.

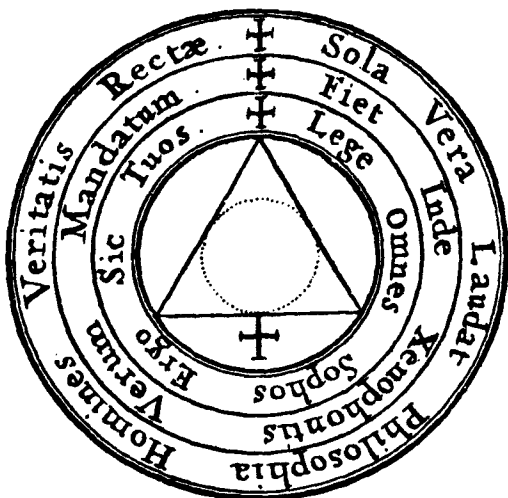
А чтобы показать вам, каким языком заговорили пост-бэконовские алхимики, я приведу вам только один пример. Вот в моих руках находится книга, принадлежащая ученому XV века И.И.Голланду, в русском переводе XVIII века, под названием: “Собрание различных достоверных

химических книг, а именно Иоанна Исаака Голланда, рука философов, о Сатурне, о растениях, минералах, каббала и о Камне Философическом”.

В самом ее начале, на стр.6, вы читаете следующее место:

“Раскали короля на огне, смотри, чтобы не растопился, и делай сие семь раз... и положи в муравлений, из кипрской

Из книги “Подземный мир” (“*Mundus Subterraneus*”) отца Кирхера.
Анаграмма: “*Sulphur fixum est sol*”.

земли сделанный сосуд, то и получишь невероятное сокровище, коим можешь произвести удивительные дела... С ними можешь ты все семь металлов привести в их первое бытие, т. е. в ртуть... Также он делает всякие красные металлы белыми, мягкие — твердыми, а твердые — мягкими: я пишу более, нежели мне приказано!”

Не кажется ли вам, что вы имеете здесь дело с какими-то заговорщиками, тайно поджаривающими коронованных особ, тем более, что и рисунок, приложенный к этому месту, изображает в химической колбе уже раздетого монарха с короной в одной руке и мечом в другой.

Из книги Иоанна Исаака Голланда "Собрание разных достоверных химических книг". Рус. пер. 1787 г. Монарх с короной и мечом, поджариваемый в реторте (символизирует нагреваемую селитру).

Тут же вы читаете и дальнейшие наставления при операции: “Возьми два фунта длинного пальца...истолки и смешай с порошком, вынутым из-под треножника, и сублимируй (возгоняй) вместе, столь часто, чтобы длинный палец сделался постоянным”. А затем на следующем рисунке приведены и печальные результаты, если во время варки этого “яйца философов”, колпак, которым должно герметически прикрыть короля и замазать глиной, нечаянно отскочит. Тогда монарх немедленно превратится в индюка и двух свиней, которые выскочат из колбы и нападут на варящего...

Вы думаете, что все это говорится в шутку? Нет! Предисловие к немецкому переводу книги помечено февралем 1667 года, а на русском языке книга эта издана при Императорской Академии Наук в 1787 г., откуда я и беру все цитаты и рисунки, и сам автор дает к этим рисункам такое пояснение (с. 51).

“Сие называется горшком философов, о котором они с такой тайностью упоминают в своих книгах и параболах, так что никто иной не может того разуместь, как тот, кто знает философскую руку. Того ради советую я всем, желающим жарить или варить яйцо философов, чтобы они берегли его, дабы скорлупа не треснула, или бы, будучи в огне, от жару не лопнула; ибо в противном случае весь яд, находящийся теперь в яйце, выбежит и силою своею умертвит всех, кои к нему подойдут. И тогда оным нельзя будет помочь никакими лекарствами, потому что сие есть наизлейший и наиопаснейший яд, какой только в свете быть может... Это плод семян, брошенных в землю, плод философов, верный Камень Алхимии, земной царь и земной Бог, в коего руках состоит все духовное и светское право, и в его власти весь свет. Через то дает знать людям, что и они равным образом получают все вещи в свете (путем описанной варки). Хотящий варить или жарить сие яйцо, да исследует со вниманием и прилежностью руку филосо-

*Если лицо прескнетъ, то ячт. —
пидеши*

Из книги Иоанна Исаака Голланда "Собрание разных достоверных химических книг". Рус. пер. 1787 г. Печальные результаты, если крышка реторты отскочит: вместо монарха выскакивают из реторты индюк и две свиньи.

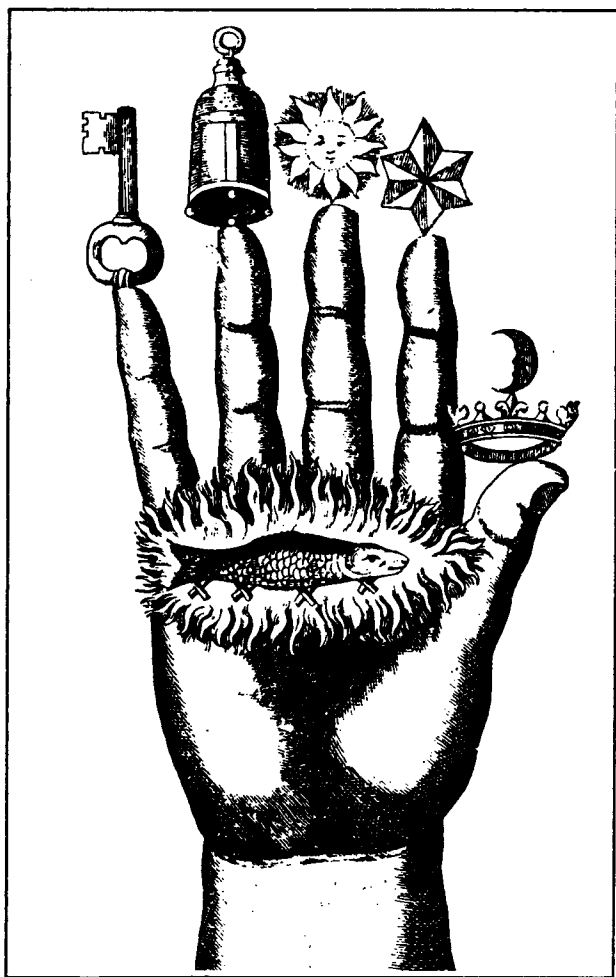
фов, и да старается понимать смысл оной, а потом пусть приступает к делу”.

Но какая же это “рука философов”, к которой вам нужно обратиться перед такой необыкновенной операцией? Она приложена в самом начале книги Голланда и, прочтя ее, вы сразу разочаровываетесь... Все это, оказывается, только символы самых простых химических реакций! Вот эта рука перед вами (см. рис.). Вы видите на ее ладони рыбу, символ ртути, и огонь, символ серы, как поясняет сам автор. Из соединения их, как пальцы из ладони, возникли пять солей, знаки которых и поставлены над каждым пальцем. Большой палец, прикрытый знаком серебра — луной, носит корону; это и есть Король Голланда и обозначает, по его объяснению, селитру. Указательный палец с шестиугольной звездой обозначает железный купорос; средний со знаками золота — солнцем — нашатырь; четвертый, прикрытый фонарем, — квасцы, а пятый, с ключом, — обычную кухонную соль.

Теперь вы легко догадаетесь, что, говоря о короле, которого нужно прокалить, автор просто подразумевал селитру, а кладя в реторту фунт “большого пальца”, думал лишь о фунте символизируемого им нашатыря...

Такого рода символами загромождены буквально все сочинения алхимиков послебэконовского периода, когда, собственно говоря, только и расцветала Алхимия в полном своем блеске. Читая их книги, вам кажется, что они поджаривали в своих ретортах не только земных царей, но и сами небесные светила — Солнце, Луну и все планеты. На самом деле все это была только пышная одежда, прикрывавшая ничтожность содержания тогдашней науки и ложный путь, по которому она пошла.

Представьте же себе положение неопита, который сначала должен был бессмысленно заучивать все эти ненужные символы, разгадывать все ни на что не годные ребусы для того, чтобы, наконец, добраться до крупинки

Из книги И. И. Голланда: Рука философов. Большой палец с короной и луной — символ селитры; указательный с шестиугольной звездой — символ железного купороса; длинный палец с солнцем — символ нашатыря; безымянный с фонарем — символ квасцов; мизинец с ключом — кухонная соль. Рыба в огне — ртуть в сере — мужское начало в женском, первоисточник всех видов вещества.

покрытого их корою реального знания! Мудрено ли, что, добравшись до зерна такого алхимического ореха, многие разочаровывались, а другие, потратив половину жизни на изучение этой лжемудрости, обращались, наконец, в шарлатанов или фанатизировались своей идеей до того, что уже ничто не могло их разубедить до самой смерти в том, что ртуть есть действительная мать всех металлов, а сера — их отец, и что древние ученые, действительно, знали средство готовить из них Красный Камень Алхимии?

* * *

Но возвратимся к фактической истории химии прошлого.

Я говорил уже не раз, что со времени замечательных исследований Бертело, всю историю древней и средневековой химии теперь приходится переделывать заново, как совершенно искаженную множеством апокрифических документов и лжепереводов, написанных неизвестными авторами эпохи Возрождения и первых веков книгопечатной эры. Первыми книгами, подлинность которых не возбуждает сомнения, являются именно книги Бэкона, а затем Винсента Бовэ и Арнольда из Виллановы, родившегося как раз в год заключения Бэкона в темницу. Все это невольно заставляет думать, что философски обоснованная Алхимия, как идея общего превращения металлов, их генезиса из двух начал, и идея таинственного Красного Камня, как универсального средства для их превращения, была его детищем и возникла еще во время его Оксфордских занятий, после которых пошла по совершенно ложному направлению, благодаря его заключению в темницу. Это же самое заключение придало его трактатам и тот таинственный слог, который доведен был впоследствии подражателями до вершин нелепости.

Но как бы то ни было, Бэкон является самой крупной фигурой, поднимающейся перед нами на мрачном фоне средних веков.

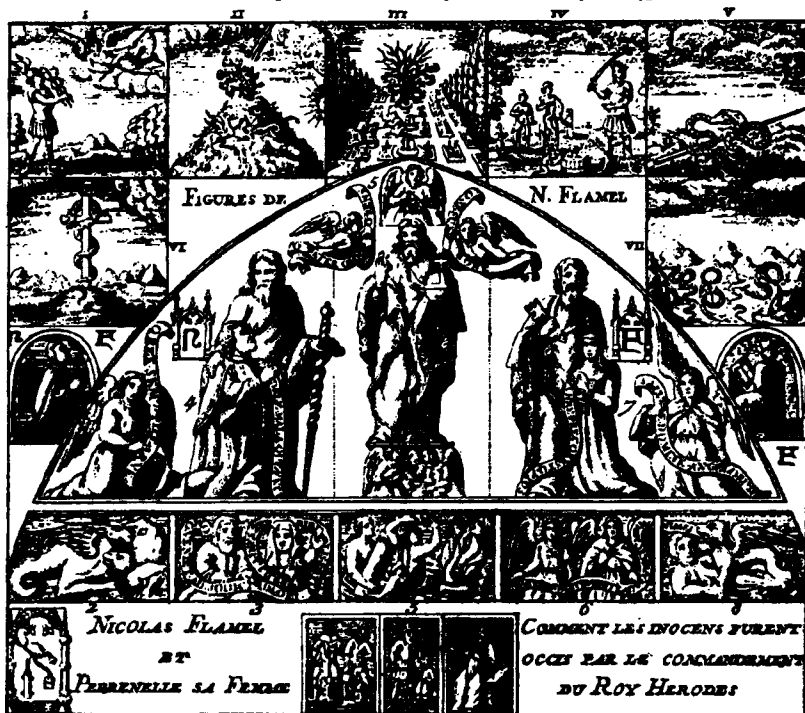
Из книги Нортон *"Crede Mihi"* (*"Верь мне"*). Алхимик на берегу моря размышляет о причинах перегонки летучего вещества из нижнего шара в верхний.

Все последующие ученые старались только далее разработать в подробностях его теорию, изучать каждую букву его книг или делать практические применения из заключающихся в них указаний. Книги Бэкона стали для дальнейших поколений химиков тем же, чем Апокалипсис Иоанна для средневековых теологов. Оба этих родственных и гениальных ума стремились к свету истинного знания, и оба, благодаря религиозному абсолютизму, сделались отцами многовековых заблуждений. Время Бэкона и последовавшие за ним четыре века были яркой вспышкой алхимического направления, которое захватило собою всех интересовавшихся тогда законами строения вещества.

Почти одновременно с Бэконом выступил на сцену Альберт Больштадт (1193—1280), получивший от последующих писателей название Альберта Великого. Хотя он и был почти на двадцать лет старше Бэкона,

но в своей молодости он совершенно не интересовался никакими науками и только в зрелом возрасте, по причине какой-то личной катастрофы, занялся Алхимией, тогда как Бэкон предавался изучению наук еще с самых

Символические фигуры из книги Николая Фламеля.

юных лет. Вот почему Альберта Больштадта и следует считать скорее последователем Бэкона, чем независимым современником*.

* Альберт Больштадт, родившийся в Лавингене на Дунае, приехал во Францию и получил в Парижском университете, после обычного трехлетнего пребывания, звание магистра только около 1248 г., тогда как Бэкон получил в том же университете свое звание "magister en arts et docteur en theologie" еще до 1240 года, и ко времени приезда Альберта был уже известным и авторитетным молодым ученым.

Все дошедшие до нас его сочинения приходится считать, после исследований Бертело, или подложными, или сомнительными, но тем не менее они представляют компиляции довольно ранней эпохи, а потому и имеют большое значение для выяснения дальнейшего развития бэконовских идей.

Раймонд Луллий по старинной гравюре де Вриёса.

Работы двух других последователей Бэкона, Раймонда Луллия (1235—1313), специально выманенного из Вены в Англию королем Эдуардом II и посаженного в тюрьму, пока не скажет секрета, и Фомы Аквинского (1227—1298), оказались значительно позднейшими произведениями неизвестных авторов, а потому об истинных идеях поименованных лиц мы ничего не знаем достоверного.

Затем появились новые поколения химиков, и первоначальные положения Бэкона стали все более и более

темнеть, как и всегда бывает, когда хотят развивать и доводить до конца неправильную идею*.

К этому прибавилось еще открытие Василием Валентином в конце XV века сурьмы**, разбившей господствовавшее мнение, что металлов только семь, а затем и то, что кроме лжепереводов с греческого, арабского и еврейского языков было сделано в эпоху Возрождения несколько и действительных переводов с рукописей, каким-то чудом спасшихся от рук средневековых монахов. Неполное знание иностранных языков приводило в этом случае к тому, что технические термины, а иногда и сами фразы переводились неправильно или совершенно не-

---

* Особенно много появилось алхимиков-теоретиков к концу XIV и в продолжение всего XV и XVI веков. Вот имена некоторых из них на случай исторических справок.

XIII век. Уже известные нам: Роджер Бэкон (1214-1294), Альберт Больштадт (Альберт Великий 1193?-1280), Фома Аквинский (1227-1298), Раймонд Луллий (1235-1313), Арнольд из Виллановы (1245-1313); затем: Ален Делиль, Винсент Бовэ и др.

XIV и XV век. Во Франции: Жан де Мен, Бернард Тревизанский, Николай Фламель. В Англии: Джорж Рипли, Нортон, Бертоломе. В Германии: фон Сульцбах, Ульстед, Тритгейм, Василий Валентин, открывший сурьму, Исаак Голланд.

XVI век. В этом веке быстро окрепшего книгопечатанья (изобретенного Гуттенбергом в середине предыдущего XV века) было напечатано усердными издателями много анонимных рукописей прежних лет под именами греческих и арабских писателей: Гебера, Авиценны, Зосима, или западно-европейских: Альберта Великого, Раймонда Луллия и т.д. Почти все они принадлежат авторам этого же самого века или двух предыдущих. Это скрытые алхимики эпохи Возрождения. Из явных же алхимиков-теоретиков XVI века знаменит Парацельс (1493-1541), исследователями которого были Турнейсер, Кролл, Дорн, Рох Бельи, Бернард Рено, Керцелянус, Либавий. Затем известны: Дионисий Захарий, Блез де Вигенер, Клаве (Дюлко), Эдуард Келли, Михаил Сендивогий (Космополит), Жан Батист Порта.

XVII век. Евгений Филалет, Мишель Мейер, Хартве, д'Отремо, Салмон, Хелиас, Бархузен, Планискампи, Сент-Ромен и т.д.

** Сочинения Василия Валентина "Азот Философов" (который никак нельзя путать с нашим азотом); "Триумфальная колесница сурьмы" (открытой автором и потому возвеличенной им), "Диспут духа ртути с братом Альбертом", "Двенадцать ключей премудрости", "О естественных и сверхъестественных предметах".

понятно, чем еще более увеличивался сумбур представлений в головах усердных читателей. В конце концов, к началу XVII века, произошла такая путаница всевозможных наслоений и не сходящихся друг с другом положений, что не стало уже никакой возможности разобраться в деталях.

Однако убеждение в существовании Красного Камня или других его видоизменений установилось за все это время до того прочно, что через два-три века после смерти Бэкона всей интеллигентной Европой овладела настоящая мания превращать металлы в золото по невразумительным указаниям алхимических книг. Появились сотни нелепых рецептов, из которых, для курьеза, привожу два. Вот как пишет по этому поводу неизвестный латинский автор XVII века, которого издатель (в 1667 г.) считает за Сендивогия, алхимика предшествующего века*:

“При нынешних обстоятельствах сего света все почти люди, как низкого, так и высокого состояния, дабы после со всевозможной пышностью и роскошью остальную часть своей жизни в праздности провести могли, желают учиться науке химии для того только, что она перед всеми прочими науками и художествами столь великая и чрезвычайные богатства нам представляет... Из чего происходит, во-первых, то, что знатные господа и вельможи... не довольствуясь своим от Бога им ниспосланным богатством, употребляют ее, побуждаемы алчным желанием, к снисканию большего, не гнушаются разгребать сами уголья и со всевозможным рачением нагревают печи, да и успевают в том в столь краткое время, что иной знатный и богатый господин более на кузнеца походит, умалчивая об искусстве! Ибо из своих деревень, сел и вещей, столь искусно умеют добывать “квинтэссенцию”, что все это, наконец, пре-

* *“Собрание разных достоверных химических книг, а именно: Иоанна Исаака Голланда и пр.”* Спб. 1787. При Императорской Академии Наук, стр. 296.

ЭЛИКСИР АЛХИМИКА РИПЛИ (Аллегорическое описание превращений свинца)

“Чтобы сделать эликсир мудрецов, называемый Философским Камнем, возьми, мой сын, философической ртути (свинца) и накаливай, пока она не превратится в зеленого льва. После этого накаливай сильнее, и она превратится в красного льва”. Кипяти этого красного льва на песчаной бане в кислом виноградном спирте, выпари продукт, и ртуть обратится в камедистое вещество, которое можно резать ножом”. Положи его в замазанную глиной реторту и медленно дистиллируй.

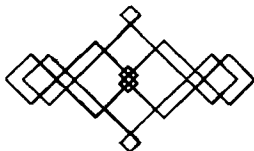
Собери отдельно жидкости различного состава, которые появятся при этом. Ты получишь недействительную жидкость, спирт (ацетон) и красные капли. Кимврийские тени покроют реторту своим темным покрывалом, и ты найдешь внутри ее истинного дракона, потому что он пожирает свой хвост”. Возьми этого черного дракона, разотри на камне и прикоснись к нему раскаленным углем. Он загорится и, приняв тотчас великолепный лимонный цвет, воспроизведет снова зеленого льва. Сделай, чтобы он пожрал свой хвост, и дистиллируй снова продукт. Наконец, мой сын, очисти заботливо и ты увидишь появление жгучей воды и человеческой крови”.

* Зеленовато-желтая окись.

** Красный сурик $PbO \cdot PbO_2$.

*** Укусно-свинцовую соль.

**** Пепельный порошок, вспыхивающий от пламени и снова превращающийся в массикот.

вращают в пустой кошелек, отчего впадают в меланхолию и совсем пропадают. Другие, низшего состояния люди, как например, купцы и прочие мастеровые, смотря на них,

Из сочинения Бархузена “Удивительная книга” (*“Liber Singularis”*). Бог под знаком огня (треугольником) показывает алхимику, как нужно делать Философский Камень.

подражают их стопам, и каждый, оставляя свое ремесло, насильно химиком сделаться хочет; хотя, ничего более не узнают, как то, что уже в самом деле сбудется, то есть, потеряют все свое имение и, наконец, вместо деланья золота и серебра остается наивернейшее искусство просить милостыню...

И поскольку наука эта (химия — авт.) всем прочим предпочтительна, то из этого всякий рассудить может, что без милости и воли Божьей, никто того достигнуть не может, сколько бы смертный в том ни старался, читая философские книги и упражняясь в работе. Поэтому каждый желающий достигнуть конца своих желаний..., помыслив со зрелым рассудком о своем предприятии, какое имеет

оно начало и к какому клонится концу (цели — авт.), должен с рачением и прилежанием приняться за великую и истинную философскую книгу, природою называемую, и прочитать ее не однажды, но много раз”.

Но такие, употреблявшиеся еще со времени Бэкона предупреждения о том, что для успеха с Философским Камнем нужно быть прежде всего высоконравственным и бескорыстным человеком, не способным употреблять во зло приобретенное могущество, конечно, не могли никого отклонить от занятий Алхимией. Каждый считал себя именно таким высоконравственным человеком, и мания продолжалась все время, пока оставалось доверие к старинным авторитетам.

Как всегда бывает в подобных случаях, появились легенды о производившихся многими алхимиками чудесах, не уступающих описанным в четырех евангелиях. Передавали, что целый ряд алхимиков-практиков уже не раз имели Красный Камень в своих руках и накапливали себе несметные богатства.

Легкомысленные люди тоже, временами, напускали на себя вид, что знают средство алхимиков, и тогда им приходилось плохо, уже не только, как Бэкону от монахов, но и от монархов, желавших получить их секрет для собственного употребления. Так, два путешествующих алхимика Келли и Ди были схвачены на своем пути императором Максимилианом, во второй половине XVI века, и брошены в тюрьму до тех пор, пока не откроют секрет. Но та же репутация алхимиков и спасла их. Тюремщики, которым они, по-видимому, обещали наделать груды золота, если те выпустят их на свободу, предпочли деньги своему императору и дали им возможность убежать. Несравненно хуже было с шотландским алхимиком XVII века Александром Сетоном, писавшим под псевдонимом Космополита.

Распространившаяся молва, что он владеет Красным Камнем, заставила его испытать ту же участь, что и Келли. Герцог Саксонский, потребовавший от него секрет, но, конечно, не получивший удовлетворительного ответа, немедленно посадил его в свою темницу и приказал подвергнуть пытке. Там его пытали с 1602 по 1604 год, когда он умер, полусгнивший в тюрьме и с вытянутыми наружу жилами.

Таких примеров история Алхимии насчитывает немало, и потому все хваставшиеся, что обладают Философским Камнем, начали делать вид, что приготовили его не сами, а получили от какого-либо алхимика, исчезнувшего неизвестно куда.

Особенно документальный вид начинают принимать такие сообщения в XVII и XVIII веках, накануне падения Алхимии. Чудеса, которых не может повторить каждый, достаточно подготовленный в данной науке человек, являются неизбежным концом всякого заблуждения.

Для примера, в дополнение к прежним, я приведу лишь два рецепта, из которых один дает средство готовить золото из ртути, а другой — ртуть из серебра, и этим показывает, что алхимики искали также и бескорыстных превращений.

Вот несколько документально зарегистрированных на протяжении XVIII века превращений.

В 1618 году Ван-Гельмонт превращает в золото 8 унций ртути (в Виллаверде , около Брюсселя) посредством неизвестного порошка, который дал ему неизвестный алхимик, желавший убедить этого ученого. По-видимому, ртуть была незаметно амальгамирована золотом, да и порошок, может быть, был одной из солей золота.

В 1621 году неизвестный алхимик успешно производит "превращение" в Гельмштадте перед противником Алхимии профессором Мартини, но, по-видимому, не убеждает его.

В 1648 году граф фон Рутц в Праге в присутствии императора Фердинанда III prepares искусственное

РЕЦЕПТ,

найденный в сундуке, замазанном в стене. Был продан за великие деньги, изведен самым делом на опыте и от искусных в Алхимии одобрен, что и по делу оказывается. Того ради остерегайтесь открывать толикой важности секрет жадным и надменным людям, также и тем, кои не суть дети философии. Итак начнем:

Возьми, во имя Господа Иисуса Христа, столько золота, сколько тебе угодно, сделай амальгаму из 1 части ртути, куда положи и золото и дай ртути выкуриться на малом жару, потом ревербируй его (грей в отражательной печи) 20 суток, изотри мелко; после налей хорошего дистиллированного и ректифицированного уксуса на 4 пальца сверх материи, замажь горлышко и поставь в теплую золу на 2 суток, по прошествии коих уксус получит от золота красный цвет. Потом ревербируй опять по-прежнему 9 суток, уменьшая число дней ревербирования и сливая завсегда крашеный уксус вместе, и это продолжай делать до тех пор, пока все твое золото распустится и остается на дне один серый порошок, который ни к чему не годится.

Сольвированное дистиллируй, то и найдешь твою соль на дне. Ревербируй после (грей снова на отражательной печи) 12 часов так, как в этом рецепте написано.

Потом сольвируй золото в ректифицированной живой воде (спирт), дай устояться, и оставшееся на дне от сольвирования ревербируй (грей в отражательной печи) трое суток, поступая так, как писано об уксусе. Когда все золото в живой воде распустилось, то на дне найдешь прекрасную соль, которая тотчас растворяется, подобно соли нашатырю. Возьми сей соли одну часть и четыре ртути, обложи их горячими углями, то по прошествии получаса найдешь твою ртуть, кальцировавшуюся (прокаливавшуюся) в порошок. (Это мне не удавалось и неудача эта, по мнению моему, происходит от плохого качества соли, которая (как и следовало ожидать) в 12 часов ревербирования улетала — Голландово примечание).

Теперь возьми сей порошок ртути (ртути) и ревербируй трое суток, потом изотри и сольвируй в уксусе, ревербируй вторично, сольвируй в живой воде и бери опять на одну его часть четыре чистой ртути, поступая все по-прежнему.

Наконец, растопивши одну часть сего порошка, брось на четыре части ртути, то превратится в хорошее золото и серебро. Итак, по сему и поступайте. Аминь.

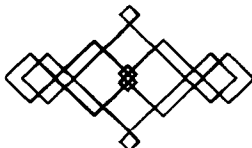
РЕЦЕПТ

добывания ртути из всех металлов.

Ежели хочешь добывать меркурий (ртуть) из луны (серебра), то сделай наперед крепкую воду (азотную кислоту) из купороса и серы (селитры?), взявши их поровну. Сольвируй (растворяй) луну обыкновенным образом, дай осесть в простой воде, вымой известь (окись) в чистой воде, высуши, положи в сосуд плоскодонный, поставь в печь кальцироваться (прокаливаться) в умеренную теплоту, какая нужна для свинца, чтобы расплавился и по прошествии 6 недель луна (серебро) откроется и ртути можно будет отделить от земли (от остаточного окисла серебра).

Подобным сему образом можешь поступать с солнцем (золотом), с тем только различием, что солнце должно стоять (в химической печи) около 18 недель или еще дольше, прежде чем ртуть его возможно будет отделить от земли (осадка) и масла (раствора?), пребывающих завсегда вместе. Ибо солнце (золото) есть плотное тело, чего ради требуется, чтобы оно стояло от 30 до 40 недель, хотя бы после и походило на гриб. Наконец оно так отворится (вспучится?), что если (1 унцию) солнечной извести (окисла золота) положить в обыкновенный стеклянный сосуд, то он весь наполнится и тогда можно ртуть, полученную из золота, весьма легко сублимировать (взогнать).

Также из всех металлов добывать можешь ртуть посредством сублимации.

золото посредством порошка (хлористого золота? — авт.), полученного им от другого алхимика, Рихтгаузена, будто бы получившего его (чтобы не попасть в тюрьму, пока не скажет секрета) от некоего Лабушардьера. Из этого золота была выбита Фердинандом медаль с латинской надписью: "Divina Metamorphosis exhibita Pragae 15 Jan. 1648 in praesentia Sac. Caes. Mejest. Ferdinandi Tertii". (Божественное превращение, произведенное в Праге 15 января 1648 года в присутствии Его Императорского Величества Фердинанда Третьего). Эта медаль была в конце XVIII века еще в Венском казначействе.

1650 год. Тот же Рихтгаузен, который дал порошок графу фон Рутцу, дал его теперь самому Фердинанду III, тоже осторожно выдав за полученный от неизвестного алхимика, и император торжественно изготовил из него вторую порцию золота и выбил вторую медаль, приказав хранить ее на удивление потомству в своем Тирольском дворце.

1658 год. Тот же Рихтгаузен делает успешный опыт перед Майнцким Электором.

1666 год. Иоан Фридрих Швейцер, известный под именем Гельвеция, делает (из порошка AuCl_3 ?) золото, которое, по официальному исследованию, оказывается настоящим и убеждает этим философа Спинозу в существовании Красного Камня алхимиков.

1705. Пейкюль (Peukull), в присутствии химика Гирна и многих других свидетелей, делает превращение какого-то вещества в золото, из которого затем была выбита медаль.

* * *

Поддерживаемая такими фокусами легенда о Красном Камне философов приняла в XVI и XVII веках самый грандиозный вид.

Начали утверждать, что посредством этого таинственного вещества не только можно превращать в золото

все металлы, но также и излечивать им все болезни и сохранять до бесконечности жизнь и молодость владеющего им человека. Возникла особая наука — спагирическая (алхимическая) медицина.

Ее начало тотчас приписали, по обычаю того времени, глубокой древности, египетской и халдейской культуре. Но это может быть верно лишь в том отношении, что и

Бомбаст фон Гогенгейм, Парацельс. По старинной гравюре де Вриеса. тогда верили в существование универсального лекарства, как для человека, так и для металлов, в смысле их охраны от потускнения и окисления. Отождествление же его со средством превращать друг в друга металлы соответствует скорее древней легенде об оборотнях или магических превращениях людей в животных, чем излечению их от болезней. Смешение понятий о Философском Камне и всеобщем лекарстве начинается только с Парацельса, который одновременно был и алхимиком и врачом.

Парацельс Бомбаст фон Гогенгейм (1493—1541) принадлежит уже целиком XVI веку. Почти триста лет

прошло со времени работ Бэкона, а его идеи о двух началах металлов — ртути и сульфуре-сере,— несмотря на тысячи работ, производившихся каждый год по всей Западной Европе, не подтверждались. Приходилось или бросить всю теорию, как ложную в основе, или делать к ней все новые и новые надстройки, пока все здание не рухнет, наконец, с громом под их тяжестью. Парацельс пошел по этому последнему направлению и к двум началам Бэкона прибавил еще третье — таинственную металлическую воду. Что третье начало было придумано им, независимо от жившего перед ним Василия Валентина, открывшего сурьму, указывают некоторые места и в сочинениях самого Парацельса, родившегося уже в книгопечатную эру, и потому менее подвергнувшегося подделкам. Вот, например, место из его трактата *“Сокровище Сокровищ”* (*“Thesaurum Thesaurorum”*), напечатанного лишь через несколько десятилетий после смерти Парацельса*.

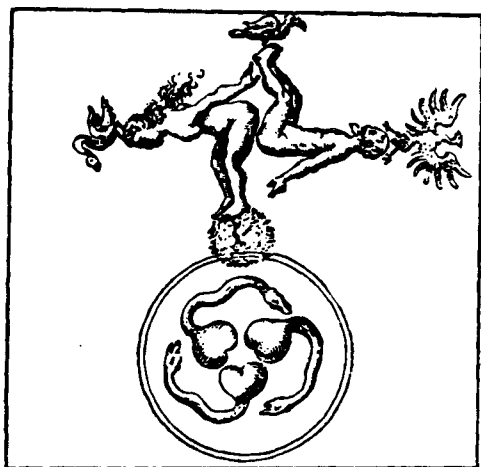
“Во всем, что касается знания и опыта, философы, предшествовавшие мне, брали своей целью скалу Истины, но ни один из них не попадал в цель. Они думали, что ртуть и сера были начала металлов, но не упомянули даже и во сне третьего начала... И вот я утверждаю, что в этом минерале находятся три начала: ртуть, сера и металлическая вода (т.е. раствор — авт.), служащая для их питания. Если светила небесные и природа позволяют, дерево вытягивает сначала ветви в марте месяце, потом распускаются почки, появляются цветы и так до осени, когда (от древесного сока — авт.) вызревает груша. Также и с металлами. Они рождаются таким же образом из недр земли. Пусть же алхимики, ищущие Сокровища Сокровищ, заботливо отметят это!..”

“Слава тому, кто мог найти такое сокровище, и получить из него вытяжку! Это истинный естественный

* Древнейшие его издания: *“Bucher und Schriften Paracelsi”*. 10 vol. 1589; *“Paracelsi opera omnia: medica, chemica, chirurgica”*. 3 vol. 1648.

бальзам небесных планет; он мешает гниению тела, он не позволяет ни язве, ни подагре, ни водянке внедриться в человеческое тело... Ах, немецкий Карл! что ты сделал с твоими научными сокровищами?! Где твои медики? Где

“Девятый ключ” книги Василия Валентина. Мужчина и женщина — сера и ртуть. Три сердца со змеями — три их начала. Ворон — символ черного, лебедь — белого, павлин — радужного и феникс в пепле — красного цвета.

твои ученые? Где эти бандиты, которые прочищают безнаказанно желудки и угощают микстурами? Твое небо потрясено... Твои светила, сойдя с орбит, гуляют далеко от Болотистого Пути, который для них предназначен!.. Если бы твои “адепты” знали, что их глава Галиен (который теперь в аду) написал мне удостоверительные письма, что я прав, они сделали бы крестные знамения своими лисьими хвостами! А ваш Авиценна! (Он сидит теперь на пороге ада). Я говорил с ним о его жидком золоте... Уходите же, шарлатаны, берущие верх только протекциями высокопоставленных лиц! Но, терпенье! После моей смерти мои последователи поднимутся против вас и повлекут вас к лицу неба, вас и ваши грязные микстуры!..”

Полемические выходки в сочинениях Парацельса показывают нам интенсивность той борьбы, которую вызвали его прибавления к укоренившимся в тогдашней Алхимии и медицине официальным представлениям. Однако временно Парацельс победил, хотя и не вполне. Третье начало само навязывалось мистически настроенным и запутавшимся в бесплодных поисках умам того времени, когда даже божество было разделено на три личности. Кроме того, открытие сурьмы Василием Валентином положило уже конец учению о семи металлах. Полемика с Парацельсом привела лишь к тому, что таинственная металлическая вода приняла у последующих ученых более реальные формы, т.е. обратилась у одних в раствор обыкновенной поваренной соли, у других — селитры, мышьяка и т.д. и т.п. Никакого единства в этом отношении не установилось, да и не могло уже установиться, потому что со времени изобретения книгопечатанья, случившегося незадолго до рождения Парацельса, число ученых чрезвычайно увеличилось, благодаря большей доступности книг. Достигнуть единогласия стало теперь возможно лишь в том случае, если справедливость вновь высказываемой идеи можно было сделать очевидной для каждого путем самостоятельной проверки. Но как бы то ни было, прибавка третьего компонента металлов, к которому перед Парацельсом пришел и Василий Валентин, была всеми принята, и мы видим в различных изданиях того времени чрезвычайно интересные эмблематические рисунки, два из которых я покажу вам здесь.

Вот прежде всего перед вами рисунок, приложенный последующими издателями к *“Двенадцати ключам премудрости”* Василия Валентина, где два явные начала Бэкона, мужское и женское — сульфур и ртуть — вылетают из трех скрытых под ними начал, изображенных в виде трех змей. Далее изображены те же два начала в виде супругов, сидящих на шаре с трехглавым драконом,

символом триединого вещества. На следующем рисунке, взятом из той же книги, эти три начала уже замкнуты в яйцо алхимиков, т.е. в колбу, а посреди них вы видите дракона — символ вещества, единого в трех видах и заключающего в себе, как это отмечено кружками на его теле, два свои свойства, твердость и летучесть.

Из книги "*Crede Mihi*" ("Верь мне"). Золото и серебро сидят на шаре с треглавым драконом, символом триединого вещества (одного по сущности, но воплотившегося в трех началах: серы, ртути и химической соли). Четыре шара символизируют своим содержимым четыре цвета: король в порфире — красный, ворон — черный, лебедь — белый и павлин — радужный.

* * *

Быстрое развитие философских идей теперь неизбежно приводило к тому, что признавать далее серу и ртуть за начала всех вещей стало совершенно невозможно. Если бы все металлы состояли из них, то и сама ртуть, как один из металлов, должна была образоваться тоже из ртути и серы... Но какая же это вторая ртуть? — Очевидно, что не та металлическая, которую мы находим, а какая-то особая принципиальная ртуть... А в таком случае и сера алхимиков должна быть тоже не нашей обычной, а

принципиальной серой. Другого выхода не было. Одни авторы, как например, Артефий, ошибочно относимый старинными издателями к добэконовскому периоду, но принадлежащий на деле не ранее, как XV веку, пришел к заключению, что сера в устах алхимиков представляет собою видимые качества металлов — цвет, блеск, протяжение, а ртуть — их скрытые свойства: плавкость, ковкость, летучесть и т.д. Другие говорили, что ртуть есть просто начало или элемент стойкости тела, а сера — элемент их летучести. Одним словом, представления сделались так туманны и определения так схоластичны, что сами авторы уже не понимали, что они писали. Чтобы не разрушить старинных авторитетов и всей горы написанных на них комментариев, алхимикам ничего не оставалось делать, как поступить с их сочинениями так же, как теперь ортодоксальные теологи поступают с библией и евангелиями, т. е. толковать их выражения иносказательно. С этого момента всякая точка опоры исчезла под их ногами и их доктрина начала быстро склоняться к упадку.

Как река, разлившаяся в половодье, наука стала искать новые пути во всевозможных направлениях. Новые идеи брызгами летели во все стороны и принимали нередко самые причудливые формы.

Первые алхимики, вплоть до Василия Валентина, считали своей целью только превращение металлов. Парацельс расширил область воображаемых применений Философского Камня и, вероятно, в припадке мании величия, вызванной нападками современников, вообразил, что в своей химической реторте он мог бы изготовить маленького живого человека, гомункула последующих алхимиков. В своем трактате *“О природе вещей”* он говорит, что для этого нужно только поместить в колбу те продукты физиологической деятельности человека, из которых он естественно происходит, и подвергнуть их легкому нагреванию.

Тогда, в присутствии некоторых других продуктов, и при благоприятном сочетании планет, в колбе поднимается легкий пар, который принимает форму движущегося существа человеческого вида и окажет своему творцу

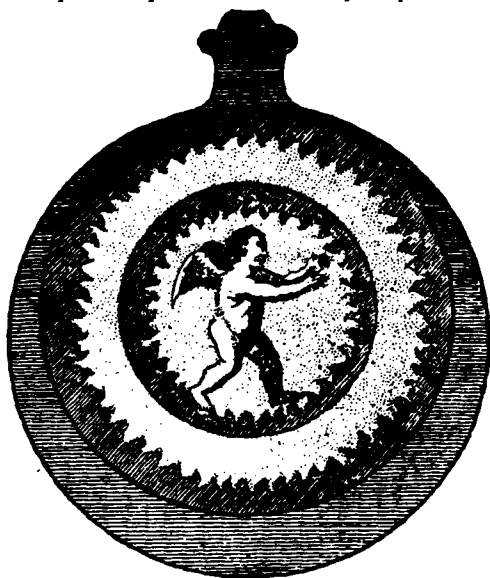
Из книги Василия Валентина *"Двенадцать ключей мудрости"*. Дракон внутри перевернутого треугольника (воды) — символ первичного вещества, кружок на ногах — символ его твердости, кружок на крыльях — символ летучести. Три змеи — три его начала. Все замкнуто в "яйце философов" (закрытой шаровидной колбе).

необыкновенные услуги. Некоторые шарлатаны делали впоследствии для всех интересующихся подобные опыты, беря насыщенные растворы солей, выделяющих от стояния беловатые кристаллы и, показывая их, говорили, что это образуются кости будущего гомункула, а дальнейшую неудачу объясняли тем, что сочетание планет было в данный миг неблагоприятно.

На этой новой стадии своего развития Красный Камень алхимиков не только превращал все металлы в золото и излечивал их от "проказы", т.е. ржавчины, но оказывал также целебное действие и на всякое живое существо, уничтожая его болезни. Его настой в спирте составлял

жизненный эликсир, благодаря которому один из апокрифических алхимиков XI века, уже упомянутый Артефий, будто бы жил тысячу лет. Ласниоро в своем "Золотом трактате о философском камне" утверждает, что прием

Из сочинения Бархузена "Удивительная книга" (Barchusen. "*Liber singularis*"). Конец "Великого Делания алхимиков".

его в микстуре даже воскрешает мертвых, а Спербер высказывает мнение, что этот Красный Эликсир до такой степени просветляет тело и очищает душу обладающего им человека, что он видит, как в зеркале, все движения созвездий и влияние небесных светил, даже и не смотря на небо, а в своей комнате с закрытыми ставнями*.

Другие с его помощью думали открыть мировую душу, присутствующую во всем и дающую, по выделении в свободном виде, высшее блаженство, приводя философа в прямое сообщение с божеством и духами.

* Sperber. *Isagoge de Materio Lapidis*.

Все эти ложные течения послебэконовского периода химической философии так переплелись, наконец, между собою, что стало совершенно невозможно в них разобраться.

Каждый автор говорил свое, не слушая других или перепутывая слышанное, и современный исследователь, вступающий в этот мир забытых авторитетов и погребенных сочинений, получает такое же впечатление, как если бы он попал в дом умалишенных, и это впечатление еще более увеличивается присутствием среди искренне заблудившихся во мраке неведения умов значительного числа профессиональных фокусников. Везде, где кончается здравый смысл, в защиту отживающей доктрины, является чудотворство и окончательно ее дискредитирует в умах всех искренних и образованных людей. Так было с Алхимией... Так происходит теперь и с авторитарной теологией.

Еще в 1558 году Кардан в своей книге *“Библия Природы”* (*“Offenbarung der Natur”*) объявил ложным утверждение алхимиков о существовании их Философского Камня. Но только к концу XVIII века, благодаря работам Лавуазье, смело отбросившего при своих исследованиях все старинные авторитеты, алхимическое направление рухнуло безвозвратно, как в теоретической, так и практической химии.

С этого великого поворотного момента в учении о веществах, сразу стало ясно, что сера и ртуть — продукты того же порядка сложности, как и все остальные металлы и металлоиды.

В дополнение к мистическому числу семь были открыты, кроме сурьмы Василия Валентина, несколько десятков других металлов, улегшихся потом, вместе с предыдущими, в стройные ряды периодической системы, и алхимический генезис их от ртути и серы окончательно сошел в область истории, если не считать немногих мистических ручейков, добравшихся и до настоящего

СОСТАВ СОСТАВОВ

(Извлечение из трактата, напечатанного в IV томе *"Theatrum chemicum"*, XVII в. и приписанного издателями Альберту Великому).

Я не скрою науки, которая открыта мне по милости Бога, я не удержу ее ревниво для себя из страха навлечь на себя Его проклятие. Знание, удержанное в тайне, на что оно годно?.. (Из введения.)

Сера — отец металлов и ртуть их мать. Еще вернее было бы сказать: в сложных телах сера представляет семянную жидкость отца, а ртуть — месячное отделение матери, сгустившееся, чтобы образовать зародыш... Одна сера не может зачать, также как и ртуть.

Огонь есть пар серы. Пар серы, хорошо очищенный и взогнанный, белит и уплотняет... Ртуть легко очищается от своих нечистот возгонкой и очень кислотными промывками... Она соединяется с чистой серой и производит тогда в глубине земли металлы чистые и совершенные. Если оба начала не чисты, металлы будут несовершенны... (из главы первой).

Заметь хорошо следующее: материал Камня Философов дешев. Его находят повсюду, даже в отхожих местах, говорят философы, и некоторые глупцы, приняв их слова буквально, искали его в экскрементах... (глава третья).

Беру Бога в свидетели, что в книгах философов нельзя ничего найти лучше того, что я сказал, поэтому прошу тебя, не доверяй никому этого, не дай этим словам попасть в нечестивые руки, потому что они содержат философские секреты всех веков. Такое количество драгоценных перлов не должно быть брошено свиньям и недостойным. Если же это случится, тогда молю всемогущего Бога, чтобы тебе никогда не удалось окончить Божественное дело превращения металлов (конец трактата).

времени*, как едва заметные остатки того широкого потока ложно направившейся человеческой мысли, который еще покрывал всего два-три столетия тому назад всю Западную Европу, а с ней и весь остальной цивилизованный мир.

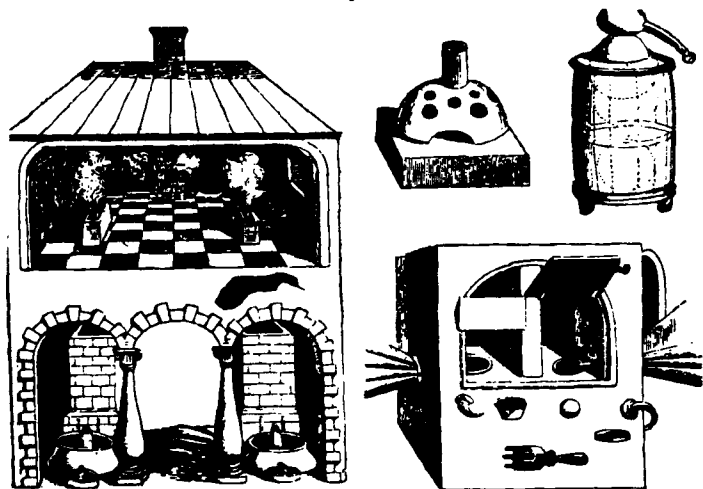
Этот поток несомненно разлился во всей своей силе только с XIII века, после Роджера Бэкона, заключенного монахами в темницу за воображаемое открытие им могущественного Красного Камня. Я не хочу, конечно, сказать, что не будь посажен этот гениальный человек в тюрьму, в Европе не было бы того пятисотлетнего сумбура алхимических сочинений и тех напрасных блужданий сотен тысяч талантливых людей в поисках никогда не существовавшего Камня. Я хочу только сказать, что, если б Бэкон даже не родился на свет, то и всякий другой гениальный химик средних веков претерпел бы, благодаря религиозному и политическому самодержавию того времени, совершенно такую же участь и написал бы для своих тюремщиков из глубины своей кельи аналогичные фантастические книги, хотя вместо серы и ртути и выбирал бы, может быть, каких-либо других отца и мать для семи известных ему металлов.

Идея об единстве вещества и о возможности превращения всех его видоизменений друг в друга так естественна сама по себе, что неизбежно должна была являться в голове каждого серьезного химика, если ум его обладал творческими способностями и был склонен к обобщениям. Но, к несчастью, с абстрактной и бескорыстной идеей такого всеобщего трансформизма веществ неизбежно связывалась в вульгарных головах и практи-

* Так, например, во Франции и до сих пор существует Алхимическое общество, члены которого верят, что старинным алхимикам действительно был известен способ превращать металлы, и разрабатывают их сочинения. Некоторые из их изданий представляют большой исторический интерес, и я пользовался ими при составлении этой книги. (См. Albert Poisson. *Theories et symboles des Alchimistes* 1901 г.; его же *Cinq traites d'Alchimie*, 1890 г.; F. Jollivet Castellet: *La science alchimique* 1904 г.; Abel Haatan: *Contribution a l'etude de l'alchimie*, 1908 г.).

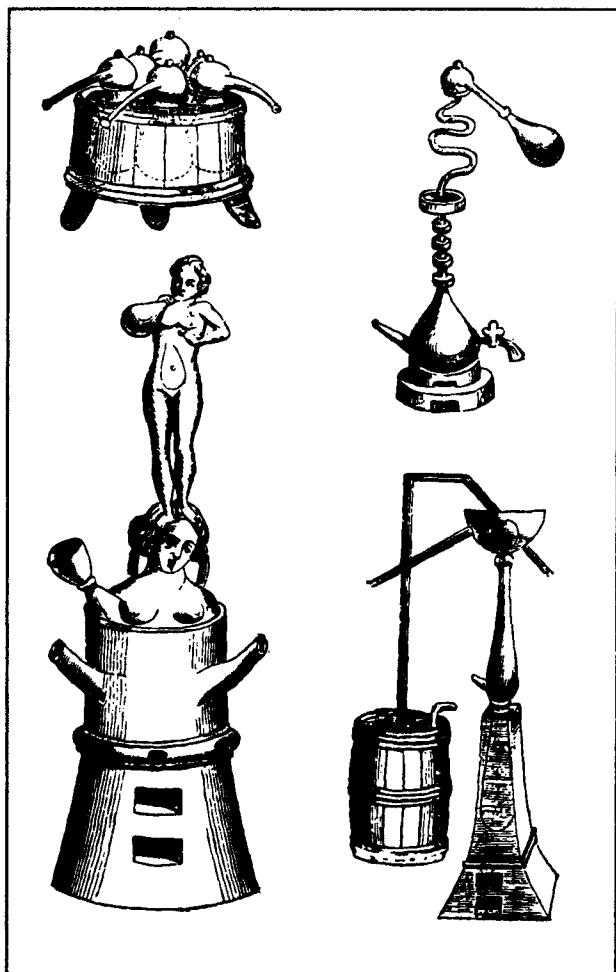
ческая мысль о превращении их этим путем в самые драгоценные из всех металлов — серебро и золото, которые всегда были так нужны для деспотов, стремившихся удержать свою пышность и могущество. Вот почему среди исследователей в области теоретической химии неизбежно

Печи и аппараты, употреблявшиеся алхимиками средних веков; по рисункам де Вриеса.

должно было оказаться особенно много мучеников в эпохи абсолютизма. Скованная этим абсолютизмом человеческая мысль неизбежно должна была направиться здесь по ложному пути, и блуждать на нем долее, чем в какой-нибудь другой отрасли знания, где обобщающие научные гипотезы, и работы с целью их подтверждения, не возбуждали немедленно алчность всех окружающих монахов и коронованных особ старого времени, готовых, как коршуны, наброситься на труженика-философа при первом слухе, что ему удалось осуществить свою идею на деле.

И мы действительно видим, что только со времени Кромвеля в Англии и падения старого режима во Франции и в остальных цивилизованных странах, химия вышла

Песчаная и водяная ванны и два перегонных аппарата XVII века, по рисункам де Вриеса.

вместе со всеми остальными естественными науками на прямую и ровную дорогу к своей конечной цели — познанию истинных законов строения вещества и его последовательной эволюции на небесных светилах.

Но даже и на заре своего освобождения и освобождения всего мыслящего человечества, химия не обошлась без искупительной жертвы, и величайший из ее реформаторов Лавуазье, выводя ее на истинный путь опыта и наблюдения, погиб на гильотине в тот трагический момент великой революции, когда его страна, вырвавшись из-под гнета одного абсолютизма, не могла удержаться в естественном равновесии свободной республики и попала под гнет другого — противоположного абсолютизма...

Падение самовластья, как светского, так и духовного, и соответствующее возрождение всех наук, несомненно, было подготовлено еще в XV веке изобретением книгопечатания, сделавшего возможным популяризирование знаний. Удешевив и размножив книги, оно сделало немыслимой прежнюю замкнутую, кастовую науку и было причиной крушения не только светского и религиозного самодержавия, но и всех оккультных авторитарных течений человеческой мысли — метафизики, Алхимии, астрологии и всех ортодоксальных теологий, начиная от языческих и кончая монотеистическими. Если разные авторитарные теологии, как последние пережитки умершего направления науки, и владеют еще во многих странах низшими слоями населения, если религиозный гнет, в связи со светской цензурой над человеческой мыслью, не везде еще ушел в область прошлого, то, с высоты умственного развития цивилизованного человечества, и теперь уже можно сказать о них словами поэта:

Последняя тучка рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день!

ГЛАВА III

**Что дошло до нас из рукописной литературы
старого допечатного времени?**

В заключение мне хотелось бы поговорить с читателем об одном интересном вопросе.

Когда два года тому назад я выпустил в свет свою книгу об Апокалипсисе, где показал путем астрономических

Из книги Иоанна Исаака Голланда *"Собрание разных алхимических книг"*. Русск. перев. 18 века. СПб. при Имп. Акад. Наук по немецк. переводу 1667 года.

вычислений, что это произведение написано никак не в первом веке нашей эры, а только через триста лет после него, в 395 году, тогда почти все православные теологи обрушились на меня, указывая с торжеством, что упоминания об Апокалипсисе уже существуют у Оригена, Викторина, Тертулиана и других писателей, "живших ранее моей даты" ... Читателю таких рецензий невольно казалось,

что где-то в Европейских музеях и архивах хранятся подлинные рукописи всех упомянутых лиц или по крайней мере копии с них, сделанные их учениками...

Но увы! Никаких таких манускриптов совсем нигде не существует. Все, что мы знаем о сочинениях древних авторов, почти целиком берется современными историками из сборников XV, XVI и XVII веков, т. е. от лиц, живших через целую тысячу лет после смерти цитируемых ими писателей, от лиц, в высшей степени легковых, испестривших свои сообщения невероятными рассказами о всевозможных чудесах.

Отличить в них истину от правдоподобных (самых худших из всех!) измышлений и позднейших дополнений почти невозможно. Благодаря этому обстоятельству все наши первоисточники по древнему периоду допечатной эры представляют из себя настоящие авгиевы конюшни, где много веков стояли монахи, и для очистки которых нужен новый Геркулес. Но даже и Геркулес в одиночку здесь ничего не мог бы поделать. Здесь нужно специальное международное общество разработки исторических первоисточников древней истории, которое, пользуясь широким материальным содействием цивилизованных государств, задалось бы гигантской целью сфотографировать на цинковые клише и кроме того перевести на один из общедоступных европейских языков с научными комментариями специалистов все, что дошло до нас в рукописях, написанных ранее XVI века. Изданные таким образом и разосланные во все крупные государственные и университетские библиотеки, такие документальные издания сделали бы древнюю историю до некоторой степени наблюдательной наукой и дали бы возможность каждому, разрабатывающему какие-либо вопросы древности, иметь под своими ногами прочную точку опоры и лично проверять справедливость выводов, сделанных его предшественниками.

Вот почему и в заключении этой книги, где мне снова не раз приходится говорить, что вся древняя история наших наук совершенно легендарна, я снова касаюсь того же самого вопроса о первоисточниках и привожу по замечательным в истории химии работам Бертело* список главнейших манускриптов, дошедших до нас по Алхимии и связанным с нею наукам от старого до печатного времени. Посмотрев его, читатель сам увидит, как немного таких манускриптов и к какому сравнительно позднему периоду принадлежат почти все они. Если не считать Лейденских папирусов, с которых я начинаю и время которых определено только гадательно, то самый древний манускрипт относится только к XI или XII веку!..

Вот почти и все рукописные документы, считаемые за точные или испорченные копии сочинений древних до-средневековых авторов, в их хронологическом порядке!

I. Лейденские папирусы. Это самые древние из известных до сих пор документов. Они собраны в начале XIX века шведским вице-консулом в Александрии и в различных местах Египта. Часть из них, по-видимому, доставлена ему арабами из Фивских гробниц. Нидерландский музей, где они хранятся, приобрел их в 1828 году. Из этой коллекции 100 написаны на папирусах, 24 на полотне и 1 на коже. Двадцать из них по-гречески и 3 с одной стороны на греческом и с другой иератическими письменами более древнего периода, чем первый. Содержат они большею частью разные отрывочные практические сообщения, рецепты действительных древних знаний (вроде способов получения и закалки древних металлов, изготовления некоторых сплавов, серебрения, золочения, окраски в пурпурный цвет, производства стекла и искусственных драгоценных камней). Иногда в них попа-

* *"Les origines de l'alchimie"*, 1885; *"Collection des anciens alchimistes grecques, texte et traduction"*, vol.3, 1887. *"Introduction a l'etude de la chimie des anciens et du moyen age"*, 1889. *"La chimie au moyen age."* vol.3 1893.

даются и чисто фантастические указания, вроде способа размножения золота и серебра. В папирусе №75 этой коллекции есть алхимический рецепт, приписываемый Оссию, царю Израиля, где цитируются между прочим имена Саваофа, Авраама, Исаака и Иакова. В папирусе №76 заключается коротенький астрологический трактат "*Святая книга, называемая Тайной Книгой Моисея*". В папирусе №66, содержащем целых 8 листов текста, описано приготовление сплавов, медикаментов и окраски тканей пурпуром.

Исследовавший их директор Лейденского музея Рювен приписал их III веку нашей эры. Но его соображения, насколько мне известно, не были проверены. Никаких алхимических теорий в них еще нет. Все это лишь разрозненные рецепты вроде указанных выше и разрозненные сообщения, и, что всего страннее, они часто буквально повторяют такие же рецепты манускриптов XII века, описываемых далее*.

Арабский манускрипт лейденской коллекции под №440 состоит из 103 листов. Конец его утрачен и о времени ничего не известно, так как арабский почерк мало изменялся с течением веков. Бертелло говорит, что по бледности слов возможно предположить, что он очень древний, может быть даже VII века, но, это, конечно, только одно предположение. Из него Бертелло перепечатал серии слегка систематизированных заметок и химических рецептов, носящих заглавия: книга весов, книга сострадания, книга концентраций, книга восточного и западного Меркурия (приписанные редактором Джабиру), и затем сборники совершенно в таком же роде, приписанные Кратесу (Демо-Критосу) и Эль-Хабибу. Ни одной из них нет среди латинских переводов средних веков, носящих имя Джабира, как нет и этих лжепереводов на арабском языке. Можно думать, что многие из дошедших до нас

* Berthelot. *Les Origines d'Alchimie* 1885. P. 87—94.

арабских манускриптов очень позднего маврского происхождения и происходят из Испании или Марокко. Даже и в настоящее время в Марокко составляются такие алхимические рукописи, так как там многие еще верят в их серьезность.

II. Венецианский пергамент. Это сборник из 196 пергаментных листов в одном томе, написанный по гречески и относимый к концу XI века. В нем мы видим самый древний из имеющихся до сих пор документов, где химические рецепты и заметки отделяются от астрологических, медицинских и каббалистических сообщений. Многие из цитируемых авторов здесь те же, что и в предыдущих папирусах, но уже более связаны между собою. В нем есть *“Хризопея Клеопатры или искусство делать золото”*, есть знаки семи металлов, где солнце представляет золото, луна — серебро, Сатурн — свинец, Марс — железо, Венера — медь, Юпитер — электрум египтян, т. е. сплав серебра и золота (вместо позднейшего олова) и Меркурий представляет олово (вместо позднейшей ртути), которое еще не упоминается здесь среди металлов.

На 7 листе в нем помещен и *“Список философов священной науки и искусства: Моисей, Демокрит, Синезий, Паузерис, Пибехий, Ксенократ, Африкан, Лука, Диоген, Гиппас, Стефан, Химес, Христианин, Мария, Петазий, Гермес, Теозебия, Агатодемон, Теофил, Изидор, Фалес, Гераклит, Зосим, Филарет, Юлиана, Сергей”*. Ни Роджера Бэкона, ни псевдо-арабов здесь еще нет.

III. Манускрипты Парижской национальной библиотеки. Самый древний из греческих написан на бумаге и хранится под №2325. Он относится к XIII или XIV векам. В нем находится между прочим алхимический трактат монаха Косьмы и ряд различных рецептов и практических сообщений от имени действительных и легендарных авторов. Он почти целиком вошел в следующий за ним более поздний манускрипт №2327, датированный

1478 годом, содержащий 300 листов in 8-vo и представляющий сборник таких же рецептов и практических сообщений, как и предыдущие, между прочим и рецепт удвоения количества золота*. Другой алхимический манускрипт, №2249, принадлежащий XVI веку, представляет во многом воспроизведение уже описанного выше Венецианского пергамента, с дополнениями. Но конец его, к сожалению, утрачен. Остальные рукописи, под №№2250, 2251, 2252 и 2275 представляют лишь варианты или отдельные части уже описанного нами основного документа под №2327, т. е. все оказываются не ранее XIV века.

Кроме них ценен для истории Алхимии, магии и астрологии ещё греческий же манускрипт №2419, писанный в 1460 г., где изобретение Алхимии приписывается некоему Алхимику, жившему очень давно.

Самый древний из арабских это манускрипт №972 (основной части), где содержатся: 1) "*Книга царств*" и "*Малая книга сострадания*", приписанные Джафару; 2) "*Двенадцать глав о науке знаменитого камня*", приписанных Останесу. Затем манускрипт №1074 (арабского дополнения) содержит между прочим отрывок из Останеса. Время составления этих сборников трудно определить, но, вероятно, они были составлены не раньше XVI века. Курьезно, что автор выставляет там Аристотеля своим приятелем.

IV. Манускрипты Британского Музея. В этом знаменитом музее особенно замечательны по Алхимии: 1) Сирийско-арабский сборник под №1593 Восточной Коллекции, в 49 листах, написанных прекрасным почерком начала XVI века. Многие из его страниц перепутаны при переплете, начало и конец утрачены. Его древнейшие отрывочные сообщения и рецепты, как предполагают, передавались ещё от начала средних веков (IX, VIII века

* Приведенный в "*Origines d'Alchimie*" Бертело на стр. 334 изд. 1885 г.

и т. д.). Первая часть его написана по-сирийски, вторая — по-арабски, но сирийскими буквами; 2) Сирийско-арабский сборник под №79 коллекции Эгертона. Отличается от предыдущего лишь незначительными вариантами, первая часть тоже написана по-сирийски, а вторая — по-арабски сирийскими буквами. Он содержит 100 листов, переписанных прекрасным почерком XVI столетия, по-видимому, позднее предыдущего, и из того же первоначального источника. Перепечатан целиком во французском переводе и в арабско-сирийском первоисточнике в т. II, книги Бертело *“La chimie au moyen age”*.

V. Кембриджский арабский манускрипт (Мм. 6. 29). Составляет 148 листов прекрасного почерка XVI века без начала и конца. Сильно испорчен временем. В нем множество слегка систематизированных химических рецептов, то анонимных, то от имени Зосима, Демокрита, Эздры, Пибехия, и кроме того, ряд мистических и магических, тоже слегка систематизированных сообщений. Все они очевидно разновременного происхождения.

VI. Манускрипты Ватиканской библиотеки. Главнейший из греческих под №1174 — состоит из 155 листов, на бумаге, из которых только 100 принадлежат, по письму, XV веку, а остальные 55 прибавлены кем-то уже в XIX веке, как и некоторые вставки. В нем есть “Физика и мистика”, приписанные Демокриту; отрывки, приписанные Олимпиодору, Зосиму, Стефану, Гелиодору, Анониму, Синезию, Клеопатре и т. д. Большая часть сходны с приведенными в Венецианском пергаменте. Остальные греческие позднее их и тоже не оригинальны.

VII. Манускрипты Библиотеки Испанского Эскуриала. После ее пожара в 1617 году остались по Алхимии только два на греческом языке. Один под значком (Ф—1—11) писан почерком XVI века и есть точная копия уже указанного выше Парижского манускрипта №2327. Другой, под значком (Ψ—1—13), есть тоже точная копия

с уже описанного выше Венецианского пергамента, как это нашел путем прямого сравнения секретарь Парижского посольства в Испании Лоин. Бертелло нарочно ездил в Испанию, чтобы лично осмотреть оба, но его не пустили, так как входы в Испанские национальные библиотеки варварски запрещены всем иностранцам.

VIII. Манускрипты других библиотек. Все они позднее Венецианского пергамента (XV или XVI веков) и во многом являются воспроизведениями предыдущих. Так, манускрипт Миланской библиотеки представляет неоконченную копию Венецианского пергамента. Манускрипты Альтенбургской, Флорентийской (1492 г.) и Венской (1564 г.) библиотек аналогичны уже известному нам парижскому (№2327), но с иным расположением справедливых или ложных рецептов и сообщений всякого рода. То же можно сказать о Мюнхенском, Веймарском, Лейпцигском и о манускрипте Готской библиотеки, где по химии есть рецепт приготовления пива посредством соложения и описание “эфиопских рудников”. Все они на греческом языке и копированы с Венецианского пергамента.

В Константинополе по Алхимии есть только не особенно древний греческий манускрипт при церкви Св. Гроба и письмо о ней к патриарху Михаилу, приписываемое Пселлосу, тоже не уходящее по своему почерку за последний период средних веков.

В Большой китайской энциклопедии в Пекине, называемой *Pei-ouep-yun-fou* (время последнего редактирования которой остается очень неопределенным), говорится, будто первый “осуществивший превращение металлов” был китаец Ко-Хонг, живший при династии У, относимой к III веку нашей эры. Инициатива в алхимических занятиях принадлежала по этой летописи тоже китайским монахам — даосам, занимавшимся, кроме химии, и магией. Они клали вместе со своим Философским Камнем (Таном) в горн олово и превращали его в серебро, а серебро

таким же образом в золото. Уже по самому фантастическому способу видно, что все это место не включает в себе ни капли истины, и придумано едва ли ранее средних веков.

В древнейшей арабской энциклопедии “Китабаль-фихрист”, приписываемой Ибн-Надину, жившему, как думают, в IX веке (древность дошедшей до нас версии едва ли велика, а место хранения мне не известно), цитируются лишь греческие и греко-египетские алхимики, каковы: Гермес, Агатодемон, Онатос (?), Платон, Зосим, Демокрит, Останес, Гераклий, Мария Алхимичка, Стефан, Архелай и христианский священник Арес (?). Ни одного арабского автора среди них нет, и потому можно думать, что, хотя бы только в этой своей части, книга является простым переводом средневековых рецептов, написанных по-гречески.

Вот почти и все, что сохранилось у нас в рукописях по Алхимии и связанных с нею оккультных знаниях. Всего лишь несколько десятков рукописных сборников! И все они второго тысячелетия нашей эры, с отрывочными, почти всегда лишь практическими или фантастическими рецептами и сообщениями, даваемыми нередко от имени никогда не бывалых легендарных авторов .. То же самое мы находим и по истории всех остальных знаний...

Весь связный существенный материал мы получаем, повторяю, только из печатных сборников XVI, XVII и XVIII веков, где сочинения различных предполагаемых авторов древности и средних веков приводятся почти всегда без указания мест, откуда взяты рукописи...

Если же когда-либо и приводятся достоверные указания, то древность рукописей никогда не уходит за пределы средних веков. Да это и понятно! Если при всех мерах к сохранению документов в наших научно обставленных и приспособленных библиотеках нет ни одного связного манускрипта древнее 700 лет, то что же сказать о средневековом периоде, когда не было национальных

библиотек, когда рукописи не только не сохранялись, как величайшие драгоценности, в самых сухих и отдаленных помещениях, но лежали в общедоступных кельях монастырей и постоянно предавались огню и мечу при непрекращавшихся междоусобицах того времени, когда монастыри служили также и крепостями? Я не говорю уже о том жестоком многовековом периоде, когда фанатические монахи уничтожали, как еретическую, всякую рукопись, которой сами не понимали. Понятно, что тогда могли уцелеть лишь случайные листки где-нибудь в катакомбах.

Вот почему при разработке древней истории наук и даже древней жизни при современных условиях приходится быть чрезвычайно осторожным, чтобы не впасть в серьезные анахронизмы и не ввести читателя в самодовольное заблуждение, внушая ему, будто современные, пока еще слабые и ненадежные, методы исторической критики дают нам полную возможность отличить в документах XIV, XV и XVI веков правдоподобное от научно-достоверного по древней истории.

История древнего мира и древнего мировоззрения лишь только теперь, как Прометей, начинает освобождаться от охвативших ее средневековых пут...

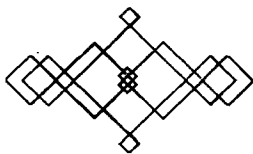
Фернанд Шварц

АЛХИМИЯ
И СОВРЕМЕННАЯ
АНТРОПОЛОГИЯ

Перевод А.Мусулина

Семь металлов создал свет,
По числу семи планет:
Дал нам Космос на добро
Медь, железо, серебро,
Злато, олово, свинец...
Сын мой! Сера их отец!
И спеши, мой сын, узнать:
Всем им — ртуть родная мать!

Из записок Алхимика

Тем, кто ищет Золотую Афродиту.

Истоки Алхимии сокрыты во тьме веков. При слове “Алхимия” часто вспоминается известная средневековая картина, на которой изображен старец, трудящийся в своей лаборатории и при помощи различных загадочных инструментов пытающийся найти Философский Камень.

Однако оказывается, что эта наука о трансмутации, будь то металлов или растений, давно была известна арабам, египтянам, китайцам и даже индейцам доколумбовой Америки. Своими корнями она восходит ко времени появления человека и ее фундаментальная суть заключается в построении символического видения естественных изменений, происходящих в природе.

Все магические и религиозные традиции, идущие к нам из глубокой древности, действительно доносят до нас постоянное стремление наших предков придать глубинный смысл естественным изменениям, свидетелями или главными героями которых были они сами.

Возьмем, к примеру, добычу металлов. Для так называемого “примитивного человека” металл был живым сердцем неодушевленного камня. Извлечение металла из его материальной оболочки было не чем иным, как очищением, разложением и преобразованием природы. По сравнению с рудой, которая является сырьем, символом инертности, “мертвого света”, чистый металл необычайно хрупок и тверд, что символизирует материю, способную вместить дух.

Алхимия — это прежде всего Наука и Искусство Трансмутации. Она имеет дело с глубинным изменением природы вещей, не выходя при этом за пределы естественных ограничений. В этом смысле она является наукой о бытии.

Алхимия не является объективной наукой в современном понимании этого слова. Ее часто хотят представить в качестве предшественницы химии. Однако такое представление об Алхимии никоим образом не приводит нас к ее пониманию, т.к. химия имеет совершенно иной подход к естественным феноменам.

Тем не менее, и в том, и в другом случае речь идет о естественных изменениях. Однако, если химия основана на наблюдении за феноменами и действует от внешнего (наблюдатель) к внутреннему (составляющие материи), Алхимия подходит к феноменам от внутреннего к внешнему, т.е. от сути к проявлению этой сути в форме.

Когда мы говорим о химии, то имеем в виду трансформацию. Мы изучаем изменение внешних качеств объектов и устанавливаем классификацию, основанную на принципе идентичности: А есть А и не может быть Б, как только они начинают отличаться по форме. С Алхимией нам открывается тайна трансмутации, постигаемая при помощи принципа аналогии между наблюдателем и объектом. Здесь идет речь о двух взаимодополняющих путях понимания жизни. Алхимия включает в себя химию, ибо в конечном итоге также занимается трансформацией, присущей любой трансмутации — т.е. преобразованием, свойственным любому превращению.

В самом деле, нетрудно понять, что человек может измениться внешне, если часто будет менять одежду от самой грубой до самой роскошной, но ему будет гораздо труднее изменить свою глубинную природу так, чтобы благородство стало для него гораздо более естественным, чем грубость...

Этот горячий призыв обращен к тому, кто желает понять Алхимию.

Алхимия — это наука о различных силах природы и условиях, в которых эти силы проявляются и действуют. В основе ее лежит представление о существовании Универсального Растворителя, способного разложить любое сложное тело на изначальное однородное вещество, из которого состоят все тела, и которое получило название “Чистое Золото” или “Конечная Материя”.

Этот растворитель, называемый также “Menstrum Universale”, способен изгонять из человеческого тела начала любых заболеваний, возвращать молодость и продлевать жизнь. Теми же свойствами обладает и Lapis Philosophorum, Философский Камень.

Алхимия основывается на космогоническом видении и являет собой этап пути, ведущего к главной цели; это искусство сотрудничества с самой Природой в деле совершенствования всех ее формальных проявлений.

Считается, что предметом и конечной целью Алхимии является превращение неблагородных металлов в Золото. Однако эта наука имеет чисто духовный и психологический характер. Усилия алхимика направлены на превращение бренной и эгоистичной личности человека, символом которой является квадрат, в божественную Высшую Триаду, истинно духовное существо. Алхимические превращения делают человека лучше, изгоняют его недостатки и устраняют несовершенства, избавляясь от которых, он становится более щедрым, мягким, добрым, справедливым, благоразумным, восстанавливая в правах изначальное человеческое достоинство и вновь обретая утраченное благородство.

В человеке очищение и возвышение проходило семь ступеней или стадий алхимического процесса, который символизирует собой Путь Инициации, Путь от мрака к свету, от свинца к чистому золоту, от невежества к Мудрости.

Алхимик должен заглянуть в свою душу, проникнуть в самые глубины своего существа, совершая скрытую, таинственную работу, чтобы обнаружить в себе самом волшебный Камень. Великое Делание — это единение с Богом, открывающее путь к бессмертию, это постижение того, как человеческое существо может развить в себе божественные способности.

Что значит познать вещь изнутри? Объективная наука предполагает создание и освоение определенных приборов и методов, являющихся промежуточным звеном между наблюдателем и наблюдаемым. При достижении результата никоим образом не учитывается состояние души наблюдателя, т.к. последний из стремления быть объективным должен соблюдать определенную дистанцию, то есть быть выключенным из эксперимента. Поэтому его можно заменить, даже компьютером.

Такой подход, без углубления в суть дела, доступен всем. И именно поэтому обучать такой науке относительно легко.

Овладевая же языком Алхимии, мы сталкиваемся с совершенно иной концепцией.

В действительности язык Алхимии — это поэтика, обращенная главным образом к воображению.

Алхимические тексты не поддаются расшифровке, если к ним подходить с точки зрения формальной логики. Зачастую это ребусы, фантастические истории, героями которых являются создания, существующие лишь в воображении. Это сбивает с толку и может стать барьером на пути у того, кто не потрудится напрячь воображение. Глубинное понимание, понимание изнутри ведет к тому, что собственный внутренний мир изучающего обогащается символическими образами, готовыми войти в резонанс со смыслом текста. Невозможно разобраться в тексте, не видя основную мысль. Не это ли внешнее препятствие делает Алхимию наукой, отталкивающей столь многих?

Здесь речь идет о стремлении познать живое существо, не вскрывая его, т.е. не заставляя его умереть.

Алхимия — прежде всего искусство, а не техника. Это Искусство Любви, Царское Искусство, как его называли средневековые алхимики, и его герметическая, сокровенная суть — есть не что иное, как уважение к Живому: можно прикоснуться к кому-либо физически, но это даст лишь поверхностное, мимолетное и преходящее знание. Если мы соприкоснемся с его сердцем, то, напротив, перед нами откроется его истинное содержание, суть существа, тело которого является лишь оболочкой, одеждой.

Итак, говоря символически, алхимическое знание возникает из умения заставить струны нашей души вибрировать в гармонии со струнами души существа, которое мы желаем познать, неважно идет ли речь о человеке, животном, растении или камне.

Алхимические образы показывают эволюцию внутреннего существа, исходным материалом для которой является собственная личность.

Философская Алхимия учит исследовать не видимость, не внешние признаки и проявления вещей, а скрытые принципы, лежащие в их основе. Она говорит о “подъеме” (бестелесное состояние) и о “падении” (видимое состояние) элементов и их составляющих.

Как Царское Искусство и Практика, Алхимия возвращает человеку утраченное с “падением” могущество, создавая “нового человека”, который, оставаясь смертным, обретает способность возвыситься и сознательными усилиями обрести бессмертие.

Алхимиками движет не жажда обогащения, хотя их стремление получить золото не лишено практических оснований. Прежде всего они трудятся для того, чтобы посредством совершаемых ими превращений помочь эволюции различных царств природы, не забывая, впрочем, и о том, к которому относятся они сами.

Фазы их работы соответствуют этапам Инициации. Получение Философского Камня — предмет и цель исканий всякого алхимика.

Философский Камень (*Lapis Philosophorum*) — это Великая Цель алхимиков, прикладывавших все усилия для того, чтобы получить его. Он способен превращать в чистое Золото самые неблагоприятные металлы; это панацея от всех болезней, эликсир жизни, способный сделать человека невидимым, дарующий ему возможность перемещаться в пространстве одним лишь усилием воли. Благодаря ему человек обретает совершенное счастье и влияние на Вселенную, становясь причастным к Первопричине, Абсолюту.

В мистическом смысле получение Философского Камня означает трансмутацию низшей, животной природы человека, превращение ее в высшую, божественную. Кульминацией Тайного Делания, которое он символизирует, является рождение совершенного духовного человека.

Философский Камень — наиболее совершенная одушевленная субстанция, подобная Изначальной Материи Сотворения, возникшей, когда Божественный Огонь Разума вдохнул жизнь в царивший прежде Хаос. Его Единая сущность проявляется трояко:

Он — Универсальный Деятель, Скрытый Растворитель Души Мира, Космической Души.

Он — Мудрость, Интуиция, приближающая нас к Богу.

Он присутствует повсюду: над и под тобой, он впереди и сзади, он окружает тебя со всех сторон.

Скрытым проявлением Камня является наша душа, славная и небесная, и искусство Алхимии освобождает ее из человеческого тела, где она покоится.

Символом Философского Камня является пеликан.

В получении Философского Камня из Первичной Материи и заключается искусство Алхимии — Великое Делание, *Opus Magnum*.

Основные Алхимические категории.

Первичная материя — это природная субстанция, содержащая серу, ртуть и философскую соль (символические элементы). В герметической терминологии — это предмет алхимической науки, над которым трудится алхимик, совершая Делание. Эта материя, имя которой неизвестно, потенциально обладает всеми качествами и свойствами элементарных вещей, она включает в себе материальное начало и конец всего, квинтэссенцию, называемую “птицей Гермеса”. Это — семя всех тел, эфир, общая основа четырех элементов. Это — мировая душа в ее пассивных глубинах и субстанция всех душ.

Materia Prima присутствует во всем, как и все в ней. Изначальная материя одинакова во всей Вселенной. Материя едина.

У нее множество имен, обозначающих одно и то же: зародыш всех вещей, исходная влага, море, земля, “хиле”, дева, блудница, скрытый камень, месторождение всех металлов, обычное и т.д.

Реальность, стоящая за всеми этими именами, содержит три элемента (серу, ртуть и соль); все вещества состоят из них, но в различных пропорциях, из-за чего одни тела более совершенны, чем другие. Чем больше серы, тем чище и совершеннее тело.

Человеческое тело можно сравнить с горой, где находится это Исходное Вещество, а так как в нем присутствует все, то можно сказать, что в человеке находится и Философский Камень, но в скрытом, еще не проявленном виде.

Materia Prima в состоянии дальней материи называется рудой или Сырьем мудрецов. Она — грубый минерал, извлекаемый непосредственно из шахты; становясь объектом алхимических превращений, объектом Делания, она становится ближней материей.

Работая с тремя элементами Изначальной Материи, или Сырья, алхимик получает Философский Камень. Как

говорилось выше, Первичная материя заключает в себе три элемента, из сочетания которых, в разных пропорциях, состоят все тела и вещества.

Сера — активное, сияющее мужское начало Сырья, символ Духа, духовной Воли, высшее выражение Божества, известное под многими именами: Король, самец, лев, жаба,

природный Огонь, солнечный жар, солнце мудрости, печать Гермеса, навоз, негорючее масло, красная ртуть и т.д. Она заключает в себе многочисленные возможности и высшие свойства.

“Замороженная” сера. — это понимание, в котором в скрытом виде заключено золото могущественного Духа.

Чтобы она превратилась в фермент жизни, способный изменять другие металлы, ее нужно развести жидкой ртутью (душа). Сера — духовность всех вещей, и ее символом является лев.

В алхимическом процессе она определяет обжиг, кальцинацию.

Ртуть — женское, пассивное, формальное начало. Сырьё, символ души и ее пластичных свойств. Ее не следует путать с химической ртутью, называемой “рыночной площадью”. Философская ртуть — это суть, извлекаемая из Сырья под действием тайного огня.

Эта ртуть, называемая *Menstruo*, включает в себе “семя Солнца”; когда она не вытекает наружу и разлагается, она питает это семя в материнском алхимическом лоне — горне. Ртуть играет роль живительного растворителя. Это вещество струится во всех психических и мысленных формах; в нем — все наши психические и жизненные функции, наши эмоции, страсти, чувства, сама наша жизненность, жизненная сила.

Этим началом обладает все одушевленное, наделенное жизнью. Символом ртути в чистом состоянии является единорог.

Соль. Это связующее звено между серой и ртутью, вещество, которое называют исконная влага, менструация, потенциальные тела, Королева, самка, змея, небесная Вода, Лунная пена, ключ, талая Вода, белая ртуть, дождь философов, источник, воск с печатью Гермеса, Королевская ванна, место омовения тел, мыло, очень едкий уксус и т.д.

Соль существует в трех видах: белая, красная и сияющая.

Alkahest. Это универсальный растворитель, Высшее Я, субстанция, способная растворять все металлы и сводить любое вещество к его первичному состоянию, к изначальной материи, из которой образовано всякое вещество. Это сила,

действующая в душах всех вещей и способная изменять полярность молекул, таким образом растворяя их.

В своем высшем проявлении она представляет собой магическую власть воли; на низшем уровне — это невидимый флюид, который растворяет все тела. Это — предсуществующее вещество или изначальная влага. Alkahest служит растворителем для трех частей магистерiums (Великого Делания).

Золото. Это символ Солнца. Оно представляет душу в ее изначальном состоянии, когда она с безоблачной непосредственностью могла бы отражать божественный Дух в согласии со своей сущностью. Это все относится к сфере чисто духовного.

В понятие "золото" можно вкладывать различный смысл. Обычное золото есть просто ценный металл. Питательное золото — открытое Парацельсом лекарство, алхимическое золото в растворенном состоянии, которое помогает вкушающему его продлить свою жизнь. Это золото называют также Универсальным Лекарством или Панацеей; оно представляет собой разведенный Философский Камень. Если приостановить алхимический труд на той стадии, когда появляется белый цвет, то получатся лекарства низшего порядка. Алхимическое же золото — конечный продукт алхимического труда.

Свинец. Символизирует хаос души — это больная душа, мутная и мертвая, утратившая способность быть отражением Духа. Но т.к. любая душа потенциально обладает этой способностью, то сущностью свинца является золото.

Алхимические элементы — это составляющие материи или соли, состояния материи.

Земля: эфирно-физический видимый элемент. Плотная материя.

Вода: пранический элемент, энергетический, связанный с жизненной силой.

Воздух: астральный элемент, заключающий в себе чувства, ощущения и желания. Психика.

Огонь: ментальный элемент, разум, на который опираются все другие элементы. Это конкретный или эгоистический разум. Это рассудок и мысль. Это синтез всех других элементов, или печать Соломона.

Осуществление Великого Делания. Малое, или восходящее Делание, или же малое обучение, называемое также Аргиропея, позволяет получить Белый Камень, способный превращать неблагородные металлы в серебро.

Великое Делание, или великое обучение, или Хризопея, завершается получением Красного Камня, который превращает несовершенные металлы в золото. Пути Большого и Малого Делания совпадают вплоть до момента получения Белого Камня.

Различают “Сухой” путь, его называют также коротким или королевским, ибо он позволяет завершить все Делание всего за 4 дня. Данный способ предполагает использование тигля и открытого огня и доступен лишь ограниченному числу избранных, глубоко знакомых с практической стороной Искусства. Он включает 7 этапов: репарация (исправление), восстановление кальция, сублимация (возгонка), растворение, дистилляция, коагуляция (свертывание), отваривание. Этот путь прям и очень опасен.

Существует также “Влажный” путь, который иногда называют долгим, так как алхимические превращения происходят в реторте в течение 40 дней в несколько этапов.

Предварительный этап осуществляется в лаборатории, которая должна быть сооружена и оборудована самим алхимиком. Для нее должно быть найдено подходящее место — уединенное и тайное. Делание должно быть начато в определенный момент времени, который обычно приходится на весеннюю пору. При этом непременно должен присутствовать “тайный огонь”, нисходящий с небес. А самому алхимику нужно обладать следующими качествами:

здоровьем, смирением, терпением, чистотой, мудростью, разумом. Он должен много молиться и размышлять.

Все алхимические превращения и операции связаны с планетами и цветами: Меркурий — зеленый, ртуть. Юпитер — черно-белый, олово. Сатурн — черный, свинец. Луна — белый, серебро. Венера — зеленый, синий, багрово-красный, темно-бордовый, медь. Марс — желто-оранжевый, железо. Солнце — чисто-красный, золото. Цикл превращений осуществляется в следующей последовательности: железо—медь—свинец—олово—ртуть—серебро—золото.

Подготовительный этап. На этом этапе осуществляется подготовка материи к алхимическим преобразованиям. Она находится в хаотическом состоянии и рассеяна повсюду в природе. Оставаясь тайной, она знакома всем. Это влага, насыщенная универсальным Флюидом, который выделяется при нагревании из определенной жидкости (утренняя роса). Когда эта жидкость испаряется, остается вещество, именуемое дальней (удаленной от Камня — Ред.) материей или рудой мудрецов. Нагревание должно осуществляться на тайном огне, который представляет собой двойную соль поташа, нитрата и виннокаменной кислоты, полученной из селитры и винного камня в результате воздействия на них тонкой селитры, которая, в свою очередь, путем сложных алхимических превращений получается из тонких элементов росы.

Полученную дальнюю материю следовало превратить в ближнюю следующим образом:

Во-первых, следует разделить серу от дальней материи, то есть разделить Дух от материи. Для этого используется антимоний (сурьма).

Во-вторых, надлежит разделить ртуть от дальней материи, т.е. разделить душу от материи. Для этого служит свинец.

И наконец, выделенные из дальней материи сера и ртуть смешиваются в философском яйце, которое называют

также “домом цыпленка”. В результате такого смешения возникает то, что известно как философский или алхимический брак, соединяющий Короля, одетого в красное, и Королеву в белом.

Этот союз ведет к появлению вещества, называемого “ребис” (“дело двоих”, “двойственная субстанция”), алхимического гермафродита или же тела с двумя головами. Это — мертвое для мира существо. Посвященный, рожденный дважды, воплощаясь на земле, одновременно воспринимает сознание от союза Духа и души. Для того, чтобы получить ближнюю материю, обычно стремятся свести вещества к их предкосмическому состоянию, так как невозможно добиться каких-либо изменений и превращений на основе форм, подвергнувшихся разрушительному воздействию времени. Эти формы должны быть разложены, растворены.

Отваривание материи в философском яйце. Материя “ребис”, полученная в философском яйце, помещалась в атанор. Это слово восходит к арабскому “attanur” — печь и обозначает печь, в которой алхимики готовили свой эликсир.

Обычно этот сосуд изображали в виде башенки с куполообразной крышей-крышкой. Внутри его находился стеклянный резервуар — философское или герметическое яйцо. Вокруг яйца, между ним и стенками внешнего сосуда засыпался песок или пепел, который снизу нагревался пламенем. Настоящий же атанор, предназначенный для Великого Делания — это человеческое тело, являющееся уменьшенным подобием Космоса.

После того, как материя “ребис” оказывалась внутри сосуда, последний герметично закрывался печатью Гермеса, и становился “тюрьмой”, “могилей” или “брачными покаями”. Там философские супруги некоторое время оставались взаперти. При этом пламя под сосудом должно было гореть до самого окончания Делания.

На этом этапе происходят различные явления, именуемые “операциями”, во время коих материя последовательно окрашивается в различные цвета согласно порядку смены следующих процессов:

1. Черный труд: Почернение (Melanosis, почернение кожи, *pigredo*). Сатурническая меланхолия. Кальцинация (превращение в пепел, обугливание жидкости). Разрушение и гниение материальных элементов. Это смерть для мира.

Сознание отделяется от чувств. Все тленное, преходящее покидается, — даже душа, погруженная в чувственный мир. Это уничтожение тела и возрождение Духа.

Символами этого Черного труда являются черный ворон, могила, череп, труп, скелет. Им управляет планета Сатурн. Это ночь Души, когда человек опускается в пучину, в пропасть, познавая все недостойное, что в нем есть.

2. Белый труд: Побеление (*Leucosis, albedo*). Очищение, сублимация. Душа освобождается от шлака презренной материи и предстает во всей своей чистоте. Это возрождение, при котором проявляются зачатки сознания. Душа “питается молоком”, подобно младенцу, которому предстоит духовное взросление.

Духовная сила вышла из тела, из земли, переходя к другим элементам — к воде и воздуху. Повелителем этого труда является планета Юпитер, а символом — лебедь.

Белый и черный труд соответствуют двум фазам алхимического девиза: “*Solve et coagula*” (“Растворяй и осаждай”). Эти названия отражают суть алхимических превращений на данных двух этапах труда, когда тела растворяются, а их летучие духи делаются осязаемыми.

Фаза, соответствующая “*solve*” разрушает и восстанавливает составные элементы, очищая два тела (серу и ртуть философов) в закрытом сосуде.

На фазе “*coagula*” происходит синтез восстановления. Очищенные тела сушатся и восстанавливаются, растворенные под воздействием тайного огня в открытом сосуде.

Т.е. несовершенные сращения души растворяются, разлагаются на составляющие части и вновь кристаллизуются уже в более благородном виде.

3. Красный труд. Покраснение (*iosis, rubedo*). Это сияние Духа, символом которого является Король, выходящий из философского яйца и окруженный светящимися лучами, в короне и красной накидке. В некоторых соборах это сияние изображалось в виде женщины, несущей разделенное на 3 части знамя.

Получению красного цвета предшествуют промежуточные состояния, при которых появляются все оттенки радуги, которые сменяются основными цветами.

Философское яйцо разбивается, и из него извлекается красная материя. Так получают совершенный Философский Камень красного цвета — средоточие начала и конца всех вещей (алхимический азот). Но прежде чем пользоваться им, он должен пройти еще одну стадию подготовки, называемую ферментацией, брожением. Красную массу смешивают с расплавленным золотом, и после специальной обработки ее количество и качество неизвестным нам образом возрастает.

Алхимия: Искусство взаимообмена. Теперь мы можем лучше понять основное кредо алхимика: “Освободить дух посредством материи и освободить материю посредством духа”.

Это двоякое освобождение выражается в существовании великого взаимообмена между самыми плотными и самыми тонкими уровнями. Именно поэтому говорить о материальной или духовной Алхимии — нонсенс.

Любое творение является симбиозом Идеи и Субстанции. Алхимию интересует связь, которая их объединяет. Такая связь может казаться парадоксальной из-за противоположной сути этих двух уровней реальности. Лишь идея взаимообмена может разрешить этот парадокс. “*Solve et coagula*” — один из алхимических девизов, хорошо

иллюстрирующий этот процесс. Растворять и снова осаж-
дать столько раз, сколько необходимо для получения самого
совершенного симбиоза материи и духа — Философского
Камня.

Любое творение, чем бы оно ни было — минералом,
растением, животным или человеком, — может таким
образом стать Философским Камнем.

Мысль и действие. Дух и материя вызывают в человеке
два совершенно различных типа поведения: Мышление и
Действие. Мы мыслим духом и действуем через материю.

Действительно умеем ли мы на самом деле согласо-
вывать все наши поступки с нашими мыслями и делать из
наших действий источник наших новых идей? Каким бы
простым ни оказался этот парадокс, он является ключом к
любому алхимическому труду. Что же надо сделать, чтобы
обрести необходимое устремление, выражающееся поняти-
ем “энергия” и необходимое для преобразования своего
окружения в соответствии с тем идеалом, который мы о
нем имеем?

В наше время, когда орудия труда становятся все более
оторванными от материи (например, информатика),
осуществить идеи становится все сложнее, и мы часто
видим, как Человек отказывается от своих планов, в то
время как отказаться от своих Идеалов ему не так уж
легко.

Однако лишь усилия, направленные на воплощение
наших идей, могут заставить нас глубоко измениться.

Мы являемся плодом нашего собственного творчества.
Изменить вид деятельности значит измениться самим. Это
залог расцвета и в любом случае это лучшее средство
против любого стресса. Отсутствие изменений приводит
к внутренним блокам, огорчениям и разочарованиям.
Человек, разрывающийся между Идеалистической Мыслью
и конкретной действительностью, не находит покоя иначе,
чем замкнувшись в самом себе, а такое состояние, проти-

воположно Любви. Он будет действовать без убеждения и думать, не заботясь о воплощении своей мысли и перед ним дверь, ведущая в святилище алхимической мистерии, неизбежно закрывается.

Как примирить непримиримое? Любой союз можно выразить в понятиях Любви. Взаимодействия между духом и материей относятся к промежуточной плоскости, основной характеристикой которой является аффективность. Любая остановка в движении свидетельствует о блокировке аффективности.

Когда мы, например, парализованы страхом, мы всего лишь аффективно блокированы: находящееся в ментальной области решение, которое могло бы нас спасти (например: если я агрессивен, то буду делать то-то и то-то), не находит выражения в действии. В воображении же можно найти выход из подобных ситуаций. Отчетливое представление того, что нужно сделать для преодоления препятствия, позволит нам "завести мотор" и начать действовать. Во всех культурных традициях взаимоотношение мысли, воображения и действия основывается на представлении о троичной структуре и трехфункциональном разделении мира.

Промежуточный мир. Центр воображения. Вселенная, к которой принадлежит человек, существует благодаря взаимодействию Мысли и Действия в промежуточной сфере, которую мы будем называть Воображаемым.

Мир воображения так же реален, как реальные предметы или Идеи. Без него мы были бы подобны животным, неспособным, например, верить в действие, развивающееся на киноэкране, рассмеяться или расплакаться от незамысловатого образа, наполненного для нас эмоциональным или аффективным содержанием.

Воображаемое — это место разрешения парадоксов и противоречий. Таким образом, оно является не только опасной областью, где обитают привидения, но также и таинственным вневременным садом, настоящим золотым дном, где из неиссякаемого источника энергии черпают энтузиазм наши поступки. Какой человек смог бы прожить без поддержки образов, придающих смысл жизни всему, от мельчайшей песчинки до бесконечности Вселенной? Не в этом ли мире находится реальность человека, реальность актера, играющего роль некоего персонажа на сцене жизни?

Творческое воображение и его место в духовной эволюции. Вернемся к концепции Алхимии как бесконечной циркуляции энергии. Выше мы говорили о струнах нашей души, которые необходимо заставить вибрировать для того, чтобы в вибрации находилось все, что нас окружает. Они являются внутренними образами, квинтэссенцией конкретного мира, делающими, например, из дерева вечный символ оси мира. Являются они также и силой, конденсирующей Идеи в наши Поступки. Если мы способны извлечь из наших поступков энергию, превосходящую затраченную на них, то мы обретаем легкость в полноте бытия. Если же мы будем действовать иначе, то ослабеем, и станем опустошенными и бессильными. Искусство Алхимии способно пробуждать скрытые потенциалы, подобно тому как трансмутация вещества высвобождает дополнительную

энергию. Важно, чтобы эту энергию можно было контролировать, чтобы не стать чем-то наподобие атомной бомбы.

Измениться благодаря энтузиазму поступка, вдохновляющего наше воображение, и собрать эту энергию, чтобы вдохнуть ее в новые действия, — так можно было бы определить суть Царского Искусства. Тогда раскроется и тайна Философского Камня и он предстанет перед нами в виде существа, исполненного циркулирующей энергией и владеющего искусством преобразовывать все, что можно осязать: в минеральном царстве Философский Камень будет преобразовывать свинец в золото; в растительном царстве он ускорит производство эликсиров, а в человеческой области он станет светящимся существом света, способным одним лишь своим присутствием подвинуть сердца людей на поиски своей собственной вершины. Как иначе понимать, средневековое сравнение Христа с Философским Камнем? Как иначе понять то, что некоторые люди смогли повлиять на ход истории не только своего времени, но и целых поколений, последовавших за ними? Итак, мы с полным правом можем сделать вывод, что творческое воображение, место встречи чувственного и умопостигаемого, — является средством нашей собственной трансмутации.

Заключение. Наши читатели смогут задать себе вопрос: как конкретно реализовать в себе Философский Камень, источник духовного развития?

На это можно было бы ответить так: “Спрашивают ли, как любить, когда хотят соединиться с любимым существом?”.

Любовь, центральный ключ Алхимии, становится делом техники только тогда, когда она низводится до уровня эфемерного наслаждения. Когда же все должно быть мобилизовано для того, чтобы она смогла осветить самые глубинные слои естества, она становится реальной преобразующей силой. Между этими противоположностями

находится выбор человека. Если он желает познать то, что для него стало жизненно важным, то дверь алхимической тайны для него откроется. В противном случае, при просто интеллектуальном любопытстве, дверь останется запертой. Вопрос “как сделать?” — является порождением интеллекта, скрывает существование плохо осознаваемого вопроса “почему?”

Тот, у кого не возникает вопрос “почему?”, повсюду будет искать ответ на вопрос “как?” И можно добавить, что, постоянно задавая себе вопрос “как?”, такой человек будет терять все больше возможностей открыть в себе “почему?”. Именно поэтому на протяжении веков для претендентов на изучение тайн природы инициатические школы устраивали суровые испытания, чтобы оценить, сколь необходимы им эти знания, и будут ли они готовы впоследствии к жертвам, которыми сопровождается любая внутренняя трансмутация; будут ли они достаточно осторожны, чтобы уважать знания, носителями и хранителями которых они станут, или же они окажутся лжецами, возгордившимися своими дипломами и не способными почувствовать сострадание к участникам жизненной драмы. Смогут ли они поступать согласно последнему девизу алхимиков: **УМЕТЬ, МОЧЬ, ОСМЕЛИТСЯ и МОЛЧАТЬ...** “

Мирча Элиаде

ARCANA ARTIS

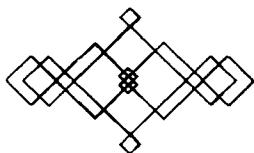
Избранные главы

Перевод А. Мусулина

Печатается по изданию:
Mircea Eliade. *Forgerons et alchimistes*.
Flamarion. Paris. 1977.

Я говорю здесь не о земном Философском Камне, металлы превращающем, но писания мои целят на небесный Магический Камень, превращающий из состояния падения в состояние Славы, в утверждение десятого числа во святая святых.

Джон Пордедж

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ

Темой настоящего исследования является идеология Алхимии и ее техники. Следует сразу же отметить, что Алхимия в истоках своего развития не была эмпирической наукой, не была никакой химией в ее зачатке; она ею стала лишь потом, когда для большинства экспериментаторов своеобразный и богатый духовный мир Алхимии потерял ценность и смысл. Современные историки химии не видят между химией и Алхимией непреодолимой бездны: и та и другая работают с одними и теми же минералами, пользуются одинаковой аппаратурой и производят одни и те же эксперименты. Что касается науковедческих исследований о происхождении технических и естественных наук, то точку зрения историков химии можно понять: химия возникла из Алхимии, или точнее — на развалинах алхимической идеологии. Но с позиций мировоззренческого мышления все выглядело иначе: Алхимия имела статус “священной науки”, а химия появилась лишь после десакрализации субстанции. Значит бездна действительно существует и, на самом деле, это бездна между мышлением на уровне сакральности и мышлением на уровне мирского опыта. Чтобы легче было понять эту разницу, можно обратиться к примеру. Драма (греческая трагедия, драматургия античной Европы и Ближнего Востока) берет свое начало от некоторых сезонных обрядов, как правило, изображающих борьбу двух антагонистических принципов (добра и зла, Бога и змия), страдания Бога, оплакивание его смерти и радость его воскрешения. Гилберт Мюррей показал, что в некоторых трагедиях Еврипида (“Вакханки”, “Ипполит”, “Андромаха”) остались структурные схемы древних обрядовых сценариев. И если драма на самом деле произошла из ритуальных действий, оформилась как

самостоятельный феномен культуры под влиянием сезонных обрядов, тогда имеются основания говорить о сакральном происхождении мирского театра. Но, независимо от этого, качественная разница остается и не стала менее очевидной: обрядовый сценарий принадлежал области священного; он побуждал к религиозному опыту, нес идею заступничества во имя спасения общества, воспринимаемого как целое. С другой стороны, мирская драма, определив свой собственный духовный мир и свою систему ценностей, вызывала ощущения совсем иной природы — эстетические — и стремилась к идеалу чистого совершенства, который, со своей стороны, полностью неведом ценностям религиозного подхода. Между этими уровнями на самом деле существует пропасть, несмотря на то, что сам театр в течение многих веков просуществовал в атмосфере сакральности. Дистанция между тем, кто набожно участвует в священной мистерии литургии и тем, кто эстетически наслаждается красотой постановки и прелестью сопровождающей ее музыки, — неизмерима. Подобно этому, было бы безрассудно оценивать оригинальность Алхимии лишь по ее роли и влиянию на зарождение и победу химии. С точки зрения алхимика, химия представляет “падение” в силу самого факта секуляризации, омирования священного знания. Сказанное не означает защиту Алхимии, что в конце концов было бы парадоксальным, ведь так воспринимать вещи — значит подчиняться самым элементарным методам исследования истории культуры, и ничего более того. Существует только одна возможность понять какой-либо культурный феномен, выходящий за рамки нынешней идеологической концепции, — это определить его “исходную точку”, и уже исходя из нее, изучать все ценности, оттуда вытекающие. И поэтому лишь из перспективы алхимика можем лучше понять его мир и оценить оригинальность этого мира. Этот же метод рекомендуется при изучении всех экзотических культурных феноменов: прежде чем

выносить их на суд, нужно хорошо понять их, сжитья с их идеологией, независимо от способа ее выражения — мифами, символами, обрядами, общественными нормами или правилами поведения.

Ртуть философов или алхимический дракон

АЛХИМИЯ И ИНИЦИАЦИЯ

В этой главе мы не ставим своей задачей изложить исследование принципов и методов работы александрийской, арабской и западной Алхимий. Правду говоря, это слишком большая тема. Читателю, желающему побольше узнать об этом, советуем прочитать классические сочинения, написанные Марселином Бертело и Эдмундом фон Липпманом, а также исследования Юлиуса Руски, Дж.Р. Партингтона, В.Гунделя, А.Дж.Хопкинса, Ф.Шервуд Тейлора, Дж.Рида, В.Ганценмюллера, Р.П. Мультгофа и другие. При этом читателю нужно учитывать тот факт, что упомянутые авторы понимают Алхимию лишь как начальную фазу развития химии. В то же время достаточно и таких работ, где Алхимия понимается как совокупность действий, являющихся одновременно и ритуальными и духовными. Любопытному читателю, желающему узнать эти традиционные взгляды, было бы полезно также прочесть книги таких авторов как Фулканелли, Эжена Канселье, Ю.Эволы, Рене Аллю, Александра фон Бернуса. Они были написаны и напечатаны в последней четверти этого века и исследуют традиционные алхимические доктрины. Психологическое толкование этой тематики дал К.Г.Юнг, и оно представляет отдельную главу в истории Алхимии.

Мы ограничимся кратким описанием некоторых алхимических символов и техник, показав, насколько совпадают они с архаическими символами и ритуалами, связанными с процессами трансмутации материи. Мы думаем, что основные истоки Алхимии нужно искать в представлениях древних о Матери-Земле, о минералах и металлах и, в первую очередь, в опыте древнего человека, приобретенном посредством практической работы по обработке руд, плавке и ковке металлов.

“Овладение материей” началось очень давно, наверное еще в палеолите, то есть тогда, когда человек научился не только изготавливать каменные орудия, но и, пользуясь огнем, совершать превращения материи. Известно, что определенные техники (в первую очередь, земледелие и гончарство) были очень развиты уже во время эпохи неолита. Для людей в те времена они одновременно являлись и мистериями, ибо, с одной стороны, в них отражалась священность Космоса, а с другой — они передавались потомкам посредством инициации (“тайны ремесла”). Таким образом, древний человек, обрабатывая землю или глину, а со временем осваивая работы с рудами и металлами, погружал себя в мир, защищенный сакральностью. Стараться реконструировать полностью все, что происходило в те времена, не имеет смысла, ибо уже давно, особенно под влиянием достижений экспериментальных наук, Космос стал десакрализованым. В силу своего практического подхода к материи современный человек уже не способен ее интегрировать с сакральностью, потому что привык воспринимать материю как “естественный феномен”, хотя благодаря эстетике ему удастся налаживать связь со священным. Чтобы убедиться в том, насколько велика пропасть между древним религиозным опытом и современным видением материи как “естественного феномена”, достаточно представить себе хотя бы обряд причастия, который не ограничивался бы только употреблением хлеба и вина — двух видов материи, — а включал бы в себя и все другие ее виды.

Речь не идет о том, что человек древних сообществ был полностью “погружен в природу”, беспомощен и не мог освободиться от бесчисленных “мистических отождествлений” себя с Природой, иначе говоря, был неспособен к логическому мышлению или полезной деятельности в том смысле, как мы это сегодня понимаем. Напротив, все то, что мы знаем о наших “примитивных”

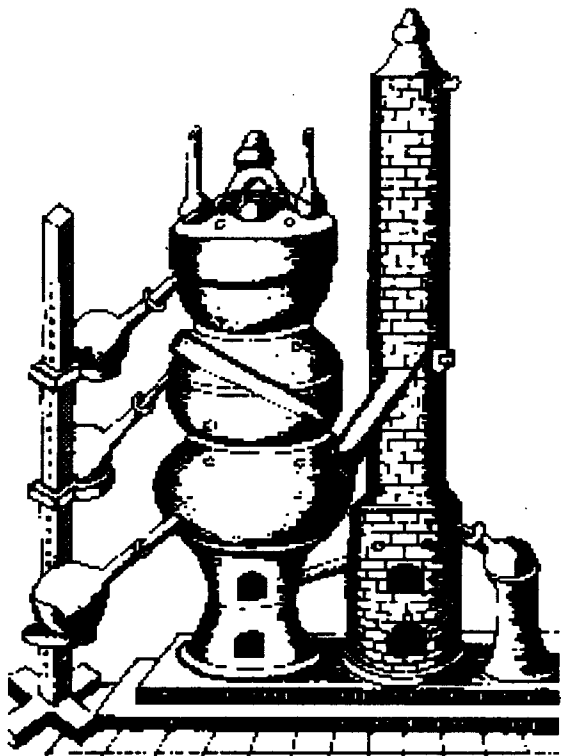
современниках, работает против вышесказанного мнения и произвольных толкований на эту тему. Очевидно, что мышление, в котором преобладает космогоническая символика, дает совсем иное, чем у современного человека, "видение мира", при котором мир воспринимается не только "живым", но и "открытым". Другими словами, любой предмет никогда не является только этим предметом (как обычно он воспринимается современным сознанием), а кроме того он еще и знак или место пребывания чего-то другого, некоторой реальности, превосходящей уровень существования самого предмета. Например, обработанное поле является чем-то большим, чем просто участком земли, оно одновременно является и телом Земли-Матери; лопата воспринимается как фаллос, но при этом не забывается, что она одновременно и орудие труда; вспашка — как механическая работа (исполняемая орудиями, сделанными человеком) и как сексуальное соединение, предшествующее иерогамическому оплодотворению Матери-Земли.

Но даже если мы и неспособны ощутить подобное сакральное восприятие, то все же мы можем постараться понять его влияние на жизнь тех людей, которые были им проникнуты. Если воспринимать Космос как проявление Священного и человека как неотъемлемую его часть, тогда и любой труд будет обладать литургическим значением и ценностью. Отголоски такого восприятия и сегодня, хотя и в скрытом виде, но живут среди сельского населения современной Европы. Важно отметить способность человека древних сообществ посредством своего труда стать посвященным. По древнему мировоззрению человек, как *homo faber* (творец орудия, манипулирующий орудием), благодаря "тайнам ремесел", сохранял и передавал опыт из поколения в поколение. После технических и культурных инноваций, являющихся следствием развития нашей урбанизированной цивилизации, в одном моменте восприятие мира полностью поменялось и началось то, что мы обычно

сейчас называем "историей" в полном смысле этого слова; древнее мировоззрение и опыт, связанные с сакрализацией Космоса, периодически оживлялись посредством инициации

Атанор. Алхимическая печь.

и обрядов передачи определенных ремесел. Примеры инициатической передачи опыта встречаются и сейчас у шахтеров, кузнецов, литейщиков. Древнему же отношению к минеральным веществам и металлам на Западе удалось сохраниться только до средних веков, в то время как в других регионах оно встречается и сейчас.

Насколько глубоко древний человек овладел материей и познал ее, свидетельствуют творения металлургов и

ювелиров древних восточных культур. До нас дошло много старинных рецептов и рекомендаций, особенно по производству сплавов, способов раскрашивания и имитации золота (например, папирусы из Лейдена и Стокгольма, датированные III веком до н.э.). Некоторые из них относятся к XVI веку до н.э. (например, папирус Эберса). В этих рецептах имеются и числа, и количества, а это, по мнению историков, может быть доказательством научности подхода. Несомненно то, что литейщики, кузнецы и ювелиры древнего Востока знали исчисления, необходимые для проведения физико-химических процессов плавления и приготовления сплавов, при этом они умели контролировать эти процессы и управлять ими. Но также необходимо понимать, что для ремесленников эти металлургические и химические процессы были лишь техникой, т.е. наукой в самом строгом значении этого слова. Африканские и азиатские кузнецы, применяющие сегодня аналогичные рецепты и ожидающие определенных результатов, не принимают во внимание только практическую сторону дела, а одновременно воспринимают сами процессы как свершение некоего обряда. Почему же рецепты или напутствия для "раскрашивания металла", которыми пользовались греко-египетские алхимики, должны быть исключением? Такая мысль логична. Никакое ремесло, даже и в поздней антике, не было лишь обычным технологическим действием. Независимо от того факта, что десакрализация Космоса уже набрала размах, и что связь с сакральностью уже может и отсутствовать в самих рецептах, ремесла даже сейчас еще сохраняют свой обрядовый характер.

Из исторических документов видно, что начальный период греко-египетской Алхимии можно разделить на три эпохи:

- 1) эпоху технических рецептов или инструкций;
- 2) философскую эпоху, которую, вероятно, начал Болос из Менды (II век до н.э.) и которая проявилась посредством

сочинения "*Physika kai Mystika*", приписываемого Демокриту;

3) эпоху алхимической литературы в более узком понимании. Сюда входят сочинения Зосима (III—IV век н.э.) и комментаторов (IV—VII век н.э.).

Проблема исторического становления александрийской Алхимии не до конца решена. Внезапное появление многочисленных алхимических текстов в начале христианской эры можно объяснить взаимным влиянием различных эзотерических учений, таких как Мистерии, неопифагорейство, неоорфизм, астрология, заново открытая "Мудрость Востока", гностицизм и т.д., а также различных экзотерических течений, разработанных образованными людьми, интеллигенцией, и популярных "преданий", сохранившихся в тайных ремеслах, магии и древних техниках. Можно упомянуть, что подобное же произошло в Китае с даосизмом и неодаосизмом, а в Индии с тантризмом и хатха-йогой. В странах Средиземного моря такие народные предания с духовными составляющими элементами и древней структурой сохранились до александрийской эпохи. Именно в это время увеличился интерес к "Мудрости Востока", к традиционным знаниям и техникам, особенно к знаниям различных субстанций, драгоценных камней и растений. Эту эпоху хорошо изучили Франц Кумон и Р.П.Фестюжьер.

Каким историческим причинам обязано рождение экспериментальной Алхимии? Наверное никогда не будет получен ответ на этот вопрос. Сомнительно также утверждение, что Алхимия выделилась в самостоятельную дисциплину благодаря рецептам по производству или подделке золота. Эллинистический Восток унаследовал все свои металлургические техники от Месопотамии и Египта. Известно, что уже с XIV века до н.э. в Месопотамии пробовали производить золото. Желание свести Алхимию, которой западный мир был пропитан в течение двух

тысячелетий, всего лишь к труду, вложенному в производство золота, означало бы забыть, насколько глубоко были познания древних о металлах и сплавах. Это означало бы обесценивать их интеллектуальные и духовные способности. Сама трансмутация, как основная цель александрийской Алхимии, с точки зрения древней науки, не могла быть абсурдом, ибо тезис о единстве материи уже тогда был постулатом греческой философии. Также трудно поверить в то, что Алхимия появилась как результат экспериментов, проводимых для проверки истинности этой догмы, то есть для того, чтобы наглядно и экспериментально доказать предполагаемое единство. Тяжело воспринять и вообразить духовную технику и сотериологию, которые бы имели свое начало в философской теории.

Исследуя окружающий мир, греческие ученые придавали большое значение экспериментам и логическим выводам; при чтении же алхимических текстов бросается в глаза поверхностное отношение к физико-химическим процессам, отсутствие интереса к прикладным знаниям. Как это отметил Шервуд Тейлор: "Все те, которые работали с серой, должны были заметить необычные явления, происходящие при плавлении серы, а потом при нагревании полученной жидкости. Но, несмотря на то, что сера упоминается сотни раз, не встречается никаких намеков на ее свойства, кроме тех, которые связаны с ее действием на металлы". Это несколько расходится с духом классической греческой науки и приводит к выводу, что алхимики вообще не интересовались феноменами, выходящими за рамки их интересов и целей. Поэтому мнение об алхимиках, как о людях, стремящихся к обогащению, т.е. простых искателях золота, было бы ошибочным. Этот вывод подтверждается религиозным и мистическим тоном, доминирующим в сочинениях, особенно позднего периода. В них невозможно найти даже следа научности, т.к. алхимики никогда не проводили научных исследований.

Тексты древних алхимиков показывают, что они не были заинтересованы в производстве золота и что они никогда не подразумевали настоящее золото. Как заметил Шервуд Тейлор, химик, желающий повторить работы алхимиков, встретился бы с теми же трудностями, что и каменщик, желающий благодаря какой-то масонской книге получить практические рекомендации для своей работы.

Таким образом, если целью александрийской Алхимии было не производство золота (стремление, известное к тому времени уже двенадцать веков), и если она не возникла из научных исследований (а мы видели, что алхимик не интересовался физико-химическими явлениями как таковыми), то тогда следует искать "происхождение" этой дисциплины *suī generis*, в другом. Более приемлемо предположение, что интерес к искусственным превращениям, то есть к превращениям, проводимым в лаборатории, мог возникнуть из древнего представления о Земле-Матери, содержащей внутри себя минералы-эмбрионы, чем связывать это возникновение с философской теорией о единстве материи. Причиной первых алхимических операций, по всей вероятности, было знакомство с символами, мифами, а также с практическим опытом литейщиков, кузнецов и шахтеров. Решающую роль в развитии Алхимии имело открытие живой субстанции, к которому (как им казалось) ремесленники пришли путем экспериментов. Так появилась концепция о сложной и драматической жизни Материи. Есть основания предполагать, что опыт ремесленников, касающийся драматической жизни Материи, мог быть получен лишь благодаря знакомству с греко-восточными мистериями. Эта концепция алхимиков имела большое значение для классической греческой науки.

Известно, что при посвящениях в Мистерии важным было участие в страданиях, смерти и воскрешении какого-то божества. Мы не знаем всех форм такого участия, но

можем предположить, что при инициации неопиту непосредственно показывали предания о страданиях, смерти и воскрешении божества, независимо от того, что это и раньше было известно ему в форме мифа и исторической легенды. Смыслом и назначением Мистерий была трансформация человека: посредством инициатического переживания смерти и воскрешения неопит менял свой онтологический статус (становился бессмертным).

Итак, драматический сценарий “страдания”, “смерти” и “воскрешения” Материи упоминается уже в ранней греко-египетской алхимической литературе. Согласно этим текстам, трансмутация (*Opus Magnum*), ведущая к Философскому Камню, постигается прохождением материи через четыре фазы, получившие свое название по цвету, в который окрашивались составные компоненты каждой из них: *melanosis* (черный), *leukosis* (белый), *xanthosis* (желтый) и *iosis* (красный). “Черный” цвет (*nigredo* средневековых авторов) символизирует “смерть”, и к этой мистерии алхимиков мы еще вернемся. Также необходимо подчеркнуть, что упоминание о четырех фазах опуса находим уже в сочинении псевдо-Демокрита “*Physika kai Mystika*” (фрагмент сохранился благодаря Зосиму, упоминается в первом алхимическом тексте II—I века до н.э.). Во всей арабской и западной истории Алхимии, с ее бесчисленными вариациями, проведение операций опуса всегда имело четыре (иногда пять) фазы (*nigredo*, *albego*, *sigrinitas*, *rubedo*, иногда с пятой *viriditas*, или *cauda pavonis*).

Из текстов в дальнейшем выходит, что мистическая драма божества — его “страдания, смерть и воскрешение” — проецируется на материю с целью ее трансмутации. Короче, алхимик третировал материю подобно тому, как в Мистериях третировалось божество: минеральные вещества “страдают”, “умирают” и “воскрешаются”, переходя таким образом на новый уровень существования, то есть они трансмутируют. В этом смысле кажется интерес-

ным текст Зосима (*“Трактат об умениях”*, III, 1, 2—3), на который ссылается К.Г. Юнг и где известный алхимик рассказывает о видении, полученном им во сне: человек по имени Ион сказал ему, что он был пронзен мечом, разделен на части, что ему отсекали голову и сняли всю кожу с тела, а потом он сгорел в огне, и все это он выстрадал, чтобы “свое тело мог превратить в дух”. Проснувшись, Зосим задает себе вопрос, относится ли все это к алхимическому процессу соединения с Водой, то есть не представляем ли мы сами Воду. К.Г. Юнг объясняет, что эта Вода алхимиков есть *Aqua regnans*, а “страдания” в Огне соответствуют алхимической процедуре *separatio*.

Добавим, что рассказ Зосима напоминает не только миф о разделенном на куски теле Диониса или миф о других “умирающих богах” Мистерий (страдания которых можно сравнить со стадиями жизненного цикла растений, особенно с мучением, смертью и воскрешением “Души пшеницы”); не только содержит элементы, удивительно схожие с инициатическими видениями шаманов и, в общем, с основной схемой всех древних инициаций. Как известно, каждая инициация предполагает ряд обрядовых испытаний, символизирующих смерть и воскрешение неопита. В случае шаманской инициации эти испытания, хотя и совершаются в “другом состоянии”, часто жестоки: будущий шаман в состоянии галлюцинации видит разделение своего тела на части, отсекаание головы и свою собственную смерть. Имея в виду универсальность этой инициатической схемы и, с другой стороны, взаимную связь металлургов, кузнецов и шаманов, предполагается вероятность существования внутри древних братств металлургов и кузнецов Средиземноморья подобных Мистерий, относящихся к их роду деятельности. Тогда видение Зосима мы можем отнести к духовному миру, в который мы попытались проникнуть и определить его. Новизна, введенная алхимиками, заключается в том, что они проецировали инициатические

страдания на Материю. Во время алхимических процедур, однородных по своему содержанию с мучением, смертью и воскрешением неопита, субстанция трансформируется и достигает уровня трансцендентного существования — превращается в “Золото”. А золото, повторяем, — это символ бессмертия. В Египте считалось, что тела богов — из золота. Становясь богом, фараон приобретал золотое тело. Алхимическая трансформация субстанции равноценна ее спасению.

Мы видели, что минералы, руды и металлы считались живыми организмами. В этой книге говорится о них как об эмбрионах, об их рождении и росте; речь идет даже об их браках. Греко-восточные алхимики усвоили и возвратили значение и смысл этим древним верованиям. Алхимическая процедура соединения серы и ртути почти всегда обозначается словом “брак”. Но этот брак — также и мистическое соединение двух космогонических принципов. В том и заключена новизна подхода алхимиков. Жизнь Материи уже не ограничивается лишь иерофанической “вitalностью” (как материю понимали в древности), а она получает новое, духовное измерение. Другими словами, участвуя в драме и страданиях, Материя приобретает и способность разделять судьбу Духа. “Инициатические испытания”, которые на уровне Духа означают стремление к свободе, познанию и бессмертию, на уровне материи ведут к трансмутации, к Философскому Камню.

В сочинении “*Turba Philosophorum*” ясно высказано духовное значение “мучения” металла: “*Eo quod cruciata res, cum in corpore submergitur, vertit ipsum in naturam inalterabilem ac indelebilem*”. Руска считает, что у греческих алхимиков выражение “мучения” относится не столько к реальным процедурам, сколько имеет символическое значение. Лишь у арабских авторов алхимические операции начинают называть “мучением”. В сочинении “*Testament*” Джафара Садика можно прочесть, что мертвые тела нужно

подвергнуть мучению Огнем и всем видам Страдания, чтобы они смогли воскреснуть, ибо без страдания и смерти нельзя приобрести жизнь вечную. Результатом “Мучения” является всегда “Смерть” — *mortificatio, putrefactio, nigredo*. Надежда на воскрешение и переход на уровень трансцендентального существования тщетна без прохождения этапа “смерти”. Другими словами, без предшествующей смерти нет надежды на достижение трансмутации. Алхимическая символика мучения и смерти иногда имеет два значения: процедура относится и к человеку, и к минеральной субстанции. В сочинении “*Allegoriae super Librum Turbae*” говорится: “Поймай человека, побрей его и тащи по камню... до того момента, пока его тело не умрет (*accipe hominem, tonde eum, et trahe super lapidem... donec corpus eus moriatur*)”. Весь *opus alchymicum* проникнут этой символикой. Итак, очень важно ее правильно понимать.

ARCANA ARTIS *

В Алхимии, на операционном уровне, “смерть”, в общем, совпадает с черным цветом, в который окрашиваются составные части соединения или смеси в течение реакции. “Смерть” соответствует фазе “нигрето”. “Смерть” означает редукцию веществ, их доведение до состояния первичной материи, конфузной массы (*materia prima, massa confusa*), значит до жидкого бесформенного состояния, что на космическом уровне соответствует изначальной ситуации, Хаосу. Следовательно, под смертью понимают регрессию, возвращение в аморфность и погружение в состояние Хаоса. В связи с этим и символика Воды играет такую значительную роль. Одна из алхимических максим звучала: “Не проводи никакую операцию, прежде чем не превратишь все в Воду”. На операционном уровне это соответствует растворению очищенного золота в *aqua regia*. Кирхвегер, как полагают, автор сочинения “*Aurea Catena Homeri*” (1723) — книги, которая, кстати сказать, оказала сильное влияние на молодого Гете — пишет: “Бесспорно, что все Сущее вначале было водой, из Воды все вышло и Водой все будет уничтожено”. Алхимическое возвращение вещества в жидкое состояние космологически соответствует возврату материи в первичное, хаотичное состояние, а в инициатических обрядах символизирует “смерть” посвящаемого.

Алхимик мог произвести операцию растворения или диссолюции, поместив субстанцию в ртутную ванну. Как пишет Старкей: “Главный фундамент, на котором основана возможность трансмутации — это способность металлов и руд, содержащих металлы, восстанавливаться до своей изначальной материи, Ртути”. В одном трактате, припи-

---

* Тайны Искусства (лат.).

сываемом Альфонсу, королю Португалии, ясно говорится: “Наше растворение — это на самом деле действие, посредством которого предмет вновь возвращается во влажность... Первым его результатом является сведение предмета до состояния Воды, то есть Ртути”. Это и есть то, что Философы называют растворением, и оно — основа всего алхимического “Делания”. Согласно некоторым авторам, главной операцией в алхимическом Делании является растворение, а по свидетельству других — кальцинация, или доведение вещества до аморфного состояния посредством огня. Независимо от того, кто из них прав, результат один и тот же: “смерть”.

Эта алхимическое сведение вещества до состояния изначальной материи, *materia prima*, допускает бесчисленные интерпретации и обобщения, касающиеся утробного периода, и известна как *regressus ad uterum*. Так например, в кодексе, который изучал Карбонелли, упоминается символизм семени. Среди прочего там говорится: “Прежде чем золото ввести в опус, его нужно свести к сперме”. И далее: *vas mirabile* — это сосуд, в котором, как утверждает Мария-Еврейка (“Пророчица”), сокрыта вся алхимическая тайна, и он есть не что иное, как “один тип матки или чрева, из которого появится *filius philosophorum*, Чудотворный Камень” (К.Г.Юнг “Психология и Алхимия”). А Дорн пишет: “В этом сосуде совершается таинство, подобное тому, что производит Бог в сосуде божественного творения”. Или, по Парацельсу, “желающий войти в Царство Божье вначале должен телом своим войти в мать свою и там умереть”. И снова по Парацельсу: “Все должны войти в свою мать”, которая есть *prima materia*, *massa confusa*, *abyssus*, дабы приобрести вечность. По высказываниям Джона Пордеджа, Купель Марии — это место, *matrix* и центр, откуда происходит божественная тинктура и берет свое начало”. В стихах, приложенных к сочинению “*Opus Mago-Cabbalisticum et Theosophicum*” (1735) Георга фон

Веллинга можно прочитать: “Не могу постичь Царства Небесного, не родившись во второй раз. Подобного возрождения ради жажду вернуться во чрево матери своей и сего достигну вскоре”. *Regressus ad uterum* описывают иногда как инцест с матерью. Михаил Мейер говорит, что “Дельфинас”, анонимный философ, в своем сочинении “*Secretus Maximus*” рассказывает о Матери, которой из естественной потребности надо соединиться со своим сыном” (“*cum filio ex necessitate naturae conjungenda*”). Понятно что “Мать” во всевозможных подобных контекстах символизирует Природу в ее изначальном состоянии. Она — это *prima materia* алхимиков, а под возвращением к Матери понимается тот духовный опыт, который сравним с любой другой проекцией во вневременность, другими словами, выражает реинтеграцию, возвращение в изначальное состояние. Схожий смысл имеет и алхимическое растворение в изначальной материи — *materia prima*, — символизируемое сексуальным соединением, завершающимся растворением в матке. Так в сочинении “*Rosarium Philosophorum*” можем прочитать: “И Бея поднялась над Габрикусом и поглотила в свою матку так, что его вообще не было видно. С такой любовью она его обняла и впитала в свою природу...” (“*Nam Beia ascendit super Gabricum, et includit eum in suo utero, quod nil penitus videri potest de eo. Tantoque amore amplexata est Gabricum quod ipsum totum in sui naturam concepit*”...). Подобный символизм дает возможность бесчисленных толкований и обобщений. Купель Марии — это не только “матка божественной тинктуры”, но она также может быть истолкована и как чрево, из которого родился Иисус. Отсюда заключаем, что воплощение Всевышнего в адепте может начаться с того момента, когда алхимические вещества в Купели Марии начнут плавиться и, тем самым, возвращаться в изначальное состояние. Таким образом, рассматриваемый феномен имеет аналогию как с рождением, так и со смертью Христовой.

Несмотря на различие исходных взглядов, Ю.Эвола и К.Г.Юнг согласны в трактовке символики инициатической Смерти, символики, описываемой терминами *pigredo*, *putrefactio*, *dissolutio*. Следует добавить, что и растворение и реинтеграция хаоса представляют операцию, имеющую, независимо от контекста, два взаимодополняющих смысловых значения — космологическое и инициатическое. Каждая “смерть” понимается как возвращение одновременно и в Космическую ночь, и в докосмический Хаос. Как известно, образным понятием тьмы часто выражается разложение Форм, возвращение в семенное состояние существования. Каждое “творение”, каждое явление Формы или, в каком-то другом контексте, каждый выход на трансцендентный уровень выражается посредством определенного космологического символа. Значит, как уже неоднократно подчеркивалось, каждое рождение, каждое создание, каждое творение духовной категории имеет всегда одну и ту же модель — космогонию. Такой подход позволяет также объяснить, почему обрядовое декламирование космогонического мифа во всех столь отличающихся друг от друга культурах не происходит лишь на Новый год (когда символически воспроизводится таинство сотворения мира) или в день коронации, свадьбы, войны и др., но также и в тех случаях, когда надо было спасти урожай или одолеть какую-либо напасть. Глубокий смысл всех этих обрядов теперь нам покажется понятным: дабы нечто сделать досконально или чтобы упрочить жизненную целостность, которой угрожает болезнь, вначале нужно вернуться *ad originem*, а затем воспроизвести космогонию. И инициатическая смерть и мистическая тьма имеют свое космологическое значение: они воссоздают изначальное зародышевое состояние материи. Воскрешение же, в свою очередь, соответствует космической креации. Если выразиться современной терминологией, инициатическая смерть аннулирует Мироздание и Историю, уносит все несчастья и

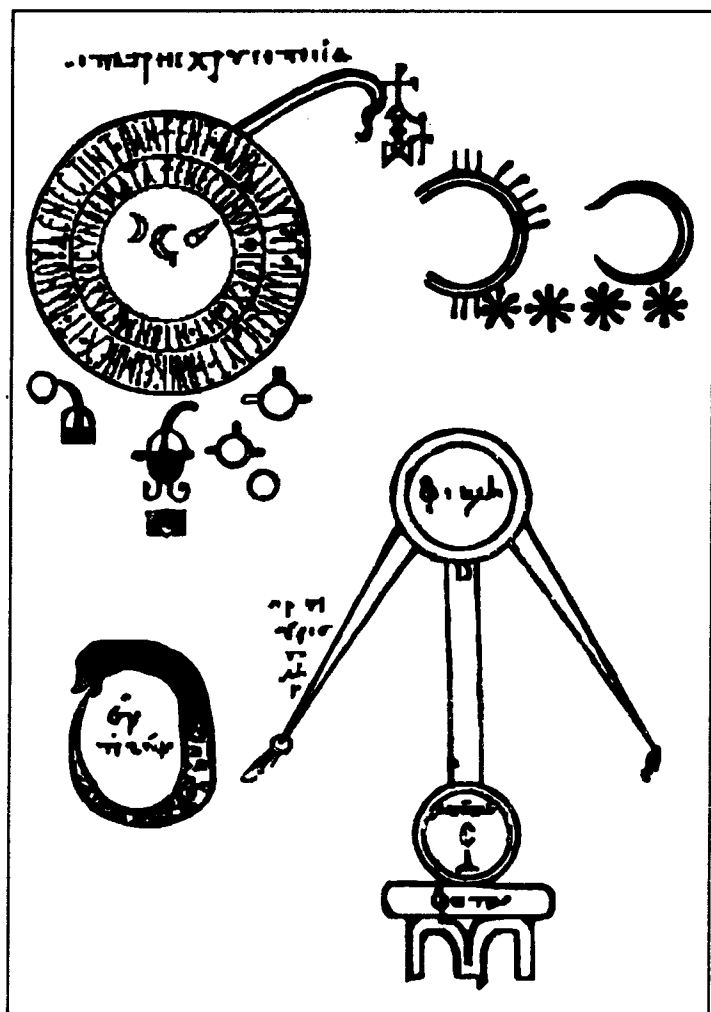
избавляет от греха, то есть полностью освобождает от всех крушений, которым может быть подвергнуто человеческое существование* .

В этом смысле алхимик не придумал ничего нового: в поиске изначальной материи он преследовал цель восстановить субстанцию до ее докосмического состояния. Он хорошо знал, что трансмутации не получится, если исходным материалом для процесса являются “формы”, испытавшие уже влияние Времени, то есть использовавшиеся ранее или частично израсходованные. Вначале надо эти “формы” растворить. Растворение в инициатическом контексте означало, что посвященный умер в своем грешном, тленном, мирском существовании. Итак, опираясь на историю религий и на цитируемые нами алхимические трактаты, можем сделать вывод, что Космическая ночь традиционно отождествлялась со Смертью (тьмой) и одновременно с возвращением *ad uterum*. Западные алхимики дополнили свою символику христианской теологией, и в этом смысле смерть материи была сакрализована смертью Христа, которая ей обеспечила также спасение. К.Г.Юнг прекрасно подметил и указал на символизм “Христос — Философский Камень” и подчеркнул теологический характер такой параллели.

Очень важно правильно понять основы, на которые опирается труд алхимика. Вне всякого сомнения, александрийские алхимики, стремясь с самого начала своего Делания осознанно усовершенствовать материю, прежде всего ведут поиск и работают над собственным совершенствованием. В книге “*Liber Platonis quartorum*” (ее арабский оригинал относится самое позднее к X веку) подчеркивается особая важность параллельного развития *opus alchymicum* и внутренних переживаний адепта. А именно: “Делание можно довести до совершенства посред-

---

*смотри: M.Eliade. *Naissances mystiques* , Paris, 1969.

"Хризопея" Клеопатры VII

ством ему же подобных вещей и в этом смысле совершающий Делание должен быть и сам объектом Делания" (*"oportet operatore m interesse operi"*). Тот же текст рекомендует использовать в качестве сосуда для трансформации заднюю часть черепа, ибо череп — носитель мысли и интеллекта (*os capitis ...vas mansionis cogitationis et intellectus*). И сам адепт должен при этом превратиться в Философский Камень. Как пишет Дорн: "Превратитесь из мертвых камней в живые камни мудрецов" (*"transmutemini de lapidibus mortuis in vivas lapides philosophicos"*). Мориен обращается к королю Калиду со следующими словами: "Эта субстанция (скрывающая божественную тайну) из вас выделена, и вы — ее руда (сырой материал): они (адепты) внутри вас, и, чтобы было понятно, они ее из вас же и берут". В свою очередь, об операции альбеда (в некоторых текстах она считается первой герметической трансформацией, а именно свинца или меди в серебро) Рихтел пишет: "Этим возобновлением мы не только приобретаем новую душу, но и новое тело... Оно происходит от Слова Божьего, вернее, небесной Мудрости... Это тело — духовно, тоньше воздуха, подобно лучам Солнца пронизывает все тела, и настолько же отлично от старого тела, насколько Солнце, сияющее с Востока, отлично от мрачной Земли. Правда, оно остается в старом теле, которое его не может понять, а лишь иногда может почувствовать".

Короче говоря, западный алхимик, так же как и его коллега китаец или индеец, в своей лаборатории работает над самим собой, воздействует на свое психофизиологическое бытие, и свое нравственное и духовное состояние. Большинство алхимических текстов согласны между собой в отношении тех качеств и добродетелей, которыми должен обладать алхимик: он должен быть здоровым, скромным, терпеливым, чистым; его мысли должны быть свободными и согласованными с его делами; он должен быть умным и

образованным, должен уметь одновременно и работать, и думать, и молиться. Из всего этого видно, что алхимический труд не мыслится лишь как лабораторные операции. Алхимик предается целиком и полностью своей работе. Но его доблести и добродетели не следует понимать лишь в узком моральном аспекте. Эти качества и добродетели у алхимика играют ту же роль, какую у тантрического *sadhana* или адепта, готовящегося к инициации в Мистерии, играют терпение, рассудительность, твердость характера и т.п. Это говорит о том, что никакие добродетели и никакая ученость сами по себе не могут заменить инициатический опыт, ибо лишь он может помочь преодолеть пропасть, отделяющую самого алхимика от того уровня, на котором происходит алхимическая трансформация.

Сразу можно сказать, что истинная природа основного и решающего алхимического эксперимента — такого, который привел бы к получению Философского Камня или Эликсира — не известна. В алхимической литературе, порой излишне обширной во всем, что касается вводных и побочных деталей опуса, мы находим лишь скрытые, как правило, завуалированные намеки на *mysterium magnum*. Между тем, если согласиться с выводами, вытекающими из рассуждений о родстве и взаимосвязи между минеральной символикой, металлургическими обрядами, магией огня и верованиями в искусственную трансмутацию металла в золото посредством действий, заменяющих работу Природы и Времени; и если, кроме того, принять во внимание тесную связь между Китайской Алхимией и неодаосскими техниками, а также между индийской Алхимией и тантризмом; и если наконец допустить, что Александрийские алхимики — что наиболее вероятно — проецировали инициатический театр Мистерий на минеральные вещества, то тогда мы сможем проникнуть в природу алхимического эксперимента. Примером для сопоставления может послужить индийский алхимик. Он

работает с минеральными веществами, чтобы очиститься и пробудиться, другими словами, чтобы стать властелином божественной мощи, покоящейся в спящем состоянии в нем самом. С другой стороны, западный алхимик, “убивая” вещество, чтобы свести его до изначальной материи, желает, вероятно, чтобы между “патетическим состоянием субстанции и наиболее сокровенной частью” его существа развилась симпатия (*sympatheia*). Другими словами, он подходит к инициатическому опыту, который постепенно, с продвижением опуса, преобразует его в другую личность, схожую с той, которой достигает адепт, успешно пройдя обряд инициатического страдания. Участие западного алхимика в отдельных фазах опуса таково, что, например, прохождение фазы *nigredo* можно сравнить с опытом неопита в инициатической церемонии, когда он ощущает себя “проглоченным” чудовищем, или “погребенным”, или символически “убитым” Масками или Церемониймейстером инициации.

Очень трудно на нескольких страницах описать алхимический опус, трудно, потому что разные авторы не всегда согласны между собой по части порядка выполнения алхимических операций. Интересно отметить, что *coniunctio* и смерть, которая следует за ней, описываются иногда словом *hierosgamos* (“священный брак”), которое означает соединение двух принципов — Солнца и Луны, Короля и Королевы — в ртутной купели и их смерть (это соответствует *nigredo*). “Душа” покидает их, чтобы потом вернуться и дать жизнь новому существу. Это двуполое существо, Ребис (*filius philosophorum*), оповещает о том, что вскоре будет получен Философский Камень. Такая очередность операций предлагается в книге “*Rosarium Philosophorum*”, иллюстрируемой рядом гравюр, толкованию которых К.Г.Юнг посвятил большую часть своей книги “*Psychologie der Ubertragung*”. Необходимо подчеркнуть важное значение, которое придавали алхимики “ужасным” и “зловещим”

переживаниям “сумрачности” духовной смерти — нисхождению в Ад. Об этом много пишется в различных текстах, которые могут отчасти нам помочь разобраться во вдохновленном Алхимией искусстве иконографии, где переживания такого типа выражаются сатурнианской символикой, меланхолией, созерцанием черепа и т.п. Образ Кроноса-Сатурна символизирует Великого разрушителя, означает Время, а вместе с ним и смерть (*putrefactio*) и новое рождение. Сатурн — символ Времени — часто изображается с весами в руках, символизм которых занимает важное место и в герметизме и в Алхимии. Знаменитый Гебер (Джабир ибн Гайан) написал, между прочим, и *“Книгу о Весах”*. Не следует ли в этой власти над Весами, которая сделала алхимиков всезнающими и всеведущими, в этом сходстве с действием Времени (*putrefactio*, смерть, уничтожающая *omne genus et formam*), в этой “мудрости”, открывшейся лишь тому, кто, хотя и исполнен жизни, принял опыт смерти; не следует ли в этом искать объяснение знаменитой “сатурнианской меланхолии” знахарей и алхимиков. Как бы то ни было, не стоит забывать, что акростих, составленный Василием Валентином словом *vitriol*, также подчеркивает неодолимую потребность в *descensus ad inferos*, в нисхождении в ад: *Visita Interiora Terrae Rectificando Invenies Occultum Lapidem* (Посети недра земные и, очистившись, найдешь тайный Камень).

За фазой *nigredo* следует фаза “беления”, *leukosis*, *albedo*. В духовном плане она, скорее всего, соответствует “воскрешению” и проявляется наступлением особенных состояний, непостижимых в обычных условиях. (На операционном уровне *albedo* — это феномен коагуляции, сворачивания, следующий за начальной фазой *putrefactio* (очищения). В течение последующих двух фаз *citritas* и *rubeo*, являющихся вершиной алхимического процесса и ведущих к получению Философского Камня, происходит

дальнейшее развитие и укрепление новоприобретенного инициатического состояния сознания.

Мы должны подчеркнуть парадоксальную ситуацию, связанную с описанием начала и конца алхимического опуса — авторы начинают с первичной материи (*materia prima*), чтобы в итоге получить Философский Камень. Они избегают детального описания и той и другой субстанции, хотя широко распространяются об этом. Так например, используется много синонимов для обозначения понятия *materia prima*. "Алхимический лексикон" Мартина Руланда (Франкфурт, 1612 г.) перечисляет таких синонимов более пятидесяти, причем это далеко не полный перечень. Однако истинная природа этого понятия нигде окончательно не определена. Захарий писал, что не будет обманут ни тот, кто будет считать "нашу материю" духовной, ни тот, кто будет считать ее телесной: либо называя ее небесной — "а это ее настоящее имя" — либо называя ее земной. Все это будет в одинаковой мере правильно и в отношении изложенного, как замечает Ю.Эвола, речь идет не о каком-то философском понятии, а о символе. Хочется сказать, что алхимик понимает Природу *sub specie interioritatis*. Отсюда и такое большое количество терминов, которыми алхимики обозначали *materia prima*. Некоторые алхимики отождествляли ее с ртутью, серой или свинцом; другие — с водой, солью, огнем; а некоторые — с землей, кровью, водой молодости, небом, матерью, луной, драконом, Венерой или Хаосом; а некоторые даже с Философским Камнем и Богом. *Materia prima* находится повсюду. Ей свойственна та же вездесущность, что и Философскому Камню. Даже когда получение Камня описывается как осуществление некоторой непостижимой операции (да будет известно, что она является очень долгим процессом, *longissima via*, предупреждает "*Rosarium*"), его отличает вместе с тем удивительная доступность; т.е. он находится повсеместно. Рипли (1415—1490) пишет: "Философы говорят,

что птицы и рыбы нам приносят Камень, каждый человек им обладает, он находится повсюду — и в вас и во мне, в каждом предмете, во времени и пространстве. Он нам раскрывается в невзрачном образе (*vili figura*). А из

Аллегория разложения.

него истекает наша aqua regmanens” Согласно одному тексту, изданному в 1526 г. в *"Gloria Mundi"*, “Камень близок всем людям, молодым и старым; его можно обнаружить на поле, в селе и в городе и во всех Богом сотворенных вещах, тем не менее все его презирают. Богатые и бедные каждый день сталкиваются с ним. Слуги выбрасывают его на улицу. Дети играют с ним. Но, несмотря на это, никто его не ценит, хотя он — самая драгоценная и чудесная вещь на Земле после человеческой души и обладает мощью сокрушать Королей и Принцев. При всех этих достоинствах его все же считают самой никчемной и убогой из всех вещей на земле...” Помимо богатой символики, относящейся к Камню, добавим, что

тема повсеместности и универсальности Философского Камня (*Lapis Philosophorum*) является фундаментальной во всей алхимической литературе. В книге с названием "*Имена Философского Камня*", появившейся в 1652 году в Лондоне, приведено более 170 названий Камня и среди них — Молоко Девы, тень Солнца, сухая вода, слюна Луны и т.п. В своем "*Мифологическо-герметическом словаре*" (Париж, 1787г.) Пернети приводит неполный список, включающий 600 имен, написанных в алфавитном порядке. В одном из абзацев, приписываемых Зосиму, говорится так: "Это Камень, который и не является камнем, драгоценность, но не имеющая цены; предмет с бесчисленными обличьями, но без облика; незнакомец, которого все знают". Но, как пишет Керцелянус (цитата из "*Rosarium Philosophorum*"), "лишь осведомленный о способе получения Философского Камня понимает слова, описывающие его". "*Rosarium*", по отношению к процессу изготовления Камня, предупреждает, что "Знания эти должны передаваться скрытно (*"talis materia debet tradi mystica"*), иносказательно, как это делается в поэзии баснями. Если верить некоторым авторам, даже существовала присяга о неразглашении тайны посредством книг".

В тексте упомянутого "*Rosarium*" намечается на "тайный язык", встречающийся у шаманов древних обществ и у мистиков исторических религий. "Тайный язык" является средством выражения и передачи опыта, который невозможно передать посредством повседневной речи. И он одновременно является средством тайной коммуникации, осуществляемой посредством сокровенных символов. Следует заметить, однако, что парадоксальность, появляющаяся в совместимости понимания одновременно вездесущности и недоступности Философского Камня, напоминает в какой-то мере диалектику понятия священного. Иерофания* самим фактом проявления священного меняет

* Общение со священным (лат.)

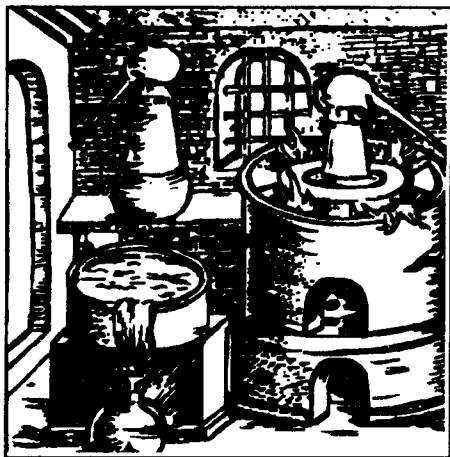

онтологический статус объекта: обычный и незначительный предмет, вроде камня, дерева или источника, с момента, когда начинает воплощать священное, приобретает бесценную значимость в глазах участника религиозного опыта, о котором идет речь. Состояние, в котором находится алхимик, постигший благодаря Философскому Камню совсем иной уровень духовной реальности, можно в той или иной мере сопоставить с опытом, пережитым homo religiosus, который посредством иерофании сопричастен трансмутации Космоса. Парадоксальность иерофании заключается в том, что она, наделяя священностью, воплощает ее в каком-то “недостойном, обычном предмете”. Другими словами, она нарушает установленный на определенном уровне порядок. Тот же парадокс касается и Философского Камня: в глазах обычных людей он остается обыденным — и дети с ним играют, и слуги бросают на улицу. Он — везде, а вместе с тем до него тяжелее всего дойти.

Алхимический и магико-религиозный опыт имеют общие и схожие черты. Тот факт, что западные алхимики пользовались религиозным лексиконом в своей работе, не обязательно объясняется лишь осторожностью и боязнью церковной цензуры. *Opus alchymicum* имел глубокие аналогии с мистической жизнью. Георг фон Веллинг пишет, что “наше намерение не обучать производству золота, а нечто гораздо более возвышенное: познать и изведать Природу как Божие Творение, а Бога видеть в Природе”. Освальд Кролл, ученик Парацельса, утверждает, что алхимики — “люди святые, которые силой своего обожествленного духа отведали первые плоды Воскрешения еще в течение своей жизни и предчувствовали блаженство Царства Небесного”. Для многих алхимиков получение Философского Камня было равноценно познанию совершенства Божьего. Благодаря этому, между прочим, Камень дает возможность отождествления противоположностей. И Василий Валентин говорит: “Зло должно стать тем же,

что и добро". Старкей описывает Камень как "объединителя противоположностей, примирителя Врагов". В этих утверждениях узнаем древнюю и универсальную символику, известную как *coincidentia oppositorum*, встречающуюся еще

Алхимический процесс дистилляции.

на начальных этапах развития Культуры и служившую для определения фундаментальной реальности, т.е. прапричины, *Urgund*, а также и парадоксального статуса всеобщности, совершенства, а значит одновременно и для определения Священного и Бога.

Между тем, основная мощь Камня заключается в его способности превращать обычные металлы в золото. Как это говорит Арнольд из Виллановы, "в Природе существует некое чистое вещество, которое, будучи найденным, само по себе способно усовершенствовать все несовершенные вещества, к каким бы ни прикоснулось". Как не узнать в этом и ныне живущую древнюю идею о Камне или Эликсире, которые дополняют и завершают дело Природы. Священник Симон де Колонья пишет в "*Speculum minis alchimiae*": "Это искусство учит нас готовить лекарство, называемое Эликсиром. Если полить им несовершенные

металлы, он их сделает совершенными и для этого его и произвели". А в алхимическом "Кодексе", который изучал Карбонелий, сказано: "Если бы Природа лучше пользовалась этой материей в чреве Земли и если бы не смешала ее с грязью, тогда она была Солнцем Святым и Луною". Идея о том, что Камень убыстряет ритм времени всех организмов и ускоряет рост, встречается и в сочинении "Практика", автором которого является Раймонд Луллий: "Весной Камень своей силой и чудесным теплом приносит растению жизнь; если Камень величиной с зерно растворишь в воде и если этой воды возьмешь лишь столько, чтобы наполнить скорлупу лесного ореха, и польешь ею лозу, то она в мае даст зрелый урожай". Терапевтическое воздействие Камня впервые описали арабы и именно благодаря арабской Алхимии понятие "Эликсира Жизни" пришло на Запад. Роджер Бэкон в сочинении "*Opus Majus*", даже ни разу не упоминая выражение Камень или Эликсир, говорит о некоем "лекарстве, которое действует так, что из самого обычного металла исчезает вся грязь и испорченность. Оно может убрать всю нечистоту тела и препятствовать его дряхлению, так что оно продолжает жить веками". Как говорит Арнольд из Виллановы: "Философский Камень лечит все болезни... В течение одного дня он может излечить болезнь, которая лечится месяц, за двенадцать дней болезнь, которая лечится год, а за месяц ту, которая требовала бы еще большего времени. Старикам же он возвращает Молодость." Алхимическое понятие Эликсира, дошедшее на Запад благодаря арабским писателям, заменило миф о чудесном растении или о напитке бессмертия, миф, который с давних пор встречается в сказаниях индоевропейских народов, в древности которого не может быть сомнений. Таким образом, Эликсир явился новизной для Запада только в силу того, что он отождествлялся с алхимическим опусом и Философским Камнем.

Отметим, что, как и следовало ожидать, в представлении о Камне интегрировались все древние магические верования. Так утверждалось, что носящий с собой Камень неуязвим, а в книге "*Livre de la Tres Sainte Trinite*" читаем: "Если Камень держать в руке, он подарит невидимость. Если Камень зашить в кусок тонкого полотна и это полотно обмотать вокруг тела так, чтобы Камень был прижат к телу, то человек получает возможность взлетать так высоко, как он этого захочет. А чтобы приземлиться, достаточно чуть-чуть ослабить полотно".

Во всем этом можно узнать известные сиддхи индийских йогов и алхимиков — невидимость, левитация, магический полет. Йога, так же как и весь шаманизм, включает эти сиддхи в "чудотворные" способности, причисляя к ним и "владычество над огнем". Но из этого не стоит делать вывод, что успехи европейских знахарей и алхимиков имеют восточное происхождение. Чудеса факирского типа были знакомы в Европе и развивались, вероятно, на базе местной магической традиции. Как и в случае эликсира (*elixir vitae*), Алхимия и здесь заняла место некоторых очень древних верований, корни которых идут глубоко в праисторию.

Карл Густав Юнг

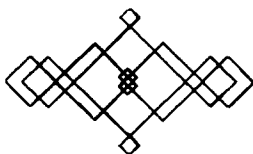
ВВЕДЕНИЕ В
РЕЛИГИОЗНО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ
ПРОБЛЕМАТИКУ
АЛХИМИИ

Перевод В.М.Бакусева

Печатается по изданию:
К.Г.Юнг. *Архетип и символ*.
Издательство "Ренесанс", СП "ИВО-С и Д".
Москва. 1991 г.

Кто разрешит нам, что тайна от века?
В чем состоит существо человека,
Как он приходит, куда он идет,
Кто там вверху над звездами живет?

Гейне

Calamum quassatum non conteret,
et linum fumigans non exstinguet.
Profetia Isaiae, XLII, 3 ¹

Что касается содержания нижеследующих исследований, то для знатока комплексной психологии вступительные замечания, вероятно, излишни. Но для читателя-неспециалиста, который приступает к этому чтению неподготовленным, пожалуй, нужны некоторые вводные пояснения. Понятие “процесс индивидуации”, с одной стороны, и Алхимия — с другой, суть вещи, которые, кажется, настолько далеки друг от друга, что фантазии поначалу представляется невозможным вообразить связывающие их мосты. Такому читателю я чувствую себя обязанным дать разъяснение, в особенности потому, что в связи с публикацией моих лекций у меня есть некоторый опыт, заставляющий думать об известной беспомощности моих критиков.

То, что мне приходилось высказывать о сущности человеческой души, — это прежде всего *наблюдения над человеком*. Этим наблюдениям предъявляли упрек в том, что в них речь идет о неизвестном и труднодоступном опыте. Достопримечателен тот факт (с которым снова и снова приходится сталкиваться), что абсолютно всякий, даже самый последний профан, полагает, что он отлично разбирается в психологии, как будто *psyche* — это как раз именно та область, которая хорошо знакома самым широким кругам. Любой настоящий знаток человеческой души согласится со мной, однако, если я скажу, что она (*psyche* — пер.) относится к самому темному и таинственному из того, с чем мы встречаемся на опыте. Эти

сферы никто никогда не изведает до конца. Нет в моей практической деятельности почти ни дня, чтобы я не столкнулся с чем-то новым и неожиданным. Конечно, мой опыт — это не повседневности, лежащие на поверхности. Но для любого психотерапевта, который занимается этой специальной областью, он находится в достижимой близости. Поэтому-то мне кажется по меньшей мере странным, когда неизвестность сообщенных опытов вменяют мне в упрек. Я не чувствую себя ответственным за то, что познания профанов в психологии недостаточны.

В аналитическом процессе, т.е. в диалектическом разборе между сознанием и бессознательным, имеет место некоторое развитие, *продвижение вперед к цели или концу*, трудно постижимая природа которого занимала меня в течение многих лет. Психическое лечение (Behandlung) на всех возможных стадиях развития приходит к *концу*, никогда не вызывая при этом ощущения того, что тем самым достигнута уже и цель. Типичные временные завершения (Beendigungen) имеют место: 1) по получении доброго совета; 2) по совершении более или менее полной, но во всяком случае удовлетворительной исповеди; 3) по познании до тех пор неосознанного, но существенного содержания, осознание которого имеет следствием новые побуждения к жизни или деятельности; 4) после достигнутого долгим трудом освобождения от остатков детской психологии (Kindheitspsyche); 5) после выработки нового, рационального приспособления к, может быть, трудным или непривычным условиям среды; 6) по исчезновении мучительных симптомов; 7) по наступлении позитивного поворота в судьбе, как то: экзамена, обручения, свадьбы, развода, смены профессии и т.д.; 8) по получении вновь открытого ощущения принадлежности к какому-либо религиозному исповеданию или по обращении; 9) по начавшемся возведении практической жизненной философии (“философии” в античном смысле!).

Хотя в этом перечне можно было бы привести еще больше модификаций и добавлений, он в общем и целом может характеризовать наиглавнейшие ситуации, в которых аналитический или психотерапевтический процесс достигает предварительного или, при случае, даже определенного завершения. Как показывает опыт, имеется, однако, относительно большое количество пациентов, для которых внешнее окончание работы с врачом ни в коем случае не означает одновременно конца аналитического процесса. Скорее, критический разбор бессознательного идет дальше, а именно, примерно в том смысле, как у тех, которые свою работу с врачом не закончили. Иногда снова встречаешь таких пациентов спустя годы и часто выслушиваешь достопримечательные истории о поворотах в их судьбах. Такие опыты поначалу утвердили меня во мнении, что в душе имеет место, так сказать, независимый от внешних условий, целенаправленный процесс, и освободили меня от опасения, что я сам могу быть единственной причиной несобственного (а потому, может быть, противного природе) психического события. Это опасение не было напрасным, поскольку некоторые пациенты не дают ни одному аргументу девяти названных категорий склонить себя к окончанию аналитической работы, даже посредством религиозного обращения, не говоря уж о столь очевидном исчезновении невротических симптомов. Именно случаи последнего рода сделали для меня очевидным, что лечение невротических симптомов затрагивает проблему, которая выходит далеко за рамки только-врачебного (Nurärztlichen) и для которой только-медицинское знание признать достаточным невозможно.

В память о почти уже полувековой давности начальных временах анализа, с их псевдобиологическими установками и обесцениванием процесса душевного развития, выжидание² в аналитической работе любят называть "бегством от жизни", "перенашиванием плода", "автоэротизмом" и

подобными нелюбезными выражениями. Поскольку все вещи в принципе должны рассматриваться с двух сторон, то негативная оценка в жизненном смысле допустима только тогда, когда доказано, что, и действительно, в так называемой "подвешенности"³ вовсе нельзя найти ничего позитивного. Понятная нетерпеливость врача сама по себе еще ничего не доказывает. Только благодаря несказанному терпению исследователя новой науке удалось построить углубленное понимание сущности души, и известные неожиданные терапевтические результаты должны быть обязаны жертвенному упорству врача. Неоправданно негативное отношение вдобавок к этому несерьезно, а иногда и вредно, и вызывает подозрение в завуалированной некомпетентности, если вообще не в попытке избежать ответственности и полного столкновения. Ибо раз аналитическая работа раньше или позже неизбежно становится человеческим разбором между Я и Ты и Ты и Я, по ту сторону всех слишком человеческих отговорок, то не только легко может случиться, но и необходимым образом дело идет к тому, что оно непосредственно затрагивает и даже проникает до глубоких основ как пациента, так и врача. Нельзя дотронуться до огня или до яда, не схватив хоть толику их через незащищенные места; ибо истинный врач никогда не стоит рядом, но всегда — внутри.

Так называемая подвешенность может быть для обеих сторон нежелательной, неприемлемой, даже невыносимой, не будучи негативной в жизненном смысле. Наоборот, она может оказаться даже позитивно оцениваемым "hanging on"⁴, которое хотя и означает, с одной стороны, мнимо непреодолимую трудность, но, с другой стороны, именно поэтому представляет ту единственную в своем роде ситуацию, которая требует величайшего напряжения и потому вызывает на свет божий целостного человека. Вообще, можно сказать, что, с одной стороны, пациент бессознательно или с твердой уверенностью пытается

решить проблему, в конечном итоге оказывающуюся неразрешимой, и что, с другой стороны, искусство или техника врача делает все, что в его силах, чтобы ему в этом помочь. "*Ars totum requirit hominem!*"⁵ — восклицает древний алхимик. Именно этот "*homo totus*"⁶ и есть искомое. Усилия врача, так же как и поиски пациента, нацелены на того сокровенного, еще не манифестированного "целостного" человека, который является вместе с тем человеком величайшим и будущим. Правильный путь к целостности состоит, однако, — к сожалению, — в обусловленных судьбой обходах и блужданиях. Это "*longissima via*"⁷, не прямая, но связующая противоположности змеистая линия, напоминающая путеуказывающий кадукей, тропа, лабиринтовая переплетенность которой не лишена ужаса. На этом пути осуществляются те опыты, которые любят называть "труднодоступными". Их недоступность основывается на том, что они дорогостоящи: требуют того, чего больше всего боятся, а именно той целостности, которая хотя и не сходит с уст и о которой бесконечно теоретизируют, но которую в реальности обходят стороной так далеко, как только можно*. Бесконечно милее обычай "купейной психологии", когда одна полка не знает, что творится на других.

Боюсь, что за такое состояние вещей нужно считать ответственным не только неразумие и бессилие единиц, но и всеобщее душевное воспитание европейца. Это воспитание не только подлежит компетенции, но и составляет суть господствующих религий; ибо только они, и прежде всего — рационалистические системы, относятся к внешнему и внутреннему человеку одинаково. Можно упрекать христианство в отстающем развитии, желая извинить

* Достопримечательно, что один протестантский теолог в своем сочинении по гомилетике имел смелость требовать целостности личности проповедника — исходя из этической точки зрения — как раз со ссылкой на мою психологию (см.: Otto Händler. *Die Predigt*. Berlin, 1941).

собственную недостаточность. Я не хочу впасть в ошибку, приписывая это вещам, за которые ответственна в первую очередь человеческая неумелость. Я говорю поэтому не о сокровеннейшем и лучшем разуме христианства, но о легкомыслии и о фатальном непонимании, которые очевидны для всех. Требование "подражания" Христу, а именно требование следовать образцу и уподобляться ему, должно иметь целью развитие и возвышение собственно человека — внутреннего человека, а *становится* для поверхностного и склонного к механической формулообразности верующего внешостоящим объектом культа, которому как раз посредством почитания воздвигается препятствие для того, чтобы проникать в глубины души и претворять последние в образец соответствующей целостности. Тем самым божественный посредник как образ остается снаружи, а человек — фрагментом, незатронутым в своей глубочайшей природе. Конечно, Христу можно подражать вплоть до стигматизации, но при этом подражающий даже приблизительно не следует образцу и его смыслу. Ибо речь идет не о простом подражании, которое-то и оставляет человека непретворенным и тем самым является простым артефактом⁸. Скорее, речь идет о воплощении образца собственными средствами — *Deo concedente*⁹ — в сфере индивидуальной жизни. Правда, не следует упускать из виду, что даже в ложно понятом подражании присутствует — при известных обстоятельствах — мощное моральное усилие, которое, несмотря на то, что подлинная цель не достигнута, обладает заслугой полной отдачи высочайшей ценности, хотя и представленной чисто внешне. Вполне вероятно, что кто-то переживает предчувствие своей целостности именно в своем тотальном усилии и благодаря ему, с ощущением благодати, которое свойственно такому переживанию.

Неверно понятому, чисто внешнему пониманию "подражания" Христу хорошо соответствует одно евро-

Аудитория после-Бэконовского алхимика.
Учитель, два лаборанта и слушатели.

пейское предубеждение, которое показывает разницу между западной и восточной манерами. Западный человек околдован “десятью тысячами вещей”; он видит отдельное, он в плену у “Я” и вещи и пребывает без сознания о глубоком корне всяческого бытия. Зато восточный человек переживает мир отдельных вещей и даже собственное “Я” как сон и сущностно укоренен в праоснове, которая притягивает его столь сильно, что его соотнесенность с миром релятивизирована в степени, для нас зачастую непонятной. Западная, объективирующая манера склонна к тому, чтобы оставлять Христа как “образец” в его предметном аспекте и тем самым лишать его таинственной соотнесенности с внутренним человеком. Это предубеждение дает повод, например, протестантским интерпретаторам толковать относящееся к Царству Божьему *ἐντὸς ὑμῶν* как “между вами” вместо “в вас”. Тем самым еще ничего не сказано о том, что западная манера имеет силу. Ведь мы и так убеждены в этом. Зато когда пытаются критически разобраться с восточным человеком (что вменяется в обязанность именно психологу), то от известного сомнения можно отделаться лишь с большим трудом. Кому позволяет совесть, тот может, совершив над собой усилие, решиться и тем самым, может быть неумышленно, сделаться “*arbiter mundi*”¹⁰. Лично я предпочитаю драгоценный дар сомнения, ибо он оставляет в неприкосновенности чистоту неизмеримого явления.

Христос-образец взял на себя грех мира. Но если это чисто внешний акт, то и грех отдельного человека остается внешним, а тем самым этот человек является фрагментом больше, чем когда-либо, ибо легкомысленное непонимание открывает для него удобный путь буквальным образом “сбросить на Него” свои грехи и тем уйти от более глубокой ответственности, что противоречит духу христианства. Эта формалистика и эта беспринципность не только были одной из причин Реформации, но имеют место и внутри самого

протестантизма. Если величайшая ценность (Христос) и величайшая антиценность (грех) находятся вовне, то душа пуста: в ней нет самого низкого и самого высокого. Восточной манере (в особенности индийской) свойственно обратное: все самое высокое и самое низкое заключено в (трансцендентальном) субъекте. Благодаря этому значение “атмана”, самости (des Selbst) неизмеримо возрастает. А у человека Запада ценность самости падает до нулевой отметки. Отсюда происходит общая для Запада недооценка души. Кто говорит о действительности души, того упрекают в “психологизме”. О психологии говорят в “только”-тональности (im “Nur”-Ton). Взгляд, согласно которому существуют психические факторы, соответствующие божественным очертаниям, считается обесцениванием последних. Было бы кощунством полагать, что религиозное переживание есть психический процесс; ибо — так аргументируют — оно “не *только* психологическое”. Психическое есть *только* природа, и потому оно не может породить ничего религиозного, как считается. При этом такие критики ни на мгновение не колеблются объявить все религии — за исключением собственной — порожденными природой души. Примечательно, что две теологические рецензии на мою книгу “Психология и религия” — одна католическая, другая протестантская — умышленно обошли вниманием мое доказательство психического происхождения религиозных феноменов.

По этому поводу и впрямь следовало бы спросить: откуда взялась насчет души такая твердая уверенность, которая позволяет говорить “лишь душевный”? Так говорит и думает именно человек Запада, душа которого явно “лишена достоинства”. Если бы она обладала многим, то о ней можно было бы говорить с почтением. Но так как этого никто не делает, то отсюда можно заключить, что в ней и нет никакой ценности. Правда, это не фатально и имеет место не всегда и не везде, а только там, где в душу

ничего не вложено, а “Бога держат снаружи”. (Время от времени немного больше Майстера Экхарта¹¹ было бы полезно!).

Исключительно религиозная проекция может отнять у души ее ценности, так что она вследствие опустошения не сможет больше развиваться, а останется в бессознательном состоянии. К тому же она впадает в иллюзию, будто источник всяческих неприятностей находится вовне, и потому уже не возникает вопроса о том, как и где она сама этому способствовала. Душа представляется уже настолько незначительной, что почти не учитывается ее способность к злу, не говоря уже о добре. Но если душа выходит из игры, то религиозная жизнь застывает во внешнем и превращается в хлам формул. Как ни представлять себе отношения Бога и души, несомненно одно: что душа не может быть никаким Только, но имеет достоинство сущности, которой дано осознавать свое отношение к божественному. И хотя это только отношение капли к морю, но и самого моря не было бы без множества капель. Догматически установленное бессмертие души возвышает ее над физической конечностью человека и делает ее участницей в сверхприродном качестве. По значимости она тем самым многим превосходит смертного сознающего человека, так что, собственно говоря, христианину должно бы быть запрещено рассматривать душу как Только*.

Как глаз — солнцу, так и душа соответствует Богу. Душа не исчерпывается нашим сознанием, и потому смешно, когда мы говорим о душевных вещах в покровительственном или пренебрежительном тоне. Даже верующий христианин не ведает сокровенных стезей Бога и предоставляет Богу самому решать, воздействовать ли на человека извне или изнутри, через душу. Верующий ведь не может оспаривать тот факт, что существуют “*somnia a Deo missa*” (Богом

---

* Догма богоподобия значит столь же много при оценке человеческого фактора, не говоря уже о догме боговоплощения.

посланные сны) и душевные прозрения, которые нельзя свести ни к каким внешним причинам. Было бы кощунством утверждать, что Бог может открывать себя повсюду, а как раз в человеческой душе не может. Безусловно, интимность отношения между Богом и душой заранее исключает какую бы то ни было недооценку души*. Было бы, может быть, чересчур смело говорить об отношении родства; но во всех случаях душа должна иметь в себе возможность отношения, т.е. соответствия сущности Бога, иначе взаимосвязь никогда нельзя было бы установить**. Это соответствие и есть, психологически говоря, архетип образа Бога.

Любой архетип способен к бесконечному развитию и усложнению. Поэтому возможно, что он развит в большей или меньшей мере. Во внешней форме религии, где главное — во внешних очертаниях (где речь идет, таким образом, о более или менее совершенной проекции), архетип тождествен поверхностным представлениям, но остается неосознанным как душевный фактор. Если бессознательное содержание настолько вытеснено образом проекции, то оно исключается из общежития с сознанием и влияния на него. Тем самым оно в большой мере платит собственной жизнью, потому что блокируется в естественной для него деятельности по устроению сознания; и больше того: оно пребывает неизменным в своей первоначальной форме, ибо в бессознательном ничто не изменяется. Начиная с некоторого момента оно даже демонстрирует склонность к регрессии на более низкие и более архаичные ступени. Поэтому может случиться, что христианин, хотя он и верит

---

* То, что и черт может владеть душой, ни в коем случае не уменьшает ее значения.

** Поэтому с точки зрения психологии совершенно невозможно, что Бог есть просто "совсем иное"; ибо "совсем иное" никогда не может быть кем-то сокровеннейше близким душе, кем Бог как раз и является. Психологически правильны только парадоксальные и антиномические высказывания об образе Бога.

во всякие священные фигуры, в глубинах души остается неразвитым и застывшим, потому что у него "весь Бог снаружи" и он не распознает Бога в душе. Его решающие мотивы и его основополагающие интересы и побуждения выходят из неразвитой и бессознательной души, языческой и архаичной как никогда, а ни в коей мере не из сферы христианства. Истинность этого утверждения доказывается не только жизнью отдельного человека, но и сложением отдельных жизней в народ. Великие события нашего мира, которые задуманы и осуществлены людьми, дышат не духом христианства, а духом неприкрашенного варварства. Эти дела происходят из оставшегося архаичным душевного склада, даже далеко не имеющего ничего общего с христианством. Как не без доли правды полагает церковь, это "*se mel credidisse*" (раз и навсегда уверовав) оставляет определенные следы. Но в великих, определяющих явлениях эти следы обнаружить нельзя. Христианская культура в ужасающих масштабах выказала себя пустой: это пустой блеск; а внутренний человек остался незатронутым и потому не изменился. Такое состояние души не соответствует верующему только внешне. Христианин в своей душе не поспел за внешним развитием. Естественно, здесь все внешне в образе и слове, в церкви и в Библии. *А внутри ничего нет.* В глубинах со всей силой правят архаические божества; иными словами, внутреннее соответствие внешнему образу Бога неразвито из-за недостатка душевной культуры, а потому коснеет в варварстве. Хотя христианское воспитание и сделало все, что в человеческих силах, этого оказалось недостаточно. Слишком не многие узнали, что божественные очертания составляют интимнейшую собственность собственной души. Некий Христос встретился им (остальным — Пер.) только снаружи, но никогда не выходил навстречу из собственной души. Поэтому там все еще господствует мрачное варварство, которое захлестывает так называемый христианский культурный мир

отчасти с больше не скрываемой недвусмысленностью, а отчасти — облачившись в слишком уж изношенные покровы.

Применявшимися до сих пор средствами не удалось христианизировать душу до такой степени, чтобы хотя бы самые элементарные требования христианской этики возымели хоть сколько-нибудь решающее воздействие на главнейшие запросы европейца-христианина. Хотя христианская миссия и проповедует Евангелие убогим и нагим варварам, но внутренние варвары, населяющие Европу, еще ничего не восприняли от христианства. Христианство силою обстоятельств вынуждено начать все сначала, если оно вообще когда-нибудь выполнит свою великую воспитательную миссию. Покуда религия остается только верой и внешней формой, а религиозная функция не стала опытом собственной души, не выйдет ничего толкового. Еще предстоит понять, что “*mysterium magnum*”¹² коренится не просто в собственном существовании, но и преимущественно в человеческой душе. Кто не познал этого на опыте, тот может быть ученым мужем в теологии; но о религии он не имеет ни малейшего представления, а еще меньше — о воспитании человека.

Но когда я доказываю, что душа естественным образом обладает религиозной функцией* и когда я требую, чтобы главнейшей задачей всякого воспитания (взрослых) было переводение того самого архетипа образа Бога, т. е. его излучений и воздействий, в сознание, тогда-то именно теология и толкает меня под руку и изобличает меня в “психологизме”. Если бы в душе не заключались, в соответствии с опытом, высочайшие ценности (без ущерба для в любом случае имеющейся там *ἀντίμιμον πνεῦμα*¹³), то психология не интересовала бы меня ни в малейшей степени, потому что душа была бы тогда не что иное, как

* Тертуллиан: “*Anima naturaliter christiana*” (“Душа от природы христианка” — лат.).

ничтожный чад. Но я знаю из тысячекратного опыта, что она таковым не является, а что, скорее, она содержит в себе соответствия всех тех вещей, которые сформулированы догмой, и еще кое-что сверх того, что именно и делает душу способной быть тем оком, коему определено созерцать свет. А для того потребен необъятный объем и глубина неисследимая. Меня упрекали в "обожении души". *Не я — сам Бог обожил ее!* Не я приписал душе религиозную функцию, но я предъявил факты, которые доказывают, что душа "naturaliter religiosa"¹⁴, т. е. обладает религиозной функцией: функцией, которую я не привнес и не приписал, но которую она сама из себя производит, не будучи побуждаема к тому какими-либо мнениями или внушениями. В прямо-таки трагическом ослеплении эти теологи не углядели, что речь не о том, чтобы доказывать существование света, а о том, что есть слепцы, которые не ведают, что их очи способны видеть. Следовало бы когда-нибудь заметить, наконец, что бесполезно хвалить свет и проповедовать его, когда никто не умеет видеть его. Было бы много нужнее прививать человеку искусство зрения. Ведь очевидно же, что слишком многие неспособны установить связь между священными фигурами и своими собственными душами; т. е. они не умеют видеть, что соответствующие образы дремлют в их собственном бессознательном и в какой мере. Чтобы сделать возможным это внутреннее созерцание, нужно расчистить путь для умения видеть. Как можно достичь этого без психологии, т. е. не затрагивая душу, для меня, откровенно говоря, непостижимо*.

Другое, настолько же тяжелое по последствиям непонимание, состоит в том, что психологии приписывают намерение создавать как можно более еретические новые

---

* Поскольку здесь речь идет о вопросах, затрагивающих тему человеческого усилия, я не рассматриваю акты благодати, которые находятся по ту сторону человеческого-значимого.

учения. Когда слепому постепенно прививают зрение, не следует ожидать, что он тотчас орлиным взором увидит новые истины. Надо радоваться, если он вообще что-нибудь увидит и более или менее сможет понять, что он видит. Психология занимается актом зрения, а не конструированием новых религиозных истин, и это когда уже существующие учения еще не распознаны и не поняты. В вещах религиозных, как известно, нельзя понять то, что не было предметом внутреннего опыта. Лишь во внутреннем опыте обнаруживается отношение души к внешним образом предъявленному и проповеданному — как отношения родства или соответствия, примерно такие, как между “sponsus” и “sponsa”¹⁵. Но когда я поэтому говорю как психолог, что Бог — это архетип, то под этим я имею в виду тот тип в душе, который, как известно, происходит от τυπος = “удар”, “отпечаток”. Уже слово “архетип” предполагает наличие того, что дает отпечаток. Психология как наука о душе должна была ограничиться своим предметом и остерегаться перешагивать свои границы, высказывая, например, метафизические утверждения или символы веры. Даже если бы ей пришлось полагать Бога лишь как гипотетическую причину, она бы имплицитно требовала возможности доказательства бытия Бога, а тем самым абсолютно недопустимым образом превышала бы свою компетенцию. Наука может быть только наукой; не существует “научных” вероисповеданий и подобных “contradictiones in adiecto”¹⁶. Мы просто не знаем, откуда в конечном итоге следует выводить этот архетип, и так же мало мы знаем о происхождении души. Компетенция психологии как опытной науки простирается лишь настолько, чтобы констатировать, справедливо или нет характеризовать найденный в душе на основе сравнительного исследования тип, например, как “образ Бога”. Этим о возможном существовании Бога ничего не сказано — ни позитивно, ни негативно, так же как архетип “героя” нисколько

не предполагает наличия такового.

Когда мое психологическое исследование доказывает наличие определенных психологических типов и их аналогий с известными религиозными представлениями, то тем самым открывается возможность доступа к тем опытно познаваемым содержаниям, которые очевидно и непреложно образуют эмпирически доступные основания религиозного опыта. Верующему человеку предоставлено выбирать, какие метафизические объяснения происхождения этих образов принимать, но принимать не интеллектом, который обязан

непосредственно держаться принципов научного объяснения и избегать любого превышения возможностей знания. Никто не может воспрепятствовать вере в качестве первой причины признать Бога, Пурушу, Атмана или Дао и тем самым в целом снять, в конце концов, неудовлетворенность человека. Наука прилежно трудится; она не штурмует небеса¹⁷. И если она пустится в отчаянные авантюры, то тем самым подрубит сук, на котором сидит.

Ведь факт, что познание и опыт, исходя из наличия этих внутренних образов, открывают для разума, так же как и для чувств, доступ к тем, другим образам, которые предполагает религиозное учение о человеке. Тем самым психология делает как раз противоположное тому, в чем ее упрекают: она создает возможности для лучшего по-

нимания того, что есть, она открывает глаза на смысловое содержание догм; она-то как раз и не разрушает, она предлагает опустевшему дому новых жильцов. Я могу подтвердить это многократным опытом: отпавшие или охладевшие к вере люди самых разных исповеданий находили новый подход к своим старым истинам; среди них было немало католиков. Даже один парс вновь нашел путь к зороастрийскому храму Огня, из чего можно заключить об объективности моей точки зрения.

Но именно в этой объективности мою психологию упрекают всего сильнее: она, мол, не решается на то или другое определенное религиозное учение. Не предвосхищая изложения моего субъективного убеждения, я хотел бы поставить вопрос: разве не мыслимо, что можно принять какое-либо одно решение, если не брать на себя роль "arbiter mundi", но выразительно отказываться от такой субъективности и, например, питать веру в то, что Бог выразил себя на многих языках и в многообразных проявлениях и что все эти выражения истинны? Выдвигаемое с христианской стороны основное возражение — что ведь невозможно, чтобы абсолютно противоречащие высказывания были истинными, должно позволить вежливо осведомиться у себя: а один равен ли трем? Как три может быть одним? Может ли мать быть девой? И так далее. Разве не видно было до сих пор, что все религиозные высказывания содержат в себе логические противоречия и принципиально недопустимые утверждения, какое там! что это составляет даже суть религиозного высказывания. В пользу этого у нас есть признание Тертуллиана: "*Et mortuus est Dei filius, prorsus credibile est, quia ineptum est. Et sepultus resurrexit; certum est, quia impossibile est*"*. Если христианство призывает верить в такие противоречия, то можно же, мне кажется, не отвергать того, кто принимает несколько

* "И умер Сын Божий, что безусловно вероятно, потому что нелепо. И, погребенный, воскрес; это верно, потому что невозможно".

более сильных парадоксов. Парадоксальность поразительным образом принадлежит к высочайшему духовному достоянию; зато однозначность — признак слабости. Поэтому внутренне оскудевает та религия, которая теряет или ослабляет свои парадоксы; а их усиление обогащает, ибо только парадоксальное может приблизительно уловить полноту жизни; однозначность и непротиворечивость же односторонни и потому не годятся для того, чтобы выражать неуловимое.

Не у каждого есть сила духа Тертуллиана, который не только умел открыто мириться с парадоксальностью, но для которого она означала даже наивысшую религиозную достоверность. Гигантское количество духовно слабых делает парадоксальность опасной. Покуда ее заочно принимают в виде ничем не озабоченной самоочевидности и покуда она остается привычным аспектом жизни, она неопасна. Но когда какому-нибудь недостаточно развитому интеллекту (который, как известно, всегда о себе самого высокого мнения) втемяшится сделать парадоксальность высказывания веры предметом своего столь же обстоятельного, сколь и импотентного раздумья, то не успеешь и глазом моргнуть, как он разразится иконоборческим гомерическим хохотом и станет показывать пальцем на все неприкрытые нелепости таинства. Со времен французского Просвещения дело живо набрало силу; ибо если уж этот мелкоформатный разум, который не выносит парадоксов, проснулся, никакая проповедь не уложит его спать обратно. После этого возникает новая задача: а именно, постепенно возвести этот еще недоразвитый разум на более высокую ступень и умножить число тех, которые по меньшей мере способны подозревать, каков объем парадоксальной истины. Если этого нет, можно считать, что духовный подход к христианству все равно что завален. Просто больше не понимают, что может иметься в виду под парадоксальностью догмы, и чем более поверхностным

становится ее восприятие, тем больше шокирует ее иррациональный облик, а в конце концов она вообще выходит из употребления как курьезный реликт прошедшего. Насколько такое развитие означает духовную потерю, трудно оценимую по своим масштабам, остается непостижимым для затронутого ею, потому что он ведь никогда не пережил священные образы как собственное внутреннее достояние и никогда не осознал их родство со своей собственной душевной структурой. Но как раз это необходимое знание может предоставить ему психология бессознательного, причем особенно ценна именно ее научная объективность. Если бы психология была связана конфессионально, то она не могла бы и не имела права давать возможность индивидуальному бессознательному ту свободу действий, которая является неременным предусловием для продуцирования архетипов. А это как раз та спонтанность архетипических содержаний, которая способна убеждать. Предубежденное вмешательство, напротив, блокирует объективный опыт. Если теолог действительно верит во всемогущество Божье, с одной стороны, и в общезначимость догм — с другой, то почему он тогда не может принять за вероятное то, что из души говорит Бог? Откуда такой страх перед психологией? Или душа должна считаться (совершенно уж недогматически) прямо-таки адом, откуда доносятся только голоса демонов? Если бы это действительно было так, то и такое положение дел было бы не менее убедительным; ибо, как известно, реальность зла, воспринятая с ужасом, послужила причиной обращения по крайней мере стольких же людей, как и переживание добра.

Архетипы бессознательного суть эмпирически доказуемые соответствия религиозных догм. Герменевтический язык отцов — для церкви богатый кладезь аналогий с продуктами индивидуальной спонтанности, которыми занимается психология. То, что высказывается бессоз-

знательным, не есть никакой произвол и никакая субъективность, а есть явление или определенный факт, так же как в каких-нибудь природных вещах. Само собой понятно, что выражения бессознательного сформулированы естественным образом, а не догматически, точно так же как в патристическом аллегоризме, который втягивает природу во всем ее объеме в сферу своих амплификаций¹⁸. И если здесь имеются поразительные “аллегии” Христа, то мы находим подобное и в психологии бессознательного. Различие же состоит в том, что патристическая аллегория “ad Christum spectat” (имеет в виду Христа), в то время как психический архетип довлеет себе и потому должен толковаться смотря по времени, месту и обстановке. На Западе он реализуется через догматический образ Христа, на Востоке — через Пурушу, Атмана, Хираньягарбху, Будду и т.д. Религиозная точка зрения смещает акцент — это и понятно — на чеканящую печать, психология же как наука — на только для нее ощутимую тулоу, на чеканку. Религиозная точка зрения рассматривает этот тип как действие печати; научная же — как символ неизвестного и неуловимого для него содержания. А поскольку этот тип неопределеннее и многостороннее любой религиозной предпосылки, то психология вынуждается своим эмпирическим материалом выражать его через термин, который не связан ни временем, ни местом, ни обстоятельствами. Если бы этот тип, например, во всех деталях совмещался с догматическим образом Христа и не содержал бы в себе определений, которые выходили бы за эти пределы, то тогда на него надо было бы смотреть как на точное отображение этого догматического образа и называть соответственно этому. Тогда этот тип совпал бы с Христом. Но на деле так не бывает именно потому, что бессознательное, как в случае с аллегоризмом отцов церкви, создает еще и много других, не содержащихся явно в догматической формуле, определений, которые включают

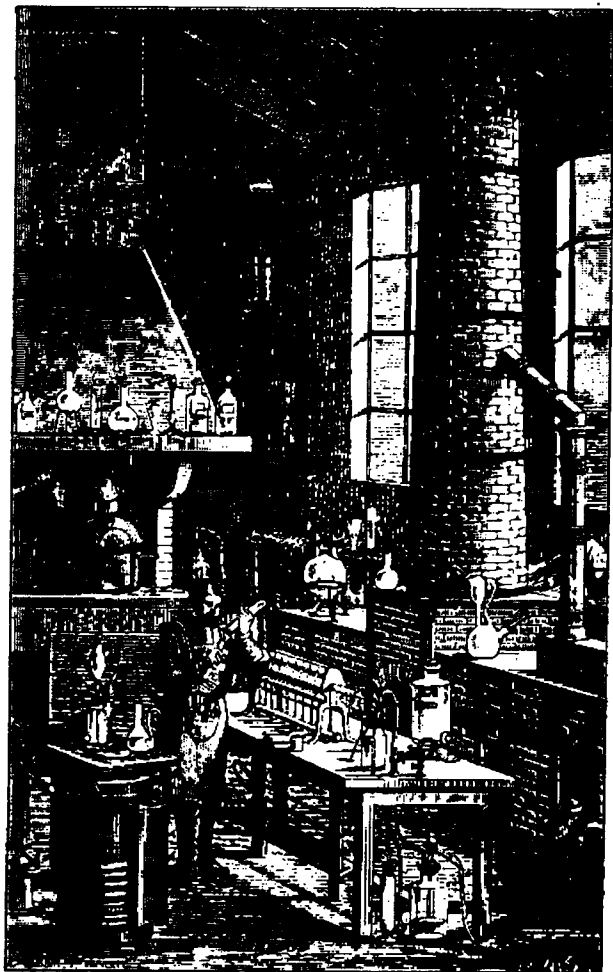
в этот тип, например, нехристианские персонажи, как вышеупомянутые. Но и эти персонажи не исчерпывают неопределенности архетипа. Вообще немыслимо, чтобы существовал какой-нибудь *определенный* персонаж, который выражал бы архетипическую *неопределенность*. Вследствие этого я чувствую побуждение дать соответствующему архетипу психологическое наименование “самость” (Selbst), каковое понятие, с одной стороны, достаточно определено, чтобы быть средством воплощения идеала человеческой целостности, а с другой стороны, достаточно неопределенно, чтобы выражать неопишимость и неопределенность этой целостности. Парадоксальные качества этого понятия согласуются с тем фактом, что эта целостность отчасти состоит из сознательного, а отчасти — из бессознательного человека. Но границы и определения последнего не могут быть указаны. В научном языке “самость” поэтому указывает не на Христа и не на Будду, а на целостность соответствующих образов, и каждый такой образ есть *символ самости*. Такой способ выражения является мыслительной необходимостью научной психологии и никоим образом не означает трансцендентальной предубежденности. Наоборот, эта объективная позиция предоставляет, как указано выше, одному — решение для определения “Христос”, другому — для “Будды” и т.д. Кого раздражает такая объективность, тот пусть поразмыслит о том, что без нее невозможна наука. Но если он все равно оспаривает право психологии на объективность, то тем самым делает анахроничную попытку лишить жизни науку. Даже если такая безумная попытка удалась бы, то тем самым еще больше усилилось бы отчуждение — только теперь уже катастрофическое — между мирским разумом, с одной стороны, и церковью и религией — с другой.

Для науки не только понятно, но и является абсолютным “raison d’être”¹⁹, что она почти целиком концентрируется на своем предмете. Поскольку понятие

“самости” представляет для психологии главный интерес, то она, естественно, мыслит в направлении, противоположном теологии. Для первой религиозные образы указывают на самость; для последней, наоборот, самость указывает на ее собственное центральное представление; иными словами, психологическая самость может пониматься теологией только как “аллегория” Христа. Эта противоположность, конечно, возмутительна, но без нее, к сожалению, нельзя обойтись, если вообще не отказывать психологии в праве на существование. Поэтому я выступаю в пользу терпимости, на что психологии нетрудно решиться, потому что как у науки у нее нет никаких тоталитарных притязаний.

“Символ Христа” для психологии — предмет наиважнейший, поскольку наряду с образом Будды является, может быть, наиболее развитым и дифференцированным символом самости. Мы определяем это по масштабам и содержанию имеющихся высказываний о Христе, которые в удивительно высокой степени соответствуют психологической феноменологии самости, хотя и не заключают в себе всех аспектов этого архетипа. Необозримо обширный объем этого явления может расцениваться как недостаток определенности религиозного персонажа. Однако высказывать оценочные суждения никоим образом не входит в задачу науки. Самость не только неопределенна, но и парадоксальным образом содержит в себе черты определенности, даже неповторимости. В этом, пожалуй, одна из причин того, что именно те религии, которые имели в основателях исторических личностей, стали мировыми религиями, каковы христианство, буддизм и ислам. Привлечение неповторимых человеческих личностей (а в особенности в сочетании с неопределяемой божественной природой) как раз согласуется с абсолютно индивидуальным характером самости, которая связует неповторимое с вечным и отдельное — с максимально всеобщим. Самость есть

Лаборатория Алхимика.

объединение противоположностей $\kappa\alpha\tau'\epsilon\chi\omicron\chi\eta\nu^{20}$. Тем самым этот символ в самом существенном отличается от христианского. Андрогинность Христа — наиболее незначительная уступка церкви проблематике противоположного. Противоположности света и добра, с одной стороны, и тьмы и зла — с другой, предоставлено быть открытым конфликтом, причем Христос выступает как просто благо, а контрагент Христа, черт, — как зло. Эта противоположность и есть подлинная мировая проблема, которая пока еще остается нерешенной. Самость, однако, — абсолютная парадоксальность, потому что она в любом отношении является тезисом и антитезисом, а заодно и синтезом. (Психология дает обильное количество подтверждений этого положения. Но я не могу привести их здесь *in extenso*²¹. Я отсылаю знатоков этих материй к символике мандалы).

Архетип, сближенный с сознанием благодаря исследованию бессознательного, устраивает поэтому индивидууму очную ставку с бездонной противоречивостью человеческой природы, и ему становится доступным совершенно непосредственное переживание света и мрака, Христа и черта. Речь идет, разумеется, в лучшем или в худшем случае только о создании возможности, а не о гарантиях осуществления; ибо переживаний этого рода нельзя с необходимостью достичь нашими человеческими средствами. Нужно принять при этом во внимание факторы, неподвластные нашему контролю. Переживание противоположности не имеет ничего общего ни с интеллектуальным прозрением, ни с заимствованием. Скорее, можно было бы назвать это судьбой. Такое переживание одному доказывает правду Христа, другому — правду Будды, и притом вплоть до полной очевидности.

Без переживания этой противоречивости нет опыта целостности, а тем самым нет и внутреннего доступа к священным образам. На этом основании христианство по

праву настаивает на греховности и на наследственном грехе — с очевидным намерением по меньшей мере снаружи набросать очертания той самой пропасти космической противоречивости в каждом индивидууме. Более или менее

Макрокосм и микрокосм.

пробудившемуся разуму, напротив, этот метод безусловно отказывает, потому что он просто больше не верит в учение и, мало того, считает его абсурдным. Такой-то разум исключительно однозначен и остается при своем "inertia mysterii"²². Он как небо от земли далек от тертуллиановой антиномичности: ведь он вообще не в состоянии выносить страданий такой противоречивости. Известно, что суровыми экзерцициями и некими миссионерскими проповедями с католической стороны и определенного рода протестантским воспитанием с его вынюхиванием грехов были вызваны душевные травмы, которые вели не в Царствие Небесное, а на врачебный прием. Хотя проникновение-то в противоречивость как раз и необходимо, лишь немногие на практике могут выдержать его —

обстоятельство, которое не ускользнуло от опыта исповеди. Паллиативной реакцией на это является столь часто и с различных сторон критикованный моральный пробабилизм²³, который пытается предотвратить подавленность с помощью греха*.

Как ни подходить к этому явлению, ясно все же одно — и это факт, — что в нем наряду с прочим присутствует изрядная доля человечности и понимание человеческого несовершенства, которые компенсируют невыносимость антиномии. Чудовищный парадокс упорного утверждения первородного греха, с одной стороны, и уступки, которые делает пробабилизм, — с другой, хорошо понятны психологу как необходимые следствия набросанной выше христианской проблематики противоположного — ведь в самости добро и зло ближе друг другу, чем однояйцевые близнецы! Реальность зла и его несоединимость с добром раздирают противоположности и неминуемо ведут к распятию и суспензированию (подвешиванию. — пер.) всего живого. Поскольку “*anima naturaliter christiana*”, то эти последствия должны наступить столь же неизбежно, как это случилось в жизни Иисуса: все мы должны быть “распять со Христом”, т.е. суспензированы в моральных страданиях, что соответствует настоящему распятию. Практически это возможно, прежде всего, лишь приблизительно, и потом к тому же настолько невыносимо и несовместимо с жизнью, что обычный человек может позволить

---

* Цёклер (*Realenzyklopädie f. prot. Theol. u. Kirche*, Bd. 16, S. 67. Leipzig, 1905) дает такое определение: “Пробабилизмом называют, вообще говоря, образ мыслей, который в ответах на научные вопросы удовлетворяется большей или меньшей степенью вероятности. Рассматриваемый нами здесь моральный пробабилизм заключается в основном положении, согласно которому в актах нравственного самоопределения следует действовать не по совести, а в соответствии с вероятно правильным, т.е. по тому, что рекомендовано авторитетом жизни или учения”. Иезуитский пробабилист Эскобар (ум. в 1669) придерживается, например, мнения, что если исповедующийся ссылается на пробабильное мнение как причину своего поступка, то исповедник вынужден отпустить грех, даже если он не разделяет этого убеждения.

себе оказываться в таком состоянии только время от времени и максимально редко. Ибо как он мог бы при таком страдании быть еще и обычным! Поэтому более или менее пробабилистская установка в отношении к проблеме зла неизбежна. Тем самым правда самости, а именно подлинное единство добро — зло, конкретно выявляется в парадоксе: хотя грех есть нечто наиопаснейшее и наитягчайшее, он все же не настолько тяжел, чтобы нельзя было избежать его при помощи “пробабильных” доводов. При этом последнее — даже не безусловная распушенность или легкомыслие, а просто практическая жизненная необходимость. Практика исповеди поступает как сама жизнь, которая успешно сопротивляется, чтобы не погибнуть в неразрешимой противоречивости. А конфликт все равно — *nota bene* — продолжает существовать *expressis verbis*²⁴, что опять-таки соответствует антиномии самости, которая сама есть конфликт и единство.

Христианство возвысило антиномию добра и зла до уровня мировой проблемы, а посредством догматической формулировки этой противоположности — до абсолютного принципа. В этом пока неразрешенном конфликте христианин предстает как протагонист добра и участник мировой драмы. Такое подражание Христу, если понимать его в самом глубоком смысле, означает страдание, которое для большинства совершенно невыносимо. Поэтому подражание Христу становится в жизни только условным

По вопросу о том, насколько часто в течение жизни нужно давать обет любви к Богу, Эскобар цитирует ряд иезуитских авторитетов. Согласно одному из мнений, достаточно одноразовой любви к Богу незадолго до смерти, согласно другому, — один раз в год или один раз в каждые три-четыре года. Сам он приходит к выводу, что достаточно любить Бога один раз — при первом пробуждении разума, а затем по разу в каждые пять лет и, наконец, один раз в смертный час. По его мнению, большое число различных моральных наставлений является главным доказательством в пользу благого провидения Божьего, ибо благодаря этому ноша Христа становится легче (l.c., S.68). Ср. об этом у Гарнака (*Lehrbuch der Dogmengeschichte*, 5. Aufl., Bd. 3, S.748 ff. Tübingen, 1931).

и совсем не осуществляется, и пастырская практика церкви даже ощущает себя вынужденной “облегчить ношу Христа”. А это означает весьма существенное выхолащивание жесткости и остроты конфликта и тем самым практическую релятивизацию добра и зла. Добро равнозначно безусловному подражанию Христу, а зло — препятствованию ему. Моральная слабость и косность человека суть то, что сильнее всего препятствует этому подражанию, и как раз посредством их пробабиллизм проявляет на практике понимание, которое может соответствовать христианскому терпению, милосердию и любви к ближнему, иногда, может быть, больше, чем образ мыслей тех, которые видят в этом только распушенность. Хотя пробабилистское устремление достойно присуждения ему ряда главных христианских добродетелей, нельзя все же не заметить, что оно препятствует страданию при подражании Христу, а тем самым лишает борьбу добра против зла ее остроты и смягчает ее до выносимой степени. При этом происходит сближение с психическим архетипом самости, в котором и впрямь эта противоположность выступает в виде единства, и притом, как уже указывалось, не так, как в христианской символике, которая оставляет конфликт открытым. Для последней мир расколот “трещиной”: свет борется против мрака и горнее — против дольного. *Эти Двое не суть Одно*, как и в психическом архетипе. Хотя догма с ужасом отвергает мысль о том, что Двое суть Одно, но, как мы видели, предоставляет все же религиозной практике возможность приблизительного осуществления естественного психологического символа — именно, символа в себе единой самости. Зато догма настаивает на том, что *Трое* суть Одно, но отрешивается от того, что *Четверо* суть Одно. Нечетные числа, как известно, с древних времен не только у нас на Западе, но и в Китае считались *мужскими*, а четные — *женскими*. Тем самым Троица — явно мужское Божество,

и андрогинность Христа и особое место и возвышенность Богоматери не являются ее полным эквивалентом.

С этой, может быть, чуждой для читателя констатации мы подходим к центральной аксиоме Алхимии, а именно к тезису Марии Профетиссы²⁵: “Единица становится Двумя, Двое — Тремя, и из Третьего выйдет Единое как Четвертое”. Как видно читателю уже из названия этой книги (*“Психология и Алхимия”*), в ней идет речь о психологическом значении Алхимии, т.е. о проблеме, которая, за редкими исключениями, до сих пор не была предметом научного исследования. До недавнего времени наука занималась только историко-химическим аспектом Алхимии, и лишь в малой степени — ее философской и религиозной стороной. Значение Алхимии для истории развития химии очевидно. Зато ее исторически-духовное значение еще столь неизвестно, что кажется почти невозможным немногими словами дать представление о том, в чем оно состоит. Поэтому в данном *“Введении”* я сделал попытку изобразить ту религиозно-историческую и психологическую проблематику, в которую вплетена алхимическая тема. Алхимия представляет собой нечто вроде подводного течения по отношению к поверхности господствующего христианства. Она соотносится с ним, как сон с сознанием, и подобно тому как сон компенсирует конфликты сознания, так и она стремится заполнить те места, которые антагонистическая напряженность христианства оставила зиять пустующими. Точнейшим образом это выражается, пожалуй, в аксиоме, которая лейтмотивом проходит через почти 1700-летний срок жизни, отпущенный Алхимии — в тезисе Марии Профетиссы, цитированном выше. Здесь между нечетными числами христианской догматики протискиваются четные числа, которые означают женское, землю, подземное и даже само зло. Их персонификацией является “serpens megalis”²⁶, дракон, который сам себя порождает и уничтожает и символически

представляет "prima materia"²⁷. Эта основополагающая мысль Алхимии отсылает к тоху²⁸ (Tehom) (Быт. 1), Тиамат²⁹ с ее драконовским атрибутом, а тем самым — к матриархальному первобытному миру, который был преодолен — в теоматии мифа о Мардуке — мужским миром Отца*.

Этот всемирно-исторический поворот сознания в "мужскую" сторону был компенсирован прежде всего посредством хтонически-женского начала бессознательного. Уже в некоторых дохристианских религиях дифференциация мужского выступала в виде спецификации Отец — Сын, каковое превращение получило затем в христианстве первостепенное значение. Если бы бессознательное было просто комплементарным, то оно сопровождало бы этот поворот выдвижением Матери и Дочери, для которого в мифе о Деметре и Персефоне уже был готов нужный материал. Но оно предпочло, как показывает Алхимия, тип Кибелы — Аттиса в образе "prima materia" и "filius mactocostmi"³⁰, а тем самым проявилось как не комплементарное, а компенсирующее. Так обнаруживается, что бессознательное не просто противоположно сознанию, но является более или менее модифицирующимся противником-партнером (Geden-oder Mitspieler). Тип Сына вызывает на свет из "хтонического" бессознательного в качестве дополняющего образа не Дочь, а опять-таки Сына. Этот достопримечательный факт, по всей видимости, совпадает с воплощением чисто духовного Бога в земной природе человека, что происходит благодаря зачатию Святым Духом во чреве Beata Virgo³¹. Так горнее, духовное, мужское склоняется над дольным, земным, женским, и в результате предшествующая отцовскому миру Мать, идя навстречу мужскому, при помощи инструмента чело-

* Читатель найдет сводку мифологических мотивов в книге: J.B.Lang. *Hat' ein Gott die Welt erschaffen?* Bern, 1942. К сожалению, филологическая критика нашла в этом сочинении много недостатков. Но оно достойно внимания ради своей гностицистской тенденции.

веческого духа (“философии”) производит на свет Сына, — не противоположность Христа, но его хтоническое соответствие, не богочеловека, но сказочное существо, единообразное с сущностью Праматери. И как заданием горного Сына является спасение человека (микрокосмоса), так назначение дольного Сына — быть “*salvator macrocosmi*”³².

Вот в кратких чертах драматические события, которые разыграны в темных глубинах Алхимии. Излишне было бы отмечать, что эти оба Сына никогда не соединялись, кроме как, может быть, в духе и в глубочайшем переживании некоторых немногих, особенно одаренных алхимиков. Но то, что “имело целью” это событие, понять не слишком трудно: вочеловечивание Бога по видимости было сближением мужского принципа отцовского мира с женским принципом материнского мира, благодаря чему последний ощущает побуждение уподобиться отцовскому миру. Это явно означало не более и не менее как попытку сглаживания противоречий для компенсации открытого конфликта.

Пусть читателя не смущает, что мое изложение звучит как гностический миф. Мы продвигаемся теперь в те психологические сферы, в которых коренится гносис. Выражение христианского символа — это гносис, а уж компенсация бессознательного — и подавно он. Мифология есть самый что ни на есть подлинный язык психических процессов, и никакая рассудочная формулировка даже и приблизительно не в состоянии достичь полноты и выразительной силы мифического образа. Речь-то идет о праобразах, которые потому и передаются лучше всего и в самом подходящем виде образным языком.

Изображенный тут процесс обнаруживает все черты психологической компенсации. Маска бессознательного, ясное дело, не мертва, а отражает тот лик, который ему показывают. Враждебность придает ему угрожающий вид, а расположенность смягчает его черты. При этом речь идет не о простом оптическом отображении, но о само-

стоятельном ответе, который открывает автономную сущность того, кто отвечает. Так, “*filius philosophorum*”³³ — ни в коем разе не является просто отражением Сына Божьего в негодной материи, а это сын Тиамат демонстрирует черты материнского праоблика. Хотя он явный гермафродит, у него все же мужское имя, и тем самым он выдает склонность к компромиссу отвергнутого духом и просто-напросто идентифицировавшегося со злом хтонического мира: он является, несомненно, уступкой духовному и мужскому, несмотря на то, что несет на себе тяжесть земли и баснословность звериного прасушества.

Этот ответ материнского мира показывает, что пропасть, отделяющая его от отцовского мира, не является непреодолимой, ибо бессознательное содержит в себе зародыш единства обоих. Сущность сознания есть различие; оно должно, ради осознанности, разрывать противоположности, и притом *contra naturam*³⁴. В природе ищут себя противоположности — “*les extrême se touchent*”³⁵, — и так обстоит дело в бессознательном, особенно в архетипе единства, в самости. В нем, как и в божественном, противоположности снимаются. Но с манифестацией бессознательного начинается их раскол, как во время сотворения мира; ибо каждый акт осознания есть акт творения, и от этого психологического опыта происходят многочисленные космогонические символы.

В Алхимии речь идет преимущественно о зародыше единства, который спрятан в хаосе Тиамат и образует соответствие единства божественного. Как и это единство, он имеет тринитарную природу в Алхимии христианского толка и триадическую — в языческой Алхимии. По другим мнениям, он соответствует единству четырех элементов и потому является четверичностью. Преобладающее большинство данных современной психологии говорит в пользу последнего. Те немногочисленные случаи в моих наблюдениях, которые давали число “три”, характеризовались

систематическим выпадением сознания, а именно неосознанием так называемой неполноценной функции. Тройка как раз не является естественным выражением целостности, в то время как четверка представляет минимум условий для суждения о целостности. Тем не менее следует под-

черкнуть, что наряду с явной склонностью Алхимии (как и бессознательного) к четверичности существует без конца возникающая неопределенность между тремя и четырьмя. Уже в аксиоме Марии Проречиссы четверичность дается с оговорками и неточно. В Алхимии имеется как четыре, так и три “*regimina*” (метода), четыре и три цвета. Хотя всегда имеется четыре элемента, чаще три из них собраны вместе, а один — на особом положении: то это земля, то огонь. Хотя “*mercurius*”³⁶ и “*quadratus*”³⁷, но также и трехголовый змей, или просто триединство. Эта неопределенность указывает на “Как, Так И”, т.е. центральные представления настолько же четверичны, насколько и троичны. Психолог не может без того, чтобы не сослаться на тот факт, что и психология бессознательного знакома с подобной ошеломляющей ситуацией: менее всего дифференцированная так называемая неполноценная функция таким образом контаминирована с коллективным бессознательным, что при осознании наряду с другими вызывает на свет и архетип самости; τὸ ἐν τέταρτον³⁸, как говорит Мария. “Четыре” имеет значение женского, материнского,

физического, “три” — мужского, отцовского, духовного. Неопределенность между Четырьмя и Тремя означает то же, что и раскачивание между духовным и физическим: пример, говорящий в пользу того, что любая человеческая истина — предпоследняя.

* * *

Вначале я исходил из тотальности человека как той цели, к которой в психотерапевтическом процессе ведет в конце концов душевное развитие. Этот вопрос то и дело переплетается с мировоззренческими и религиозными предпосылками. Даже если пациент, как это частенько бывает, считает себя в этом отношении неподвзятым, такого рода предпосылка его мышления, его образа жизни, его морали и его языка обусловлены исторически вплоть до деталей, что нередко остается для него неосознанным — отчасти по недостатку образования, отчасти — из-за отсутствия самокритики. Анализ его ситуации поэтому рано или поздно приводит к просвечиванию его общих духовных предпосылок далеко за пределы личностных факторов, а тем самым разворачивается та проблематика, которую я пытался набросать на предыдущих страницах. На эту фазу процесса падает производство символов единства, так называемой мандалы, которые появляются или в снах, или в форме образных визуальных впечатлений в состоянии бодрствования, чаще всего как явственная компенсация противоречивости и конфликтности осознанной ситуации. Было бы, пожалуй, неправильно сказать, что зияние расщелины (Пшивара*) в христианском мироустройстве несет за это ответственность; ведь легко показать, как христианская символика эту рану как раз врачует или старается ушивать. Было бы, пожалуй, корректнее рассматривать эту неразрешенность конфликта как симптом

* *Deus semper maior*. I.S. 71 ff. Freiburg i. Br., 1938.

психической ситуации западного человека и сетовать на его неспособность вместить в себя весь объем этого христианского символа. Как врач я не могу в этом отношении предъявлять пациенту требования; нет у меня и церковного лекарства благодати. Вследствие этого я оказываюсь лицом к лицу с задачей пройти единственно возможным для меня путем, а именно путем осознания³⁹ (*Bewußtmachung*) тех архетипических образов, которые в определенном смысле соответствуют догматическим представлениям. При этом я должен предоставить моему пациенту самому принимать решение, как это соответствует его предпосылкам, его духовной зрелости, его образованию, его происхождению и его темпераменту, поскольку это возможно без серьезных конфликтов. Как врач я вижу свою задачу в том, чтобы поддерживать жизнеспособность пациента. Поэтому я не имею права выносить приговор о его окончательных решениях, ибо я по опыту знаю, что любое принуждение, будь то легкая суггестия, или советы, или иные методы воздействия, не приносит в конце концов ничего, кроме помех высшему и самому главному переживанию, а именно пребыванию наедине со своей самостью, или как там еще ни называй эту объективность души. Он должен быть один хотя бы уже для того, чтобы узнать, что его несет, когда *он* больше не может нести себя сам. Только это знание даст ему нерушимую опору.

Эту поистине нелегкую задачу я в любое время с радостью предоставил бы решать теологам, если бы многие из моих пациентов сами не были как раз из теологов. Они должны были бы остаться подвешенными в церковной общине, но слетели с великого древа как увядший лист и теперь подвешены на излечении⁴⁰. Что-то в них судорожно цепляется, часто с силой отчаяния, как будто они или "оно" повергнутся в ничто, если они не смогут повиснуть, ухватившись. Они ищут твердую опору, на которую они могли бы встать. Поскольку им не подходит поддержка

извне, они в конце концов должны найти ее в себе самих, что, по их же признанию, как раз и есть самое невероятное с точки зрения разума, но что очень даже возможно с точки зрения бессознательного. Вот что нам открывается в архетипе “низкого происхождения Спасителя”.

Путь к цели — поначалу хаотичный и непредвиденный; и только очень постепенно множится число целеуказующих знаков. Этот путь не прямолинейный, а, по всей видимости, циклический. Точное знание доказало, что это спираль: мотивы сновидений через некоторые промежутки все вновь возвращаются к определенным формам, которые своим характером указывают на центр. Речь идет именно о средоточии, или о центральном расположении, которое проявляется при известных условиях уже в первых сновидениях. Сновидения, как манифестации бессознательных процессов, вращаются или циркулируют вокруг середины и приближаются к ней со все более явственными и обширными амплификациями. Из-за многообразия символического материала поначалу трудно вообще увидеть здесь какой-нибудь порядок. Ведь никак не предполагается, что серии сновидений подчинены какому-то упорядочивающему принципу. При ближайшем рассмотрении ход развития обнаруживает себя как циклический, или спиралевидный. Можно провести параллель между такими спиралевидными движениями и процессами роста у растений, потому что ведь и растительный мотив (дерево, цветок и т.д.) тоже часто возвращается в таких сновидениях и фантазиях и тоже спонтанно изображается на рисунках*. В Алхимии дерево есть символ герметической философии.

Первое исследование в книге “Психология и Алхимия” занимается серией сновидений, которая в изобилии содержит в себе символы середины или цели. Развитие этих символов, так сказать, равнозначно процессу исцеления.

* См. иллюстрации в книге: Wilhelm und Jung. *Das Geheimnis der Goldenen Blüte*, 3. Aufl. 1944.

Центр или цель имеет, таким образом, в собственном смысле слова значение спасения. Правомочность такой терминологии⁴¹ выявляется из самих сновидений; ибо они содержат в себе так много отношений к теме религиозных феноменов, что некоторые из них стали даже предметом моего исследования *"Психология и религия"**. Мне кажется, не может быть сомнения в том, что относительно этих процессов речь идет о религиозно-творческих архетипах. Чем бы еще другим ни была религия, ее эмпирически постижимая, психическая часть, без сомнения, состоит в таких манифестациях бессознательного. Слишком долго муссировался, в сущности, неважный вопрос о том, являются ли утверждения религиозной веры *истинными*, или нет. Несмотря на то обстоятельство, что истинность метафизического утверждения никогда не может быть ни доказана, ни опровергнута, само по себе наличие такого утверждения является очевидным фактом, который не нуждается в дальнейших доказательствах, а если сюда присоединяется *"consensus gentium"*⁴², то тем самым общезначимость высказывания доказана как раз в этом объеме. Постигим в этом смысле только психический феномен, в отношении которого категории объективной достоверности или истинности не подходят. С помощью рациональной критики с феноменом не покончишь, и в религиозной жизни речь идет о явлениях и фактах, а ни в коем разе не о дискутабельных гипотезах.

Диалектический разбор в процессе психического лечения последовательно ведет к очной ставке пациента с его Тенью — той темной половиной души, с которой то и дело разделялись посредством проекции: или тем, что навешивали на своего ближнего — в более узком или более широком смысле — все те пороки, в которых сами были очевидным образом повинны, или перекладывая свои грехи — посредством *"contritio"*⁴³ или, мягче, *"attritio"* —

* Rascher, Zürich, 1940.

на божественного посредника.* Но ведь известно, что без греха нет покаяния и без покаяния нет спасающей милости, даже что без "*peccatum originale*"⁴⁶ никогда не явился бы на сцену акт спасения мира. Однако усердно избегают исследовать вопрос о том, заключается ли особая воля Божья, соблюдать которую есть все основания, как раз в силе зла. Если, подобно целителю душ, имеют дело с людьми, которые стоят напротив своей чернейшей Тени, то зачастую ощущают себя вынужденными непосредственно принимать такое воззрение**. Во всех случаях врач не может себе позволить столь же дешёвым, сколь и морально возвышенным жестом указывать на скрижали закона с их "ты не должен". Ему следует объективно проверять и взвешивать возможности; ибо он знает, меньше из религиозного воспитания и больше — из природы и опыта, что имеется нечто наподобие *felix culpa*⁴⁷. Он знает, что упускают не только свое счастье, но и свою основную вину, без которой человек не достигнет своей целостности. Последняя же есть харизма⁴⁸, которую нельзя получить ни искусством, ни хитростью, в которую можно только впасть и появление и ход которой можно только терпеть. Безусловно, ненормально, что человечество не едино, а состоит из индивидуумов, духовный характер

* *Contritio* есть "совершенное" покаяние. *Attritio*⁴⁴ есть "несовершенное" покаяние ("*contritio imperfecta*", к которому относится также "*contritio naturalis*"⁴⁵). Первое рассматривает грех как противоположность высочайшего блага; последнее отвергает грех, потому что он зол и мерзок и из страха перед наказанием.

** Совершенно естественно, что ввиду трагичности судьбы, которая есть неумолимая часть целостности, пользуются религиозной терминологией как единственно адекватной в этом случае. "Моя неумолимая судьба" означает то же, что демоническая воля к именно этой судьбе, воля, которая не обязательно совпадает с моей ("Я"-волей). Но если она противопоставлена этому "Я", то нельзя не ощутить в ней "силу", т.е. божественное или inferнальное. Покорность судьбе называется волей Божьей; бесперспективная и изнурительная борьба против предопределенного увидит в ней скорее черта. Во всех случаях эта терминология общепринята и к тому же глубокомысленна.

которых оно распределяет на пространстве по меньшей мере 10 000 лет. Тогда, положительно, нет никакой истины, которая не означает для одних спасение, а для других — обольщение и яд. Всякий универсализм пребывает в этой жуткой дилемме. Выше я упоминал иезуитский пробабиллизм: он, как ничто другое, рисует чудовищную задачу церковной католичности⁴⁹. Даже самые благожелательные приходили по этому поводу в ужас; но в непосредственном столкновении с жизненной действительностью кое у кого уже пропали негодование или улыбка. Даже врач должен взвесить и обдумать, конечно, не в пользу церкви или против нее, но в пользу или не в пользу жизни и здоровья. На бумаге-то кодекс морали выглядит ясным и достаточно чистым, но тот же документ, написанный на “плотских скрижалях сердца”, — жалкий клочок, и как раз в душах тех, которые шире всех разевали рот. Если уж повсюду возвещают: “Зло есть зло, мы осуждаем его без колебаний”, то в индивидуальном случае зло — именно самое проблематичное, — то, что требует основательнейшего взвешивания. Прежде всего заслуживает величайшего внимания вопрос: “Кто действует?” Ибо ответ на этот вопрос позволяет вынести окончательное решение о ценности деяния. Для общества, безусловно, важнее всего *Что* поступка, потому что оно непосредственно очевидно. На пристальный же взгляд, даже правильный поступок в руке мужа несправедливого делается несчастьем (Unheil). Кто предусмотрителен, тот не обманется ни в правильном поступке несправедливого, ни в неправильном поступке праведного. Поэтому целитель душ направляет свое внимание не на *Что*, а на *Как* деяния, ибо в нем заключена вся подноготная совершившего деяние. Зло не меньше, чем добро, требует, чтобы его приняли во внимание; ибо добро и зло суть в конечном счете не что иное как идеальные продления и абстракции поступков, и оба принадлежат к светло-темной проявленности жизни. Ведь в конечном счете

нет добра, из которого бы не могло выйти зла, и зла, из которого не могло бы выйти добра.

Очная ставка с темной половиной личности, с так называемой Тенью, сама собой получается в любом маломальски основательном лечении. Эта проблема здесь так же важна, как проблема греха в церкви. Открытый конфликт неизбежен и мучителен. Меня уже частенько спрашивали: “И что Вы с этим делаете?” Я ничего не делаю; я вообще не могу ничего делать, как только с определенным доверием к Богу ожидать, пока из конфликта, выдержанного с терпением и мужеством, не получится неожиданная для меня концовка, которая суждена данному человеку. При этом я отнюдь не пассивен или бездеятелен, а помогаю пациенту понять все те вещи, которые производит бессознательное во все время этого конфликта. Можно мне верить, что это — вещи совсем необычные. Скорее, они принадлежат к самому значительному, что мне когда-либо приходилось видеть. Пациент тоже не бездеятелен; ведь ему надо поступать правильно, а именно, посылно не давать захлестнуть себя напору зла в себе. Ему нужно “оправдание делами”; ибо “оправдание верой”⁵⁰ уже только пустой звук для него, как и для многих других. “Вера” может заменять отсутствующее переживание. В таких случаях и требуется поэтому реальное деяние. Христос воспекся о грешнике и не проклял его. Истинное подражание Христу — делать то же самое, и поскольку нельзя делать того, чего не сделал бы себе сам, то надо позаботиться о грешнике, который и есть ты сам. И так же как Христа не обвиняют, что он братался со злом, и себя не нужно упрекать в том, что любовь к грешнику, который есть ты сам, является дружественным соглашением со злом. Любовью улучшают, ненавистью ухудшают, в том числе и себя. Опасность этого воззрения — та же, что опасность подражания Христу; но праведный не даст заставить себя врасплох в беседе с мытарем и блудницей.

Я, по-видимому, должен подчеркнуть, что психология не изобрела ни христианства, ни "imitatio" Христа. Я желаю всем, чтобы церковь сняла с них бремя их грехов. Но кому она не может сослужить эту службу, тот — в подражание Христу — должен *очень низко нагнуться*, чтобы взять на себя бремя своего креста. Античность умела помочь себе старинной греческой мудростью: Μηδὲν ἄγαν, τῷ καιρῷ πάντα πρόσεστι καλὰ*. Но какая бездна отделяет нас от этого разума! Помимо моральной трудности существует также опасность, и немалая, которая особенно у патологически предрасположенных индивидуумов может вести к осложнениям. Это заключается в том факте, что содержания личного бессознательного (т.е. Тени) поначалу неразличимо совпадают с архетипическими содержаниями коллективного бессознательного и при осознании (Bewußtwerdung) Тени как бы тянут их с собой навверх. Посредством этого может получиться жуткое воздействие на сознание, ибо от оживления архетипов будет неуютно и самому трезвому рационалисту (и как раз особенно ему). Он страшится именно низшей формы убеждения — суеверия, которое, как он полагает, ему навязывается. У таких людей это суеверие в своей подлинной форме проявляется, однако, только тогда, когда они патологичны, но не тогда, когда они могут сохранить устойчивость. В последнем случае оно проявляется тогда, например, в виде страха перед "сумасшествием". Ибо все, что современное сознание не может дефинировать, считается духовной болезнью. Во всяком случае, надо сказать, что архетипические содержания коллективного бессознательного часто принимают в сновидениях и фантазиях гротескно-жутковатый вид. А от чрезмерной чувствительности к кошмарным сновидениям и от навязчивых страшных фантазий не застраховано даже самое рационалистическое

---

* "Ничего сверх меры; в правильной мере все благое".

сознание. Психологическое толкование этих образов, о которых невозможно не знать и которые невозможно замалчивать, логично ведет в глубины религиозно-исторической феноменологии. Ибо история религии в широчайшем смысле этого понятия (т.е. включая мифологию, фольклор и примитивную психологию) является кладезем архетипических образов, откуда врач может извлекать полезные параллели и поясняющие сравнения, предназначенные для умиротворения и просветления тяжело расстроенного в своих ориентациях сознания. Безусловно необходимо, так сказать, давать контекст всплывающим образам фантазий, которые выступают по отношению к сознанию как чуждые и даже угрожающие, для того чтобы подводить их ближе к пониманию. Это, как показывает опыт, лучше всего получается с помощью мифологического сравнительного материала.

Наш первый раздел дает большое количество таких примеров. Читателю особенно бросится в глаза тот факт, что существует больше чем достаточно взаимоотношений между индивидуальной символикой сновидений и средневековой Алхимией. Ведь это не прерогатива изложенного случая, а всеобщий факт, который бросился мне в глаза лишь десять лет назад только потому, что я лишь тогда начал серьезно изучать образ мышления и символику Алхимии.

Второе исследование в книге *“Психология и Алхимия”* содержит введение в символику Алхимии в ее отношении к христианству и гностицизму. В качестве просто введения оно, конечно, весьма далеко от полного изложения этой сложной и темной области, — а главный его предмет составляет параллель Христос — япис⁵¹. Эта параллель, разумеется, дает повод для сравнения представлений о цели *“opus alchymicum”*⁵² с центральными христианскими представлениями; ибо то и другое имеет самое большое значение для понимания и истолкования являющихся в

сновидениях образов и для их психологического действия. Последнее важно для практики психотерапии, потому что нередко именно интеллигентнейшие и образованнейшие пациенты, для которых невозможно возвращение в церковь, соприкасаются с архетипическими материалами и тем задают врачу проблему, с которой чисто персоналистски ориентированной психологии уже не совладать. Знания только психических структур невротизов тоже ни в коем случае не достаточно; ибо как только процесс достигает сферы коллективного бессознательного, имеешь дело со *здоровым материалом*, а именно с универсальными основами индивидуально изменчивой *psyche*. В понимании этих более глубоких слоев *psyche* нам помогают, с одной стороны, сведения по примитивной психологии, а с другой стороны, и в совершенно особенной мере, знание о непосредственно исторически предшествующих стадиях современного сознания. На одной стороне это — дух церкви, который породил сегодняшнее сознание, на другой же стороне — наука, в началах которой сокрыто многое, что не смогло быть принято церковью. Это по преимуществу остатки античного духа и античного ощущения природы, которые были неискоренимы и в конце концов нашли себе убежище в средневековой натурфилософии. В качестве "*spiritus metallorum*"⁵³ и астрологических компонентов судьбы древние планетные боги пережили многие христианские столетия*. В то время как в церкви возрастающее разделение обряда и догмы удаляло сознание от его естественной укорененности в бессознательном, Алхимия и Астрология непрерывно занимались тем, чтобы не дать рухнуть мостам, ведущим вниз, к природе, т.е. бессознательной душе. Астрология упорно вела сознание назад, к познанию *heimatene*, т.е. зависимости характера и судьбы от

* Еще Парацельс говорил о "богах" в "*Mysterium magnum*". Phil. ad Athen. (Sudhoff, XIII, S. 403); так же и сочинение Абрахама Элеазара, находившегося под влиянием Парацельса (XVIII век).

определенных моментов времени, а Алхимия вновь и вновь давала повод к проецированию тех архетипов, которые не могли без трений вписаться в христианский процесс. Хотя Алхимия, с одной стороны, постоянно приближалась к границам ереси и была запрещена церковью; но, с другой стороны, она пользовалась действенной защитой темноты своей символики, которая в любое время могла быть выдана за невинный аллегоризм. Этот аллегорический аспект для многих алхимиков, несомненно, стоял на переднем плане постольку, поскольку они были твердо убеждены в том, что следует иметь дело только с химическими телами. Но всегда находились некоторые, для которых при работе в лаборатории был важен *символ* и его психическое действие. Как показывают тексты, они отдавали себе в этом отчет, и притом до такой степени, что воротили нос от наивных делателей золота как от лжецов, обманщиков и обманутых. Свою позицию они возвещали такими положениями, как "aurum nostrum non est aurum vulgi"⁵⁴. Хотя их занятия веществом и были серьезным усилием проникнуть в сущность химических превращений; но одновременно они были также — и часто в преобладающей степени — отражением параллельно протекающего *психического* процесса, который тем легче может проецироваться на незнакомую химию вещества, что этот процесс есть бессознательное природное событие — точно так же, как таинственное изменение вещества. Наброшенная выше проблематика процесса становления личности, так называемого процесса индивидуации, и есть то, что выражается в алхимической символике.

В то время как великое стремление церкви есть "imitatio Christi", алхимик, сам того ясно не осознавая или совсем не желая, оказывается во власти бессознательных, данных от природы предпосылок своего духа и сущности, в одиночестве и темной проблематике своего дела, потому что он ведь нигде не может опереться на ясные и недвусмысленные

примеры, как христианин. Авторы, которых он штудировал, снабжают его символами, чей смысл он стремится понимать на свой манер, а в действительности они затрагивают и возбуждают его бессознательное. Алхимики, иронизируя над собой, выдумали слово "obscurum per obscurius"⁵⁵. Этим методом они предаются как раз именно тому процессу, от которого церковь стремилась их спасти, предлагая им в своих догматических формулировках аналогии именно этого процесса, которые в полную противоположность Алхимии были оторваны от природной взаимосвязи посредством прикрепленности к историческому облику Спасителя. Это единство Четверки, это философское золото, этот "lapis angularis"⁵⁶, эта "aqua divina"⁵⁷ были в церкви четырехручным крестом, на котором Единородный принес себя в жертву — один раз исторически и одновременно на все времена. Алхимики — в нецерковной форме — предпочитали поиск посредством познания найденному через веру, хотя они, как люди средневековые, казались себе не кем иными, как добрыми христианами. Парацельс в этом отношении — школьный пример. Но в действительности у них выходило так, как выходит у современного человека, который предпочитает или по необходимости должен предпочитать индивидуальный праопыт вере в традиционный образ. Догма — не исключительно произвольное изобретение или однократное чудо, как она изображается с недвусмысленной целью изъятия из природной взаимосвязи. Центральные христианские представления коренятся в той гностической философии, которая *должна была* развиваться по психологическим законам в то время, в которое классические религии становятся неупотребимыми. Она базируется на восприятии символов бессознательного процесса индивидуации, который вводится в действие всегда, когда господствующие в человеческой жизни коллективные представления верхнего слоя (Obervorstellungen) оказываются разрушенными. В такое время

непременно имеется изрядное количество индивидуумов, которые в более высокой степени одержимы нуменозными⁵⁸ архетипами, выступающими на поверхность, чтобы образовать новые доминанты. Эта одержимость выражается, так сказать, исключительно в том факте, что одер-

жимые идентифицируют себя со своими содержаниями и, понимая навязанную им роль не как действие новых содержаний, которые еще только должны быть познаны, образцово воплощают их в своей жизни, почему и становятся пророками и реформаторами. Поскольку архетипическое содержание христианской драмы было в состоянии удовлетворительно выразить встревоженное и

толкающееся бессознательное многих, этот "consensus omnium"⁵⁹ возвысился до общеобязательной истины, конечно, не посредством суждения, а посредством много более действенной иррациональной одержимости. Тем самым Иисус стал амулетом против тех архетипических сил, которые грозят каждому быть одержимым ими. Благая весть возвестила: "Это случилось, но это больше не случится с вами, покуда веруете в Иисуса, Сына Божьего!". Но это могло случиться, это может случиться и это сможет случиться со всяким, поскольку христианская доминанта для него рушится. Поэтому всегда были люди, которые тайно и на окольных путях, к своей гибели и к своему спасению, не удовлетворялись доминантой сознательной жизни, а, помня о том праопыте, искали вечные корни и, следуя чарам встревоженного бессознательного, отправлялись в ту пустынь, где они, как Иисус, сталкивались с Сыном мрака, этим *ἀντίμιον πνεύμα*. Так молится один алхимик (а он — клирик!): "*Horridas nostrae mentis purga tenebras, accende lumen sensibus!*"⁶⁰. Здесь хорошо ощутим опыт "*nigredo*"⁶¹, первой стадии (алхимического. — пер.) Делания, который переживался как "меланхолия"⁶² и психологически соответствует встрече с Тенью.

Поэтому когда современная психология снова сталкивается с воскрешенными архетипами коллективного бессознательного, то тем самым повторяется тот феномен, который, хотя и наблюдался чаще во времена великих религиозных переворотов, но проявляется и у индивидуума, поскольку господствующие представления верхнего слоя для него больше ничего не значат. Пример этому — изображенное в "*Фаусте*" "*descensus ad inferos*"⁶³, которое, осознанно или бессознательно, равнозначно "*opus alchymicum*".

Вызванная к бытию Тенью проблематика противоположного играет в Алхимии большую и решающую роль — ведь она по ходу (алхимического. — пер.) Делания ведет в конечном счете к объединению противоположностей

в архетипической форме священного брака, а именно “химической свадьбы”. В ней крайние противоположности в облике мужского и женского (как в китайских Ян и Инь) сплавляются в единство, которое больше не содержит в себе противоположностей, а потому неразложимо. Предпосылкой этого является, конечно, то, что “artifex”⁶⁴ не идентифицирует себя с образами Делания, а оставляет их в объективной имперсональной форме. Покуда Алхимия неутомимо трудилась в лаборатории над Деланием, она ощущала себя душевно благополучной. Ибо покуда было так, у алхимика не было никакой причины идентифицировать себя со всплывающими архетипами, поскольку последние всем скопом проецировались на химическое вещество. Изъян этой ситуации состоял, разумеется, в том, что алхимик был обязан представлять неразложимую субстанцию как химическое тело, что было предприятием безнадежным, в котором лабораторная Алхимия в конце концов почилла и уступила место химии⁶⁵. Но душевная часть Делания не исчезла, а вызвала к жизни новые интерпретации, как мы видим на примере “Фауста” и по многозначительному отношению современной психологии бессознательного к алхимической символике.

ПРИМЕЧАНИЯ

Этот текст является введением к большой книге К.Г.Юнга *“Психология и Алхимия”*. (Jung C.G. *Psychologie und Alchemie*. Zürich, 1944).

“Введение” обладает рядом особенностей, которые необходимо прокомментировать. Во-первых, непосредственный контекст “Введения”, т.е. текст книги, недоступен читателю настоящего издания. Во-вторых, имеются, так сказать, сверхконтексты, и их нужно учитывать для понимания “Введения” как своего рода опуса, т.е. как целого. Эти сверхконтексты связаны с замыслом и концепцией, развиваемыми Юнгом. Первое, что следует здесь отметить, — повышенная эмоциональность текста, вызванная пафосом оппонирования как прямым научным противникам Юнга, так и — более широко — олицетворяемым ими сторонам европейской культуры, современной европейской “души”, современного христианства. Отсюда стилистическая пестрота “Введения”, в котором перемешаны три редко совмещаемых друг с другом слоя: нормализованный научный стиль, разговорно-бытовой и высокий, “библейский” стили. Переводчик пытался по возможности сохранить эти особенности оригинала, ради чего ему пришлось принести в жертву стиль перевода.

Далее, текст непрост также из-за некоторого “пифизма”, загадочности и таких стилистических особенностей, как серийность в выборе слов внутри небольшого отрезка текста (что не всегда удалось сохранить в переводе) и циклизм, когда за одной серией монотонно повторяющихся слов следует другая. Все это сообщает тексту Юнга известную степень суггестивности или даже заклинательности. Наконец, “Введению” присущ композиционный циклизм, своего рода музыкальность (тематизм), например, трижды возникающая тема “подвешенности” — один раз

применительно к психологии, другой — к религии и, наконец, — к Алхимии. Тем самым мы уже затронули источник этих сверхконтекстов, а именно замысел Юнга продемонстрировать на самом тексте основную идею, в нем заключенную, — идею глубокого сущностного родства психологии, религии и Алхимии.

Отвлекаясь от подробностей, место которым в специальном исследовании, посвященном этому вопросу, рискну высказать предположение, что само *“Введение”* построено по образцу, по “архетипу” алхимического *“Делания”*, когда основная тема сублимируется в ходе изложения, проходя различные стадии — от психотерапии (извлечения) через религиозное спасение и алхимическое “исцеление” (см. прим. 41) металлов к просветленной таким путем терапии — не столько, может быть, индивидуальной, сколько коллективной, затрагивающей сферу культуры, включая религию, сферу, глубоко пораженную, по мнению Юнга, прежде всего на уровне души. *“Введение”* как алхимический процесс заканчивается на стадии нигредо (см. прим. 61), что символически (архетипически) соответствовало бы погружению в культурно-исторические глубины Алхимии и тех архетипов бессознательного, которые в ней выражены (кстати, само слово “архетип” использовалось алхимиками, например, Агриппой Неттесхаймским). Не случайно нигредо появляется в конце текста.

Возможно, высказанное здесь предположение поможет читателю более глубоко понять *“Введение”* со всеми его трудностями и тонкостями. Некоторые разъяснения, касающиеся Алхимии (по необходимости совсем короткие), читатель найдет в нижеследующих примечаниях.

Перевод выполнен В.М.Бакусевым по изданию: Jung C.G. *Bewußtes und Unbewußtes*. Frankfurt a. M., 1979.

¹ Calamum quassatum non conteret, et linum fumigans non extinguet. — Трости надломленной не переломит, и

льна курящегося не угасит... (Исаия, 42:3) (лат.)

² Непосредственный смысл этого “выжидания” наиболее очевиден из дальнейшего изложения. Кроме того, здесь скрыта аллюзия на узус алхимиков (см. прим. 61).

³ Другое выражение для “выжидания”; ср. преамбулу к настоящим примечаниям. В герметической традиции — символ обретения самости через смерть.

⁴ “Hanging on” — подвешенность на... (англ.).

⁵ *Ars totum requirit hominem* — наука исследует целостного человека (лат.).

⁶ *Homo totus* — человек целостный (лат.).

⁷ *Longissima via* — самая длинная дорога (лат.).

⁸ Артефакт — искусственно созданная вещь.

⁹ *Deo concedente* — подчиняясь Богу (лат.).

¹⁰ *Arbiter mundi* — судьей мира (лат.).

¹¹ Экхарт Иоганн (Майстер, “Учитель”) (1260—1327) — крупный немецкий богослов неортодоксального толка, выдвигал учение об имманентности абсолюта душе.

¹² *Mysterium magnum* — великое таинство (лат.), — термин, связывающийся прежде всего с неофициальными традициями богопознания (от гностиков до Якоба Беме).

¹³ души, сделанной в подражание (греч.).

¹⁴ по природе религиозна (лат.).

¹⁵ “жених” (и) “невеста” (лат.) — термины, используемые как христианством, так и алхимиками. В христианстве “жених” — Христос, “невеста” — с одной стороны, душа (особенно у мистиков), а с другой — церковь как совокупность верующих (но она же — мистически — земное тело Христа).

¹⁶ “*Contradictiones in adiecto*” — противоречий в определении (лат.).

¹⁷ Игра слов: “штурмующий небеса” по-немецки может означать “богоборец”.

¹⁸ Амплификация — усиление; здесь может означать “возвеличивание” (риторический прием).

¹⁹ “Raison d’être” — смыслом существования (фр.); здесь: необходимостью.

²⁰ по преимуществу, главным образом (греч.).

²¹ In extenso — в развернутом виде (лат.).

²² “Ineptia mysterii” — нелепости таинства (лат.).

²³ От лат. probabilis — вероятный. Пробабилизм был свойствен также античным скептикам, но в смысле оценки истинности суждений.

²⁴ Expresis verbis — с полной отчетливостью (лат.).

²⁵ Марии Проретиссе (“Пророчице”), или Марии Египетской, (III в.) приписывается авторство некоторых алхимических текстов.

²⁶ “Serpens mercurii” — змей Меркурия (лат.). Философский Меркурий (в отличие от телесного Меркурия, т.е. ртути) — огненный водяной дух, воздушный мировой дух, меркуриальная вода, философское море — у алхимиков всеобщая мировая субстанция, “первая материя металлов”. В алхимическом процессе меркурий выполняет функцию посредничества между противоположностями духа и тела, т.е. функцию души. Сам Юнг пользуется этим символом (“Правильный путь к целостности...” и т.д.).

²⁷ “Prima materia” — первая материя (лат.) — первоначальный хаос, от которого алхимику предстоит пройти путь к духу, т.е. к “Философскому Камню” (см. прим. 51).

²⁸ Тоху (древнееврейск.) в русской Библии — те “воды”, над которыми носился Дух Божий, творя мир. Позднейшей традицией было осмыслено как символ первой, бесформенной материи; в каббалистическом трактате “Сефер Йецира” — линия, извивающаяся вокруг мира.

²⁹ Тиамат — в аккадской мифологии богиня, воплощавшая первоначальный хаос; ее образ связывался с морем и драконом.

³⁰ “Filius macrocosmi” — макрокосмического сына (лат.), т.е. меркурия (архетип младенца у Юнга). В

качестве матери у алхимиков выступает первичный хаос, или первая материя.

³¹ *Beata Virgo* — Блаженной Девы (лат.), Девы Марии.

³² *“Salvator macrocosmi”* — спасителем макрокосма (лат.), т.е. мира стихий. См. прим. 65.

³³ *“Filius philosophorum”* — Философский сын (лат.), опять-таки меркурий.

³⁴ *Contra naturam* — противоестественно (лат.).

³⁵ Крайности сходятся (фр.).

³⁶ Возможно, имеется в виду, что у некоторых алхимиков меркурий является как одним из трех принципов (начал) (соль, сера, меркурий), так и отдельной, четвертой сущностью, “философским меркурием”, в которой первые три совпадают. Вообще число меркурия — 8.

³⁷ *“Quadratus”* — четырехугольный, квадратный (лат.).

³⁸ Единое четвертое (греч.).

³⁹ Т.е. перевода в сознание. Этот неологизм по-русски, может быть, звучит неважно, но зато ухватывает процессуальность, аналогичную алхимическому “Деланию”.

⁴⁰ “Великое дерево” — церковь как источник спасения. “Подвешены на излечении” — т.е. вынуждены идти по пути, предлагаемому психологией (и Алхимией), чтобы достичь самости (“твердой опоры”) как спасения, ибо в религии они его уже не находят.

⁴¹ Следует указать на многозначность корня “heil-” в немецком языке. От этого корня образованы термины “процесс исцеления” (*Heilungsvorgang*) и “значение спасения” (*Heilsbedeutung*). “Heil-” означает: 1) целостность, неповрежденность; 2) здоровье, исцеленность; 3) святость; 4) спасение. Первично значение “целостность”. Родственно русскому слову “целый”. Ср. “*homo totus*”.

⁴² *“Consensus gentium”* — согласие всех (лат.).

⁴³ *“Contritio”* — сокрушение (лат.).

⁴⁴ *“Attritio”* — раскаяние (лат.).

⁴⁵ “*Contritio naturalis*” — “естественное сокрушение” (лат.).

⁴⁶ “*Peccatum originale*” — “первородного греха” (лат.).

⁴⁷ *Felix culpa* — блажен виновный (лат.).

⁴⁸ Харизма — благодать (греч.).

⁴⁹ Католичность — всемирность, вселенство.

⁵⁰ “Только верой” (спасется человек) — лозунг лютеранской Реформации, смысл которого в эмансипации религиозной автономности субъекта: для спасения, “оправдания” нужно не внешнее служение, а вера в искупление греха крестной смертью Христа. Эта позиция существовала в христианстве задолго до Лютера (Тертуллиан, Августин, Бернар Клервоский). Противоположная ей зафиксирована в Новом Завете (Иак. 2:14; 2:17). Она выражает точку зрения католицизма, так что Юнг в этом важном вопросе как бы более консервативен, чем протестантские теологи (его противники и пациенты). Но по смыслу этой формулы он выходит за рамки обеих конфессий.

⁵¹ *Lapis* — Камень (лат.), т.е. “Философский Камень” алхимиков. Поздний алхимик (XVIII в.) дает такое определение: “Камень мудрых есть небесная, духовная, всепроникающая устойчивая субстанция, которая делает совершенными все металлы, превращая их в чистое золото, и выдерживает (оно) любую пробу”. Алхимия формулирует свою цель как совершенствование, исцеление, излечение несовершенных по природе (больных) субстанций (металлов), почему и называет себя часто медициной. (Кстати, этот медицинский аспект Алхимии яснее всего выражен в столь любимой Юнгом восточной традиции. У даосских алхимиков выплавление “золотой пилюли бессмертия” (аналога “Философского Камня”) происходит непосредственно в теле человека. Цель этого процесса, как явствует из наименования пилюли, — полное одухотворение и приобретение бессмертия, т.е. приобщение к Богу). Здесь важно отметить три момента. Первый — некоторая степень

апофатизма в характеристике Камня: он — камень и в то же время “не камень”. Второй — то обстоятельство, что он, говоря словами того же алхимика, “есть в каждом человека, и его можно найти в любое время и в любом месте”. Третий — то, что, в отличие от ртути, который посредничает между противоположностями, Камень является их актуальным совпадением, тождеством. У Юнга Камень — архетип Самости.

⁵² “Opus alchymicum” — “алхимического Делания” (лат.).

⁵³ “Spiritus metallorum” — “дух металлов” (лат.).

⁵⁴ “Aurum nostrum non est aurum vulgi” — “Золото наше не есть золото толпы” (лат.). Часть алхимиков вообще настаивали на нерукотворности процесса.

⁵⁵ “Obscurum per obscurius” — “Темное (понимать, объяснять) через еще более темное” (лат.).

⁵⁶ “Lapis angularis” — “краеугольный камень” (лат.) — еще одно название Абсолюта алхимиков.

⁵⁷ “Aqua divina” — “Божественная вода” (лат.) — философский Меркурий.

⁵⁸ От лат. numen — Бог, Божество.

⁵⁹ “Consensus omnium” — “согласие всех” (лат.).

⁶⁰ “Очисти умы наши от ужасных теней, зажги свет в мыслях!” (лат.).

⁶¹ “Nigredo” — “чернота” (лат.). Нигредо — первая стадия на пути превращений алхимической субстанции, сублимации — диссолюция (растворение) тела, когда “грубое становится тонким”. Этот процесс описывается как столкновение и последующее сочетание (“химическая свадьба”), но также и как смерть (уничтожение, “гниение” тела), и по достижении субстанцией полной черноты постепенно идет к белизне, альбедо (одухотворению субстанции). Алхимики подчеркивают, что именно на стадии нигредо, как нигде, от адепта требуются мужество, терпение и выдержка, чтобы не прийти к сомнению и не погубить

все дело, потому что процесс идет так же медленно, как наступление ночи. Для достижения полной темноты нужно сорок дней. Ср. “выжидание” у Юнга.

⁶² Меланхолия по-гречески “черная желчь” (см. гравюру А. Дюрера).

⁶³ “Descensus ad inferos” — “сошествие в преисподнюю” (лат.). Оно равнозначно не столько всему “Деланию”, сколько нигредо.

⁶⁴ “Artifex” — “творец” (лат.), т.е. адепт-алхимик.

⁶⁵ Следует добавить, что некоторые алхимики прямо заявляли, что Алхимия — “благородное искусство познавать себя самого” и что причина неудач на этом пути — “извращенные аффекты”.

ПРИЛОЖЕНИЕ

НЕКОТОРЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЗНАЧКИ АЛХИМИИ И ГЕРМЕТИЗМА

- — обычные квасцы, вечность, движение, мужской принцип, воздух.
- — золото и Солнце, соль — сильнейшая после селитры и купороса; Бог и вселенная, в масонстве — знак ордена.
- — соль или Саль — ключ алхимического искусства.
- — селитра, — царь всех солей и мельница, которая все перемалывает.
- — купорос; соль, ближайшая к селитре.
- — медная зелень и ярь-медянка, стихии в космосе.
- — поваренная соль (2-й знак).
- — мертвая голова.

		— сурьма и киноварь.
		— сурьмяный цвет, планета Земля.
		— порошок.
		— реальгар.
		— каменная соль.
		— созвездие Тельца, застывание, аммиачная соль.
		— серебро и планета Луна.
		— медь и планета Венера.
		— бронза.
		— Ртуть, Меркурий-планета и "азот" алхимиков.
		— взогнанный Меркурий (sublimatum).
		— осажденный Меркурий (precipitatum).
		— щелочь.
		} железный или красный купорос.
		— медный купорос.

- — стеклянный стакан.
- — железные опилки.
- — железо. Планета Марс.
- — реторта.
- — квинтэссенция.
- — дистиллирование.
- — поваренная соль.
- — марказит (сернистое железо).
- — воск.
- — золото и Солнце.
- — "туция", окись цинка.
- — спирт, дух.
- — кипячение.
- — годичный срок Деяния.
- — мышьяк.
- — аурипигмент.
- — магнит.

	— возгонка, тонкое.
	— очищение.
	— реальгар.
69	— созвездие Рака, соль аммиака, растворение.
	— дневной срок.
	— ночной срок.
	— камедь, растительный клей.
	— масло.
	— водка.
	— камфора, stratum super statum.
	— твердая соль.
	— вода (стихия древних).
	— огонь (стихия древних).
	— земля (стихия древних).
	— воздух (стихия древних).
	— сера, дух Юпитера. Перевернутый крестом наверх, знак Великого Деяния.

— углубление.

— сера философов (идеальная).

— азотная кислота.

— царская водка.

— поваренная соль.

— моча.

— месячный срок.

— созвездие Близнецов, реальгар, затвердевание.

— квасцы обыкновенные.

— винный камень.

— сурьма.

— мыло.

— каменная соль.

— щелочь.

— окончание "Великого Дела",
пантакль Соломона — инволюция
и эволюция.

— амальгама (1).

△	— амальгама (2).
XX	— амальгама (3), алембин.
⋈	— марказит (сернистое железо).
[ ]	— цинковый купорос.
+	— уксус и четыре элемента древних.
⋈	— дистиллированный уксус.
∩	— спирт, дух, газ.
⌒	— созвездие Весов, возгонка, римский купорос.
∪	— осаждение.
≍	— созвездие Водолея, селитра, умножение камня.
≍	— вода.
⋈	— свинцовые белила.
∩ ∩	— сода.
↑ /	— созвездие Стрельца, квасцы, смешение.
✱ ✱	— нашатырь, щелочная соль.
∨	— замазывание.

- γ — созвездие Овна, антимоний, кальцинация.
- ⚔ — пережженные винные дрожжи.
- Y — фитиль.
- ♀ — негашеная известь.
- ⚔ — сделать огнестойным.
- ⋈ — созвездие Рыб, ртуть, прибавление.
- ⋈ — }
⋈ — } винный камень.
- С С — известь.
- С — прокаливать.
- С — кристалл.
- Z — замазывание.
- 33 — киноварь.
- 33 — фильтрация.
- 3 — отожженная медь.
- 4 — олово и планета Юпитер.

- § — масло.
 ζ — созвездие Козерога, перистые
 квасцы, брожение.
 ♌ — созвездие Льва, золото, перева-
 ривание.
 ☿ — глет, окись свинца.
 ♀ — магнезия.
 ♄ ♄ ♄ — свинец и планета Сатурн.
 ♀ — порошок.
 ♏ — созвездие Скорпиона, сера, разде-
 ление.
 ♍ ♍ — созвездие Девы, красный аури-
 пигмент, дистилляция.
 ааа — амальгама.
 В — ванна.
 С — кристалл.
 С С — известь.
 СС — cornu de cerf (растение).
 Е — квинтэссенция, сгущение.

Е	— зола.
Н	— сгущение.
h	— свинец.
М	— магнезия.
МВ	— водяная баня.
N	— замазывание.
О	— соль.
Р	— порошок.
Р	— дух, газ, спирт.
Sp	— spiritus, дух. газ, спирт.
SSS	— слои на слое.
sss	—
Т	— бура.
V	— вино.
V ^s	— винный спирт.
В	— паровая ванна.
XX	— амальгама.

X	— тальк.
X̣	— уксус.
X̄	— дистиллированный уксус.
℥	— винный камень.
Z	— замазывание.
33	— киноварь.
33	— фильтрование.
	— перистые квасцы.
( )	— серебро или Луна.
	— углубление.
	— толченый кирпич.
	— кирпичный порошок.
	— марказит (сернистое железо).
	— песок.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Альберт Пуассон — французский ученый XIX века, посвятивший многие годы изучению теоретических основ символизма и истоков алхимического Делания, а также длительное время пытавшийся на практике постичь отдельные этапы этого процесса.

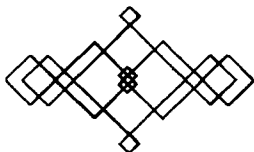
Николай Александрович Морозов — видный русский ученый в области естествознания, химик, биофизик, астроном, почетный член Академии наук, директор биологической лаборатории Лесгафта. Большинство его научных трудов было написано во время двадцатипятилетнего заточения в Шлиссельбургской крепости, куда он был заключен за участие в движении “Народная Воля”.

Фернанд Шварц — современный антрополог, на протяжении многих лет изучавший мифологические и символические системы традиционных и современных обществ, специалист по проблемам креативности. В настоящее время является руководителем “Нового Акрополя” во Франции, консультантом парижской Школы Антропологии.

Мирча Элиаде — видный современный ученый, занимающийся вопросами теории мифа, истории религии, сравнительным религиоведением. Многие его работы посвящены проблемам миропонимания в разные исторические эпохи на Востоке и Западе, в том числе символизму, магии и оккультизму.

Карл Густав Юнг — швейцарский ученый, основатель аналитической психологии, которую он сам назвал “алхимией XX века”. Его поиски внутреннего человека позволили сблизить психологию с религией, мифологией и философией. Многолетнее изучение алхимии позволило ему связать поиски Философского Камня с гностической традицией и религиозно-мифологическими представлениями.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
А. Пуассон. Теория и символы	
Алхимии. Великое Делание.	11
Введение	13
Глава I	19
Глава II	27
Глава III	31
Глава IV	38
Н. А. Морозов. В поисках	
Философского Камня	53
К читателю	55
Глава I. Первые шаги химии	57
Глава II. Красный камень алхимиков	72
Глава III. Что дошло до нас из рукопис- ной литературы допечатного времени?	146
Ф. Шварц. Алхимия и совре- менная антропология	157
М. Элиаде. Arcana artis	181
Из предисловия	183
Алхимия и инициация	186
Arcana artis	198
К.Г. Юнг. Введение в религиозно- психологическую проблематику	
Алхимии	215
Примечания	265
Приложение. Некоторые символичес- кие значки Алхимии и Герметизма	273
Коротко об авторах	283

ФИЛОСОФСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ПОРОГЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

...Акрополем в Афинах назывался священный холм в центре города, на котором возвышались храмы. Для древних греков он являлся сакральным местом встречи богов и людей, видимого и невидимого миров, местом, где прошлое, настоящее и будущее сливается в одно — вечное существование...

"Новый Акрополь" сегодня — это международное гуманистическое философское движение, объединяющее 150 центров в 55-ти странах мира.

"Новый Акрополь" существует с 1957 г. Как международная ассоциация он был официально зарегистрирован в Брюсселе (Бельгия) в 1981 г.

Деятельность "Нового Акрополя", его цели и принципы неразрывно связаны с теми проблемами и вопросами, которые стоят перед человечеством на пороге третьего тысячелетия.

Из устава Международной ассоциации:

1. Объединять людей вокруг идеала всеобщего братства, невзирая на расовые, социальные, национальные и религиозные различия.

2. Помогать человеку в развитии целостного видения мира через сравнительное изучение философских систем, религий, наук и искусств.

3. Исследовать непознанные законы Природы и непроявленные потенциалы человека.

На Украине центры "Нового Акрополя" работают в Киеве и Черкассах, в России — в Москве, Санкт-Петербурге, Новгороде, Твери и Калининграде.

Телефоны
для справок

(044) 554 76 87	Киев
(044) 513 53 82	
(047) 263 33 80	Черкаassy

СТУДИЯ ЦЕЛОСТНОГО ЧЕЛОВЕКА

В рамках "Нового Акрополя" работает Студия целостного человека, которая предлагает комплекс — ную программу теоретического и практического обучения. В ее основе лежит идея целостного развития личности, гармонизации Духа, Души и Тела.

Программа Студии целостного человека построена по принципам классических философских школ древности. Она призвана способствовать выявлению в каждом из нас Целостного Человека, развитию внутренней стойкости перед жизненными испытаниями, пробуждению любви к Мудрости и душевного благородства.

Программа базируется на сравнительном изучении традиций, культур, религий и философских систем Востока и Запада, современной глубинной психологии, антропологии, социологии и других гуманитарных и естественных наук.

Большое внимание уделяется изучению универсального языка символов, новых путей гармоничного общения с Природой для восстановления утраченных связей с ней.

Ученик Студии — это не просто пассивный слушатель лекций. В процессе занятий развивается принцип "внутреннего диалога", позволяющий проявить характерные черты индивидуальности ученика, его внутреннего мира, скрытые потенциалы его личности.

Для обучения в Студии целостного человека не важен возраст, не нужна специальная подготовка. Студия открыта для всех, кто молод душой и стремится к Мудрости, кто верит в реальность мечты, добро и красоту.

(095) 118 56 78 Москва
(095) 391 18 14
(812) 127 87 71 С.Петербург

(816) 009 95 55 Новгород
(08222) 6 06 29 Тверь
(0112) 43 00 09 Калининград

Теория и символы алхимии. Великое Делание.
Альберт Пуассон и др. — К.: "Новый Акрополь",
ООО "Бронт — ЛТД", 1995. — 288 с.

ISBN 5 — 7707 — 7742 — 7

Покров тайны, окутывающий древнее Герметическое Искусство, ключи понимания которого были утеряны за века материализма и увлечения технологическим прогрессом, дают повод для скепсиса и недоверия. Делается попытка приподнять завесу, познакомив читателя с основными положениями Алхимии и предоставив для этого слово выдающимся европейским исследователям и мыслителям XIX и XX века Альберту Пуассону, Николаю Морозову, Мирча Элиаде, Фернанду Шварцу, Карлу Густаву Юнгу.

Книга адресована широкому кругу читателей.

ISBN 5 — 7707 — 7742 — 7

© Предисловие, статья Ф. Шварца, перевод М. Элиаде. Новый Акрополь, 1995.

© Оформление. ООО "Бронт - ЛТД".

Ответственный редактор С.И. Гавриленко
Художник обложки В.П. Васильев
Художественный редактор Г.Г. Романцова
Технические редакторы Д.Ф. Гапеев, И.Н. Кэвэдо-Гарсиа

Подписано к печати 21.08.95. Формат 84х108/32.

Бумага офсетная №1. Гарнитура Академическая.

Печать офсетная. Усл.п.л. 14, 28. Зак. 649-5.

Издательство "Новый Акрополь" при содействии фирмы
"Бронт-ЛТД", 253100, Киев, Строителей, 14-9.

Львовская книжная фабрика "Атлас", 290005, Львов, Зеленая, 20.

Издательство
"Новый Акрополь"
(044) 554-73-44
(044) 554-76-87

BEANKOEFANNE